

Александр Пушкин

**Ранние стихотворения,
незавершенное, отрывки,
наброски**

Александр Сергеевич Пушкин
Ранние стихотворения,
незавершенное,
отрывки, наброски

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21119494

Александр Сергеевич Пушкин
Ранние стихотворения,
незавершенное, отрывки, наброски

1813

ДВУМ АЛЕКСАНДРАМ ПАВЛОВИЧАМ

Романов и Зернов лихой,
Вы сходны меж собою:
Зернов! хромаешь ты ногой,
Романов головою.
Но что, найду ль довольно сил
Сравненье кончить шпицом?
Тот в кухне нос переломил,
А тот под Австерлицем.

К НАТАЛЬЕ

Pourquoi craindrais-je de le dire?

Так и мне узнать случилось,
Что за птица Купидон;
Сердце страстное пленилось;
Признаюсь – и я влюблен!
Пролетело счастья время,
Как, любви не зная бремя,
Я живал да попевал,
Как в театре и на балах,
На гуляньях иль в воксалах
Легким зефиром летал;
Как, смеясь во зло Амуру,
Я писал карикатуру
На любезный женский пол;
Но напрасно я смеялся,
Наконец и сам попался,
Сам, увы! с ума сошел.
Смехи, вольность – все под лавку,
Из Катонов я в отставку,
И теперь я – Селадон!
Миловидной жрицы Тальи
Видел прелести Натальи,
И уж в сердце – Купидон!
Так, Наталья! признаюсь,
Я тобою полонен,
В первый раз еще, стыжуся,
В женски прелести влюблен.

Целый день, как ни верчуся,
Лишь тобою занят я;
Ночь придет – и лишь тебя
Вижу я в пустом мечтанье,
Вижу, в легком одеянье
Будто милая со мной;
Робко, сладостно дыханье,
Белой груди колебанье,
Снег затмившей белизной,
И полуотверсты очи,
Скромный мрак безмолвной ночи —
Дух в восторг приводят мой!...
Я один в беседке с нею,
Вижу... девственну лилею,
Трепещу, томлюсь, немею...
И проснулся... вижу мрак
Вкруг постели одинокой!
Испускаю вздох глубокой,
Сон ленивый, томноокой
Отлетает на крылах.
Страсть сильнее становится,
И, любовью утомясь,
Я слабею всякий час.
Все к чему-то ум стремится,
А к чему? – никто из нас

Дамам вслух того не скажет,
А уж так и сяк размажет.
Я – по-свойски объяснюсь.

Все любовники желают
И того, чего не знают;
Это свойство их – дивлюсь!
Завернувшись балахоном,
С хватской шапкой набекрень
Я желал бы Филимоном
Под вечер, как всюду тень,
Взяв Анюты нежну руку,
Изъяснять любовну муку,
Говорить: она моя!
Я желал бы, чтоб Назорой
Ты старалася меня
Удержать умильным взором.
Иль седым Опекуном
Легкой, миленькой Розины,
Старым пасынком судьбины,
В епанче и с париком,
Дерзкой пламенной рукою
Белоснежну, полну грудь...
Я желал бы... да ногою
Моря не перешагнуть,
И, хоть по уши влюбленный,
Но с тобою разлученный,
Всей надежды я лишен.
Но, Наталья! ты не знаешь,
Кто твой нежный Селадон,
Ты еще не понимаешь,
Отчего не смеет он
И надеяться? – Наталья!

Выслушай еще меня:
Не владетель я Сераля[1],
Не арап, не турок я.
За учтивого китайца,
Грубого американца,
Почитать меня нельзя,
Не представь и немчурю,
С колпаком на волосах,
С кружкой, пивом налитую,
И с сигаркою в зубах.
Не представь кавалергарда
В каске, с длинным палашом.
Не люблю я бранный гром:
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчат моей руки
За Адамовы грехи.
– Кто же ты, болтун влюбленный? —
Взглянь на стены возвышенны,
Где безмолвья вечный мрак;

Взглянь на окна загражденны,
На лампы там зажженны...
Знай, Наталья! – я... монах![2]

НЕСЧАСТИЕ КЛИТА

Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки пишет,

Противу ямба, хоря злобой ужасною дышит;
Мера простая сия все портит, по мнению Крита,
Смысл затмевает стихов и жар охлаждает пиита.
Спорить о том я не смею, пусть он безвинных поносит,
Ямб охладил рифмача, гекзаметры ж он заморозит.

1814

БЛАЖЕНСТВО

В роще сумрачной, тенистой,
Где, журча в траве душистой,
Светлый бродит ручеек,
Ночью на простой свирели
Пел влюбленный пастушок;
Томный гул унылы трели
Повторял в глуши долин...
Вдруг из глубины пещеры
Чтитель Вакха и Венеры,
Резвых Фавнов господин,
Выбежал Эрмиев сын.
Розами рога обвиты,
Плющ на черных волосах,
Козий мех, вином налитый,
У Сатира на плечах.
Бог лесов, в дугу склонившись
Над искривленной клюкой,
За кустами притаившись,
Слушал песенки ночной,
В лад качая головой.
«Дни, протекшие в веселье!

(Пел в тоске пастух молодой)
Отчего, являсь мечтой,
Вы, как тень, от глаз исчезли
И покрылись вечной тьмой?
Ах! когда во мраке ночи,
При таинственной луне,
В темну сень прохладной рощи,
Сладко спящей в тишине,
Медленно, рука с рукою,
С нежной Хлоей приходил,
Кто сравниться мог со мною?
Хлое был тогда я мил!
А теперь мне жизнь – могила,
Белый свет душе постыл,
Грустен лес, поток уныл...
Хлоя – другу изменила!...
Я для милой... уж не мил!...»
Звук исчез свирели тихой;
Смолк певец – и тишина
Воцарилась в роще дикой;
Слышно, плещет лишь волна,
И колышет повиликой
Тихо веющий зефир...
Древ оставя сень густую,
Вдруг является Сатир.
Чашу дружбы круговую
Пенистым сребря вином,
Рек с ослабленным лицом:
«Ты уныл, ты сердцем мрачен;

Посмотри ж, как сок прозрачен
Блещет, осветясь луной!
Выпей чашу – и душой
Будешь так же чист и ясен.
Верь мне: стон в бедах напрасен.
Лучше, лучше веселись,
В горе с Бахусом дружись!»
И пастух, взяв чашу в руки,
Скоро выпил все до дна.
О могущество вина!
Вдруг сокрылись скорби, муки,
Мрак душевный вмиг исчез!
Лишь фиал к устам поднес,
Все мгновенно пременялось,
Вся природа оживилась,
Счастлив юноша в мечтах!
Выпив чашу золотую,
Наливает он другую;
Пьет уж третью... но в глазах
Вид окрестный потемнел —
И несчастный... утомился.
Томну голову склоня,
«Научи, Сатир, меня, —
Говорит пастух со вздохом, —
Как могу бороться с роком?
Как могу счастливым быть?
Я не в силах вечно пить».
– «Слушай, юноша любезный,
Вот тебе совет полезный:

Миг блаженства век лови;
Помни дружбы наставленья:
Без вина здесь нет веселья,
Нет и счастья без любви;
Так поди ж теперь с похмелья
С Купидоном помирись;
Позабудь его обиды
И в объятиях Дориды
Снова счастьем насладись!»

ГАРАЛЬ И ГАЛЬВИНА

Взошла луна над дремлющим заливом,
В глухой туман окрестности легли;
Полночный ветер качает корабли
И в парусе шумит нетерпеливом.
Взойдет заря – далек их будет строй.
Остри свой меч, воитель молодой!

Где ты, Гараль? Печальная Гальвина
Ждет милого в пещерной темноте.
Спеши, Гараль, к унылой красоте!
Заря блеснет – и гордая дружина
Умчится вдаль, грозящая войной.
Где ты, где ты, воитель молодой?

Гальвина с ним. О, сколько слез печали,

И сколько слез восторгов и любви!
Но край небес бледнеет, и вдали
Редает тень. Уж латы зазвучали;
Близка заря; несется шум глухой...
Что медлишь ты, воитель молодой?

Призывному Гальвина клику внимлет,
Тоски, надежд и робости полна,
Едва дыша, разлуки ждет она;
Но юноша на персях девы дремлет.
Призывы битв умолкли за горой, —
Не слышал их воитель молодой.

Уже суда покинуть брег готовы,
К ним юноши с веселием бегут;
Прощальну длань подругам подают;
Златой зари раскинулись покровы;
Но, утомлен любовью и тоской,
Покоится воитель молодой.

Пылает день. Он открывает очи
Гальвина мнит ласкающей рукой
Сокрыть от глаз досадный свет дневной.
«Прости, пора! сокрылись тени ночи:
Спешу к мечам!» – воскликнул – и стрелой
Летит на брег воитель молодой.

Но тихо все, лишь у пустого берега
Подъемлетя шумящая волна;

Лишь дева там, печальна и бледна,
И вдалеке плывут ладьи набега.
О, для чего печальной красотой
Пленялся ты, воитель молодой?

Она в слезах; в немой воитель думе.
«О милый друг! о жизнь души моей!
Что слава нам? что делать среди мечей?
Пускай другой несется в бранном шуме;
Но я твоя, ты вечно, вечно мой!...
Забудь войну, воитель молодой!»

Гараль молчал. Надменное ветрило
Его звало к берегам чужой земли;
Но с бурю так быстро корабли
Летели вдаль, и дева так уныло
Его влекла трепещущей рукой...
Все, все забыл воитель молодой!

И он у ног своей подруги нежной
Сказал: «Пускай гремят набег и брань:
Забыла меч ослабленная длань!»
Их дни слились в отраде безмятежной;
Лишь у берегов, терзаемых волной,
Дрожа, краснел воитель молодой.

Но быстро дни восторгов пролетели.
Бойцы плывут к берегам родной земли;
Сыны побед с добычей притекли,

И скальды им хваленья песнь воспели.
Тогда поник бесславною главой
На пиршествах воитель молодой.

Могучие наперсники судьбины
К ногам невест повергли меч и щит;
Кровавый меч героев не лежит
У ног одной оставленной Гальвины.
Красавица вздохнула, – и другой
Ее пленил воитель молодой.

С тех пор один бродил Гараль унылый;
Умолк его веселый прежде глас,
Лишь иногда в безмолвный ночи час,
Уединен, шептал он имя милой.
Война зажглась, – и встречи роковой
Пошел искать воитель молодой.

ИСПОВЕДЬ БЕДНОГО СТИХОТВОРЦА

Священник

Кто ты, мой сын?

Стихотворец

Отец, я бедный однодворец,
Сперва подьячий был, а ныне стихотворец.

Довольно в целый год бумаги исчертил;
Пришел покаяться – я много нагрешил.

Священник

Поближе; наперед скажи мне откровенно,
Намерен ли себя исправить непременно?

Стихотворец

Отец, я духом слаб, не смею слова дать.

Священник

Старался ль ты закон господний соблюдать
И, кроме вышнего, не чтить другого бога?

Стихотворец

Ах, с этой стороны я грешен очень много;
Мне богом было – я , любви предметом – я ,
В я заключался и братья и друзья,
Лишь я был мой и царь и демон обладатель;
А что всего тошней, лишь я был мой читатель.

Священник

Вторую заповедь исполнил ли, мой сын?

Стихотворец

Кумиров у меня бывало не один:
Любил я золото и знатным поклонялся,
Во всякой песенке Глафирами пленялся,
Которых от роду хотя и не видал,
Но, тем не менее, безбожно обожал.

Священник

А имя божие?

Стихотворец

Когда не доставало
Иль рифмы, иль стопы, то, признаюсь, бывало,
И имя божие вклею в упрямый стих.

Священник

А часто ль?

Стихотворец

Да во всех элегиях моих;
Там можешь, батюшка, прочесть на каждой строчке
«Увы!» и «се», и «ах», «мой бог!», тире да точки.

Священник

Нехорошо, мой сын! А чтишь ли ты родных?

Стихотворец

Немного; да к тому ж не знаю вовсе их,
Зато своих я чад люблю и чту душою.

Священник

Как время проводил?

Стихотворец

Я летом и зимою
Пять дней пишу, пишу, печатаю в шестой,
Чтоб с горем пополам насытиться в седьмой.
А в церковь некогда: в передней Глазунова[3]
Я по три жду часа с лакеями Графова[4].

Священник

Убийцей не был ли?

Стихотворец

Ах, этому греху,
Отец, причастен я, покаюсь на духу.
Приятель мой Дамон лежал при смерти болен.
Я навестил его: он очень был доволен;
Желая бедному страдальцу угодить.
Я оду стал ему торжественно твердить,
И что же? Бедный друг! Он со строфы начальной
Поморщился, кряхтел... и умер.

Священник

Не похвально.
Но вот уж грех прямой: да ты ж прелюбодей!
Твои стихи...

Стихотворец

Все лгут, а на душе моей,
Ей-богу, я греха такого не имею;
По моде лишний грех взвалил себе на шею.
А правду вымолвить – я сущий Эпиктет,
Воды не замутишь, предобренький поэт.

Священник

Да, лгать нехорошо. Скажи мне, бога ради:
Соблюл ли заповедь хоть эту: **не укради?**

Стихотворец

Ах, батюшка, грешон! Я краду иногда!
(К тому приучены все наши господа),
Словцо из Коцебу, стих целый из Вольтера,
И даже у своих; не надобно примера.
Да как же без того, бедняжкам, нам писать?
Как мало своего – придется занимать.

Священник

Нехорошо, мой сын, на счет чужой лениться.
Советую тебе скорее отучиться
От этого греха. На друга своего
Не доносил ли ты и ложного чего?

Стихотворец

Лукавый соблазнил. Я малый не богатый —
За деньги написал посланье длинновато,
В котором Мевия усердно утешал —
Он, батюшка, жену недавно потерял.
Я публике донес, что бедный горько тужит,
А он от радости молебны богу служит.

Священник

Вперед не затевай, мой сын, таких проказ.
Завидовал ли ты?

Стихотворец

Завидовал не раз,
Греха не утаю, – богатому соседу.
Хоть не ослу его, но жирному обеду
И бронзе, деревням и рыжей четверне,
Которых не иметь мне даже и во сне.
Завидовал купцу, беспечному монаху,
Глупцу, заснувшему без мыслей и без страху,
И, словом, всякому, кто только не поэт.

Священник

Худого за собой не знаешь больше?

Стихотворец

Нет,
Во всем покаялся; греха не вспомню боле,
Я вечно трезво жил, постился поневоле,
И ближним выгоду не раз я доставлял:
Частенько одами несчастных усыплял.

Священник

Послушай же теперь полезного совета:
Будь добрый человек из грешного поэта.

КАЗАК

Раз полунощной порою,
Сквозь и туман и мрак,
Ехал тихо над рекою удалой казак.

Черна шапка набекрени,
Весь жупан в пыли.
Пистолеты при колене,
Сабля до земли.

Верный конь, узды не чуя,
Шагом выступал;
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вот пред ним две-три избушки,
Выломан забор;
Здесь – дорога к деревушке,
Там – в дремучий бор.

«Не найду в лесу девицы, —
Думал хват Денис, —
Уж красавицы в светлицы
На ночь убрались».

Шевельнул донец уздою,

Шпорой прикольнул,
И помчался конь стрелою,
К избам завернул.

В облаках луна серебрила
Дальни небеса;
Под окном сидит уныла
Девушка-краса.

Храбрый видит красну деву;
Сердце бьется в нем,
Конь тихонько к леву, к леву —
Вот уж под окном.

«Ночь становится темнее,
Скрылася луна.
Выдь, коханочка, скорее,
Напой коня».

«Нет! к мужчине молодому
Страшно подойти,
Страшно выдти мне из дому,
Коню дать воды».

«Ах! небось, девушка красна,
С милым подружись!»
«Ночь красавицам опасна».
«Радость! не страшись!

Верь, коханочка, пустое;
Ложный страх отбрось!
Тратишь время золотое;
Милая, небось!

Сядь на борзого, с тобою
В дальний еду край;
Будешь счастлива со мною:
С другом всюду рай».

Что же девица? Склонилась,
Победила страх,
Робко ехать согласилась.
Счастлив стал казак.

Поскакали, полетели.
Дружку друг любил;
Был ей верен две недели,
В третью изменил.

К БАТЮШКОВУ

Философ резвый и пиит,
Парнасский счастливый ленивец,
Харит изнеженный любимец,
Наперсник милых аонид,
Почто на арфе златострунной

Умолкнул, радости певец?
Ужель и ты, мечтатель юный,
Расстался с Фебом, наконец?

Уже с венком из роз душистых,
Меж кудрей выющихся, златых,
Под тенью тополов ветвистых,
В кругу красавиц молодых,
Заздравным не стучишь фиалом,
Любовь и Вакха не поешь,
Довольный счастливым началом,
Цветов парнасских вновь не рвешь;
Не слышен наш Парни российский!.. [5]
Пой, юноша, – певец тиисский [6]
В тебя влиял свой нежный дух.
С тобою твой прелестный друг,
Лилета, красных дней отрада:
Певцу любви любовь награда.
Настрой же лиру. По струнам
Летай игривыми перстами,

Как вешний зефир по цветам,
И сладострастными стихами,
И тихим шепотом любви
Лилету в свой шалаш зови.
И звезд ночных при бледном свете,
Плывущих в дальней вышине,
В уединенном кабинете,
Волшебной внемя тишине,

Слезами счастья грудь прекрасной,
Счастливец милый, орошай;
Но, упоен любовью страстной,
И нежных муз не забывай;
Любви нет боле счастья в мире:
Люби – и пой ее на лире.

Когда ж к тебе в досужный час
Друзья, знакомые сберутся,
И вины пенные польются,
От плена с треском свободясь —
Описывай в стихах игривых
Веселье, шум гостей болтливых
Вокруг накрытого стола,
Стакан, кипящий пеной белой,
И стук блестящего стекла.
И гости дружно стих веселый,
Бокал в бокал ударя в лад,
Нестройным хором повторят.

Поэт! в твоей предметы воле,
Во звучны струны смело грянь,
С Жуковским пой кроваву брань
И грозну смерть на ратном поле.
И ты в строях ее встречал,
И ты, постигнутый судьбою,
Как росс, питомцем славы пал!
Ты пал, и хладною косою
Едва скошенный, не увял!..[7]

Иль, вдохновенный Ювеналом,
Вооружись сатиры жалом,
Подчас прими ее свисток,
Рази, осмеивай порок,
Шутя, показывай смешное
И, если можно, нас исправь.
Но Тредьяковского оставь
В столь часто рушимом покое.
Увы! довольно без него
Найдем бессмысленных поэтов,
Довольно в мире есть предметов,
Пера достойных твоего!

Но что!... цевницею моею,
Безвестный в мире сем поэт,
Я песни продолжать не смею.
Прости – но помни мой совет:
Доколе, музами любимый,
Ты пиэрид горишь огнем,
Доколь, сражен стрелой незримой,
В подземный ты не снидешь дом,
Мирские забывай печали,
Играй: тебя младой Назон,
Эрот и грации венчали,
А лиру строил Аполлон.

К ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ

Арист! и ты в толпе служителей Парнаса!
Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса;
За лаврами спешишь опасною стезей
И с строгой критикой вступаешь смело в бой!

Арист, поверь ты мне, оставь перо, чернила,
Забудь ручьи, леса, унылые могилы,
В холодных песенках любовью не пылай;
Чтоб не слететь с горы, скорее вниз ступай!
Довольно без тебя поэтов есть и будет;
Их напечатают – и целый свет забудет.
Быть может, и теперь, от шума удаляясь
И с глухой музою навек соединясь,
Под сенью мирною Минервиной эгиды[8]
Сокрыт другой отец второй «Телемахиды»[9].
Страшися участи бессмысленных певцов,
Нас убивающих громадою стихов!
Потомков поздних дань поэтам справедлива;
На Пинде лавры есть, но есть там и крапива.
Страшися бесславия! – Что, если Аполлон,
Услышав, что и ты полез на Геликон,
С презреньем покачав кудрявой головою,
Твой гений наградит – спасительной лозою?
Но что? ты хмуришься и отвечать готов;
«Пожалуй, – скажешь мне, – не трать излишних слов;

Когда на что решусь, уж я не отступаю,
И знай, мой жребий пал, я лиру избираю.
Пусть судит обо мне, как хочет, целый свет,
Сердись, кричи, бранись, – а я таки поэт».

Арист, не тот поэт, кто рифмы плесть умеет
И, перьями скрыпя, бумаги не жалеет.
Хорошие стихи не так легко писать,
Как Витгенштейну[10] французов побеждать.
Меж тем как Дмитриев, Державин, Ломоносов,
Певцы бессмертные, и честь и слава россов,
Питают здравый ум и вместе учат нас,
Сколь много гибнет книг, на свет едва родясь!
Творенья громкие Рифматова, Графова
С тяжелым Бибрусом[11] гниют у Глазунова[12];
Никто не вспомнит их, не станет вздор читать,
И Фебова на них проклятия печать.

Положим, что, на Пинд взобравшись счастливо,
Поэтом можешь ты назваться справедливо:
Все с удовольствием тогда тебя прочтут.
Но мнишь ли, что к тебе рекой уже текут
За то, что ты поэт, несметные богатства,
Что ты уже берешь на откуп государства,
В железных сундуках червонцы хоронишь
И, лежа на боку, покойно ешь и спишь?
Не так, любезный друг, писатели богаты;
Судьбой им не даны ни мраморны палаты,
Ни чистым золотом набиты сундуки:

Лачужка под землей, высоки чердаки —
Вот пышны их дворцы, великолепны залы.
Поэтов – хвалят все, питают – лишь журналы;
Катится мимо их Фортуны колесо;
Родился наг и наг ступает в гроб Руссо;
Камоэнс с нищими постелю разделяет;
Костров на чердаке безвестно умирает,
Руками чуждыми могиле предан он:
Их жизнь – ряд горестей, гремяща слава – сон.
Ты, кажется, теперь задумался немного.
«Да что же, – говоришь, – судя о всех так строго,
Перебирая все, как новый Ювенал[13],
Ты о поэзии со мною толковал;
А сам, поссорившись с парнасскими сестрами,
Мне проповедовать пришел сюда стихами?
Что сделалось с тобой? В уме ли ты, иль нет?»
Арист, без дальних слов, вот мой тебе ответ:

В деревне, помнится, с мирянами простыми,
Священник пожилой и с кудрями седыми,
В миру с соседями, в чести, довольстве жил
И первым мудрецом у всех издавна слыл.
Однажды, осушив бутылки и стаканы,
Со свадьбы, под вечер, он шел немного пьяный;
Попалися ему навстречу мужики.
«Послушай, батюшка, – сказали простяки, —
Настави грешных нас – ты пить ведь запрещаешь,
Быть трезвым всякому всегда повелеваешь,
И верим мы тебе; да что ж сегодня сам...»

«Послушайте, – сказал священник мужикам, —
Как в церкви вас учу, так вы и поступайте,
Живите хорошо, а мне – не подражайте».

И мне то самое пришлось отвечать;
Я не хочу себя нимало оправдать:
Счастлив, кто, ко стихам не чувствуя охоты,
Проводит тихий век без горя, без заботы,
Своими одами журналы не тягчит
И над экспромтами недели не сидит!
Не любит он гулять по высотам Парнаса,
Не ищет чистых муз, ни пылкого Пегаса;
Его с пером в руке Рамаков[14] не страшит;
Спокоен, весел он. Арист, он – не пиит.
Но полно рассуждать – боюсь тебе наскучить
И сатирическим пером тебя замучить.
Теперь, любезный друг, я дал тебе совет,
Оставишь ли свирель, умолкнешь или нет?..
Подумай обо всем и выбери любое:
Быть славным – хорошо, спокойным – лучше вдвое.

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ

Пускай, не знаясь с Аполлоном,
Поэт, придворный философ,
Вельможе знатному с поклоном
Подносит оду в двести строф;

Но я, любезный Горчаков,
Не просыпаюсь с петухами,
И напыщенными стихами,
Набором громозвучных слов,
Я петь пустого не умею
Высоко, тонко и хитро
И в лиру превращать не смею
Мое – гусиное перо!
Нет, нет, любезный князь, не оду
Тебе намерен посвятить;
Что прибыли соваться в воду,
Сначала не спросившись броду,
И вслед Державину парить?
Пишу своим я складом ныне
Кой-как стихи на именины.
Что должен я, скажи, в сей час
Желать от чиста сердца другу?
Глубоку ль старость, милый князь,
Детей, любезную супругу,
Или богатства, громких дней,
Крестов, алмазных звезд, честей?
Не пожелать ли, чтобы славой
Ты увлечен был в путь кровавый,
Чтоб в лаврах и венцах сиял,
Чтоб в битвах гром из рук метал
И чтоб победа за тобою,
Как древле Невскому герою[15],
Всегда, везде летела вслед?
Не сладострастия поэт

Такою песенкой поздравит,
Он лучше муз навек оставит!
Дай бог любви, чтоб ты свой век
Питомцем нежным Эпикура
Провел меж Вакха и Амура!
А там – когда стигийский брег
Мелькнет в туманном отдаленье,
Дай бог, чтоб в страстном упоенье,
Ты с томной сладостью в очах
Из рук младого Купидона
Вступая в мрачный чолн Харона,
Уснул... Ершовой[16] на грудях!

К НАТАШЕ

Вянет, вянет лето красно;
Улетают ясны дни;
Стелется туман ненастный
Ночи в дремлющей тени;
Опустели злачны нивы,
Хладен ручеек игривый;
Лес кудрявый поседел;
Свод небесный побледнел.

Свет Наташа! где ты ныне?
Что никто тебя не зрит?
Иль не хочешь час единый

С другом сердца разделить?
Ни над озером волнистым,
Ни под кровом лип душистым
Ранней – позднюю порой
Не встречаюсь я с тобой.

Скоро, скоро холод зимный
Рощу, поле посетит;
Огонек в лачужке дымной
Скоро ярко заблестит;
Не увижу я прелестной
И, как чижик в клетке тесной,
Дома буду горевать
И Наташу вспоминать.

К Н. Г. ЛОМОНОСОВУ

И ты, любезный друг, оставил
Надежду пристань тишины,
Челнок свой весело направил
По влаге бурной глубины;
Судьба на руль уже склонилась,
Спокойно светят небеса,
Ладья крылатая пустилась —
Расправит **счастье** паруса.
Дай бог, чтоб грозной непогоды
Вблизи ты ужас не видал,

Чтоб бурный вихорь не вздувал
Пред челноком шумящи воды!
Дай бог, под вечер к берегам
Тебе пристать благополучно
И отдохнуть спокойно там
С любовью, дружбой неразлучно!
Нет! ты не можешь их забыть!
Но что! Не скоро, может быть,
Увижусь я, мой друг, с тобою
Укромной хаты в тишине;
За чашей пунша круговую
Подчас вспомнишь обо мне;
Когда ж пойду на новоселье
(Заснуть ведь общий всем удел),
Скажи: «Дай бог ему веселье!
Он в жизни хоть любить умел».

КОЛЬНА

(ПОДРАЖАНИЕ ОССИАНУ[17])

(Фингал послал Тоскара воздвигнуть на берегах источника Кроны памятник победы, одержанной им некогда на сем месте. Между тем как он занимался сим трудом, Карул, соседственный государь, пригласил его к пиршеству; Тоскар влюбился в дочь его Кольну; нечаянный случай открыл вза-

имные их чувства и осчастливил Тоскара.)

Источник быстрый Каломоны,
Бегущий к дальним берегам,
Я зрю, твои взмущенны волны
Потоком мутным по скалам
При блеске звезд ночных сверкают
Сквозь дремлющий, пустынный лес,
Шумят и корни орошают
Сплетенных в темный кров древес.
Твой мшистый брег любила Кольна,
Когда по небу тень лилась;
Ты зрел, когда, в любви невольна,
Здесь другу Кольна отдалась.

В чертогах Сельмы царь могущих
Тоскару юному вещал:
«Гряди во мрак лесов дремучих,
Где Крона катит черный вал,
Шумящей прохлажден осиною.
Там ряд является могил;
Там с верной, храброю дружиной
Полки врагов я расточил,
И много, много сильных пало;
Их гробы черный вран стрежет.
Гряди – и там, где их не стало,
Воздвигни памятник побед!»
Он рек, и в путь безвестный, дальный
Пустился с бардами Тоскар,

Идет во мгле ночи печальной,
В вечерний хлад, в полдневный жар.
Денница красная выводит
Златое утро в небеса,
И вот уже Тоскар подходит
К местам, где в темные леса
Бежит седой источник Кроны
И кроется в долины сонны.
Воспели барды гимн святой;
Тоскар обломок гор кремнистых
Усильно мощною рукой
Влечет из бездны волн сребристых
И с шумом на высокий брег
В густой и дикий злак поверг;
На нем повесил черны латы,
Покрытый кровью предков меч,
И круглый щит, и шлем пернатый
И обратил он к камню речь:

«Вещай, сын шумного потока,
О, храбрых поздним временам!
Да в страшный час, как ночь глубока
В туманах ляжет по лесам,
Пришлец, дорогой утомленный,
Возлеги под надежный кров,
Вспомнит веки отдаленны
В мечтаныи сладком легких снов!
С рассветом алыя денницы,
Лучами солнца пробужден,

Он узрит мрачные гробницы...
И, грозным видом поражен,
Вопросит сын иноплеменный:
«Кто памятник воздвиг надменный?»
И старец, летами согбен,
Речет: "Тоскар наш незабвенный,
Герой умчавшихся времен!"»
Небес сокрылся вечный житель,
Заря потухла в небесах;
Луна в воздушную обитель
Спешит на темных облаках;
Уж ночь на холме – берег Кроны
С окрестной рощею заснул:
Владыка сильный Каломоны,
Иноплеменных друг, Карул
Призвал Морвенского героя
В жилище Кольны молодой
Вкусить приятности покоя
И пить из чаши круговой.

.....
.....

Близ пепелища все воссели;
Веселья барды песнь воспели;
И в пене кубок золотой
Кругом несется чередой. —
Печален лишь пришелец Лоры,
Главу ко груди преклонил;
Задумчиво он страстны взоры

На нежну Кольну устремил —
И тяжко грудь его вздыхает,
В очах веселья блеск потух,
То огонь по членам пробегает,
То негою томится дух;
Тоскует, втайне ощущая
Волненье сильное в крови,
На юны прелести взирая,
Он полную чашу пьет любви.
Но вот уж дуб престал дымиться,
И тень мрачнее становится,
Чернеет тусклый небосклон,
И царствует в чертогах сон.

.....
.....

Редает ночь – заря багряна
Лучами солнца возжена;
Пред ней златится твердь румяна:
Тоскар покинул ложе сна;
Быстротекущей Каломоны
Идет по влажным берегам,
Спешит узреть долины Кроны
И внемлет плещущим волнам.
И вдруг из сени темной рощи,
Как в час весенней полунощи
Из облак месяц золотой,
Выходит ратник молодой. —
Меч острый на бедре сияет,
Копье десницу вооружает;

Надвинут на чело шелом,
И гибкой стан покрыт щитом;
Зарею латы серебрятся
Сквозь утренний в долине пар.
«О, юный ратник! – рек Тоскар, —
С каким врагом тебе сражаться?
Ужель и в сей стране война
Багрит ручьев струисты волны?
Но все спокойно – тишина
Окрест жилища нежной Кольны».
«Спокойны дебри Каломоны,
Цветет отчизны край златой;
Но Кольна там не обитает,
И ныне по стезе глухой
Пустыню с милым протекает,
Пленившим сердце красотой».
«Что рек ты мне, младой воитель?
Куда сокрылся похититель?
Подай мне щит твой!» И Тоскар
Приемлет щит, пылая мщеньем.
Но вдруг исчез геройства жар;
Что зрит он с сладким восхищеньем?
Не в силах в страсти вздохнуть,
Пылая вдруг восторгом новым...
Лилейна обнажилась грудь,
Под грозным дышуща покровом...
«Ты ль это?...» – возопил герой
И трепетно рукой дрожащей
С главы снимает шлем блестящий —

И Кольну видит пред собой.

КРАСАВИЦЕ, КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАК

Возможно ль? вместо роз, Амуром насажденных,
Тюльпанов, гордо наклоненных,
Душистых ландышей, ясинов и лилей,
Которых ты всегда любила
И прежде всякий день носила
На мраморной груди твоей, —
Возможно ль, милая Климена,
Какая странная во вкусе перемена!...
Ты любишь обонять не утренний цветок,
А вредную траву зелену,
Искусством превращенну
В пушистый порошок!
Пускай уже седой профессор Геттингена,
На старой кафедре согнувшись дугой,
Вперив в латинщину глубокий разум свой,
Раскашлявшись, табак толченый
Пихает в длинный нос иссохшею рукой;
Пускай молодой драгун усатый
Поутру, сидя у окна,
С остатком утреннего сна,
Из трубки пенковой дым гонит сероватый;

Пускай красавица шестидесяти лет,
У граций в отпуску и у любви в отставке,
Которой держится вся прелесть на подставке,
Которой без морщин на теле места нет,
Злословит, молится, зевает
И с верным табаком печали забывает, —
А ты, прелестная!... но если уж табак
Так нравится тебе – о пыл воображенья! —
Ах! если, превращенный в прах,
И в табакерке, в заточенье,
Я в персты нежные твои попасться мог,
Тогда б я в сладком восхищенье
Рассыпался на грудь под шелковый платок
И даже... может быть... Но что! мечта пустая.
Не будет этого никак.
Судьба завистливая, злая!
Ах, отчего я не табак!...

К СЕСТРЕ

Ты хочешь, друг бесценный,
Чтоб я, поэт молодой,
Беседовал с тобой
И с лирою забвенной,
Мечтами окриленный,
Оставил монастырь
И край уединенный,

Где непрерывный мир
Во мраке опустился
И в пустыни глухой
Безмолвно воцарился
С угрюмой тишиной.

.....

И быстрою стрелой
На невский берег примчуся,
С подругой обнимуся
Весны моей златой,
И, как певец Людмилы[18],
Мечты невольник милый,
Взошел под отчий кров,
Несу тебе не злато
(Чернец я небогатый),
В подарок пук стихов[19]

Тайком взошел в диванну,
Хоть помощью пера,
О, как тебя застану,
Любезная сестра?
Чем сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жан-Жака[20] ли читаешь,
Жанлиса[21] ль пред тобой?
Иль с резвым Гамильтоном[22]
Смеешься всей душой?
Иль с Греем[23] и Томсоном[24]
Ты пренеслась мечтой

В поля, где от дубравы
В дол веет ветерок,
И шепчет лес кудрявый,
И мчится величавый
С вершины гор поток?
Иль моську престарелу,
В подушках поседелу,
Окутав в длинну шаль
И с нежностью лелея,
Ты к ней зовешь Морфея?
Иль смотришь в темну даль
Задумчивой Светланой
Над шумною Невой?
Иль звучным фортепьяно
Под беглою рукой
Моцарта оживляешь?
Иль тоны повторяешь
Пиччини и Рамо?
Но вот уж я с тобою,
И в радости немой
Твой друг расцвел душою,
Как ясный вешний день.
Забыты дни разлуки,
Дни горести и скуки,
Исчезла грусти тень.

Но это лишь мечтанье!
Увы, в монастыре,
При бледном свеч сиянье,

Один пишу к сестре.
Все тихо в мрачной келье:
Защелка на дверях,
Молчанье, враг веселий,
И скука на часах!
Стул ветхий, необитый,
И шаткая постель,
Сосуд, водой налитый,
Соломенна свирель —
Вот все, что пред собою
Я вижу, пробужден.
Фантазия, тобою
Одной я награжден,
Тобою пренесенный
К волшебной Иппокрене,
И в келье я блажен.
Что было бы со мною,
Богиня, без тебя?
Знакомый с суетою,
Приятной для меня,
Увлечен в даль судьбою,
Я вдруг в глухих стенах,
Как Леты на берегах,
Явился заключенным,
Навеки погребенным,
И скрипнули врата,
Сомкнувшись за мною,
И мира красота
Оделась черной мглою!..

С тех пор гляжу на свет,
Как узник из темницы
На яркий блеск денницы.
Светило ль дня взойдет,
Луч кинув позлащенный
Сквозь узкое окно,
Но сердце помраченно
Не радуется оно.
Иль поздней порою,
Как луч на небесах,
Покрытых чернотою,
Темнеет в облаках, —

С унынием встречаю
Я сумрачную тень
И с вздохом провожаю
Скрывающийся день!...
Сквозь слез смотрю в решетки,
Перебирая четки.
Но время протечет,
И с каменных ворот
Падут, падут затворы,
И в пышный Петроград
Через долины, горы
Ретивые примчат;
Спеша на новоселье,
Оставлю темну келью,
Поля, сады свои;
Под стол клубок с веригой —

И прилечу расстригой
В объятия твои.

К СТУДЕНТАМ

Друзья! досужный час настал,
Все тихо, все в покое;
Скорее скатерть и бокал;
Сюда, вино златое!
Шипи, шампанское, в стекле.
Друзья, почто же с Кантом
Сенека, Тацит на столе,
Фольянт над фолиантом?
Под стол ученых дураков —
Мы полем овладеем;
Под стол холодных мудрецов —
Без них мы пить умеем!
Ужели трезвого найдем
За скатертью студента?
На всякий случай, изберем
Скорее президента:
В награду пьяным он нальет
И пунш и грог душистый,
А вам, спартанцы, поднесет
Воды в стакане чистой.
Апостол неги и прохлад,
Мой добрый Галич, vale![25]

Ты Эпикура младший брат,
Душа твоя в бокале,
Главу венками убери,
Будь нашим президентом,
И станут самые цари
Завидовать студентам!
Дай руку, Дельвиг, что ты спишь?
Проснись, ленивец сонный!
Ты не под кафедрой лежишь,
Латынью усыпленный.
Взгляни: здесь круг твоих друзей,
Бутыль вином налита,
За здоровье музы нашей пей,
Парнасский волокита!
Остряк любезный[26], по рукам!
Полней бокал – до суха,
И вылей сотню эпиграмм
На недруга и друга!
А ты, красавец молодой[27],
Сиятельный повеса,
Ты будешь Вакха жрец лихой,
На прочее – завеса.
Хоть я студент, хоть я и пьян,
Но скромность почитаю —

Придвиньте ж пенистый стакан,
На брань благословляю!
А ты, повеса из повес[28],
На шалости рожденный,

Удалый хват, головорез,
Приятель задушевный,
Бутылки, рюмки разобьем
За здравие Платова,
В казачью шапку пунш нальем, —
И пить давайте снова!
Товарищ милый, друг прямой[29],
Тряхнем дружнее руку,
Оставим в чаше круговой
Педантам сродну скуку:
Не в первый раз с тобой мы пьем,
Не в первый и бранимся;
Но чашу дружества нальем —
И снова помиримся.
С тобой тасуясь без чинов,
Люблю тебя душою —
Наполни кружку до краев, —
Рассудок, бог с тобою!...
Но что я вижу? всё вдвоем;
Двоится штоф с араком;
Вся комната пошла кругом,
Покрылись очи мраком!
Где вы, товарищи? где я?
Скажите, Вакха ради.
Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на тетради.
Писатель за свои грехи,
Ты с виду всех трезвее;
Вильгкльм, прочти свои стихи,

Чтоб мне заснуть скорее![30]

ЛАИСА ВЕНЕРЕ, ПОСВЯЩАЯ ЕЙ СВОЕ ЗЕРКАЛО

Вот зеркало мое – прими его, Киприда!
Богиня красоты прекрасна будет век,
Седого времени не страшна ей обида:
Она – не смертный человек;
Но я, покорствуя судьбине,
Не в силах зреть себя в прозрачности стекла,
Ни той, которой я была,
Ни той, которой ныне.

ЛЕДА

(КАНТАТА)

Средь темной рощицы, под тенью лип душистых,
В высоком тростнике, где частым жемчугом
Вздувалась пена вод серебристых,

Колбясь тихим ветерком,
Покров красавицы стыдливой,
Небрежно кинутый, у берега лежал,
И прелести ее поток волной игровой
С весельем орошал.

Житель рощи торопливый,
Будь же скромн, о ручей!
Тише, струйки говорливы!
Изменить страшитесь ей!

Леда робостью трепещет,
Тихо дышит снежна грудь,
Ни волна вокруг не плещет,
Ни зефир не смеет дуть.

В роще шорох утихает,
Все в прелестной тишине;
Нимфа далее ступает,
Робкой вверившись волне.

Но что-то меж кустов прибрежных восшумело,
И чувство робости прекрасной овладело;
Невольно вздрогнула, не в силах вздохнуть.

И вот пернатых царь из-под склоненной ивы,
Расправя крылья горделивы,
К красавице плывет – веселья полна грудь,
С шумящей пеною отважно волны гонит,

Крылами воздух бьет,
То в кольца шею вьет,
То гордую главу, смирясь, пред Ледой клонит.

Леда смеется.
Вдруг раздается
Радости клик.
Вид сладострастный!
К Леде прекрасной
Лебедь приник.
Слышно стенанье,
Снова молчанье.
Нимфа лесов
С негою сладкой
Видит украдкой
Тайну богов.

Опомнясь наконец, красавица младая
Открыла тихий взор, в томленьях воздыхая,
И что ж увидела? – На ложе из цветов
Она покоится в объятиях Зевеса;
Меж ними юная любовь, —
И пала таинства прелестного завеса.

Сим примером научитесь,
Розы, девы красоты;
Летним вечером страшитесь
В темной рощице воды:

В темной рощице таится
Часто пламенный Эрот;
С хладной струйкою катится,
Стрелы прячет в пене вод.

Сим примером научитесь,
Розы, девы красоты;
Летним вечером страшитесь
В темной рощице воды.

НА ПУЧКОВУ

Пучкова[31], право, не смешна:
Пером содействует она
Благотворительным газет недельных видам,
Хоть в смех читателям, да в пользу инвалидам.

НА РЫБУШКИНА

Бывало, прежних лет герой,
Окончив славну брань с противной стороной,
Повесит меч войны средь отческия кущи;
А трагик наш Бурун, скончав чернильный бой,
Повесил уши.

ОПЫТНОСТЬ

Кто с минуту переможет
Хладным разумом любовь,
Бремя тягостных оков
Ей на крылья не возложит.
Пусть не смейся, не резвись,
С строгой мудростью дружись;
Но с рассудком вновь заспиришь,
Хоть не рад, но дверь отворишь,
Как проказливый Эрот
Постучится у ворот.

Испытал я сам собою
Истину сих правых слов.
«Добрый путь! прости, любовь!
За богинею слепою,
Не за Хлоей, полечу,
Счастье, счастье ухвачу!» —
Мнил я в гордости безумной.
Вдруг услышал хохот шумный,
Оглянулся... и Эрот
Постучался у ворот.

Нет! мне, видно, не придется
С богом сим в размолвке жить,
И покамест жизни нить

Старой Паркой там прядется,
Пусть владеет мною он!
Веселиться – мой закон.
Смерть откроет гроб ужасный,
Потемнеют взоры ясны,
И не стукнется Эрот
У могильных уж ворот!

ОСТАР

По камням гробовым, в туманах полуночи,
Ступая трепетно усталую ногой,
По Лоре путник шел, напрасно томны очи
Ночлега мирного искали в тьме густой.
Пещеры нет пред ним, на берегу угрюмом
Не видит хижины, наследья рыбаля;
Вдали дремучий бор качают ветры с шумом,
Луна за тучами, и в море спит заря.

Идет, и на скале, обросшей влажным мохом,
Зрит барда старого – веселье прошлых лет:
Склонясь седым челом над воющим потоком,
В безмолвии времен он созерцал полет.
Зубчатый меч висел на ветви мрачной ивы.
Задумчивый певец взор тихий обратил
На сына чуждых стран, и путник боязливый
Содрогся в ужасе и мимо поспешил.

«Стой, путник! стой! – вещал певец веков минувших, —
Здесь пали храбрые, почти их бранный прах!
Почти геройства чад, могилы сном уснувших!»
Пришлец главой поник – и, мнилось, на холмах
Восставший ряд теней главы окровавленны
С улыбкой гордою на странника склонял.
«Чей гроб я вижу там?» – вещал иноплеменный
И барду посохом на берег указал.

Колчан и шлем стальной, к утесу пригвожденный,
Бросали тусклый луч, луною озлатясь.
«Увы! здесь пал Осгар! – рек старец вдохновенный. —
О! рано юноше настал последний час!
Но он искал его: я зрел, как в ратном строе
Он первья стрелы с весельем ожидал
И рвался из рядов, и пал в кипящем бое:
Покойся, юноша! ты в брани славной пал.

Во цвете нежных лет любил Осгар Мальвину,
Не раз он в радости с подругою встречал
Вечерний свет луны, скользкий на долину,
И тень, упавшую с приморских грозных скал.
Казалось, их сердца друг к другу пламенели;
Одной, одной Осгар Мальвиною дышал;
Но быстро дни любви и счастья пролетели,
И вечер горести для юноши настал.

Однажды, в темну ночь зимы порой унылой,

Осгар стучится в дверь красавицы младой
И шепчет: «Юный друг! не медли, здесь твой милый!»
Но тихо в хижине. Вновь робкою рукой
Стучит и слушает: лишь ветры с свистом веют.
«Ужели спишь теперь, Мальвина? – мгла вокруг,
Валится снег, власы в тумане леденеют.
Услышь, услышь меня, Мальвина, милый друг!»

Он в третий раз стучит, со скрипом дверь шатнулась.
Он входит с трепетом. Несчастный! что ж узрел?
Темнеет взор его, Мальвина содрогнулась,
Он зрит – в объятиях изменницы Звигнел!
И ярость дикая во взорах закипела;
Немеет и дрожит любовник молодой.
Он грозный меч извлек, и нет уже Звигнела,
И бледный дух его сокрылся в тьме ночной!

Мальвина обняла несчастного колена,
Но взоры отвратив: «Живи! – вещал Осгар, —
Живи, уж я не твой, презренна мной измена,
Забуду, потушу к неверной страсти жар».
И тихо за порог выходит он в молчанье,
Окован мрачною, безмолвною тоской —
Исчезло сладкое навек очарованье!
Он в мире одинок, уж нет души родной.

Я видел юношу: поникнув головою,
Мальвины имя он в отчаянье шептал;
Как сумрак, дремлющий над бездною морскою,

На сердце горестном унынья мрак лежал.
На друга детских лет взглянул он торопливо;
Уже недвижный взор друзей не узнавал;
От пиршеств удален, в пустыне молчаливой
Он одиночеством печаль свою питал.

И длинный год провел Осгар среди мучений.
Вдруг грянул трубный глас! Оденов сын, Фингал,
Вел грозных на мечи, в кровавый пыл сражений.
Осгар слышал весть и бранью воспылал.
Здесь меч его сверкнул, и смерть пред ним бежала;
Покрытый ранами, здесь пал на груду тел.
Он пал – еще рука меча кругом искала,
И крепкий сон веков на сильного слетел.

Побегли вспять враги – и тихий мир герою!
И тихо все вокруг могильного холма!
Лишь в осень хладную, безмесячной порою,
Когда вершины гор тягчит сырая тьма,
В багровом облаке, одеянна туманом,
Над камнем гробовым уныла тень сидит,
И стрелы дребезжат, стучит броня с колчаном,
И клен, зашевелиясь, таинственно шумит».

РАССУДОК И ЛЮБОВЬ

Младой Дафнис, гоняясь за Доридой,

«Постой, – кричал, – прелестная! постой,
Скажи: "Люблю" – и бегать за тобой
Не стану я – клянуся в том Кипридой!»
«Молчи, молчи!» – Рассудок говорил,
А плут Эрот: «Скажи: ты сердцу мил!»

«Ты сердцу мил!» – пастушка повторила,
И их сердца огнем любви зажглись,
И пал к ногам красавицы Дафнис,
И страстный взор Дорида потупила.
«Беги, беги!» – Рассудок ей твердил,
А плут Эрот: «Останься!» – говорил.

Осталась – и трепетной рукою
Взял руку ей счастливый пастушок.
«Взгляни, – сказал, – с подругой голубок
Там обнялись под тенью лип густою!»
«Беги, беги!» – Рассудок повторил,
«Учись от них!» – Эрот ей говорил.

И нежная улыбка пробежала
Красавицы на пламенных устах,
И вот она с томлением в глазах
К любезному в объятия упала...
«Будь счастлива!» – Эрот ей прошептал,
Рассудок что ж? Рассудок уж молчал.

РОМАНС

Под вечер, осенью ненастной,
В далеких дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.
Все было тихо – лес и горы,
Все спало в сумраке ночном;
Она внимательные взоры
Водила с ужасом кругом.

И на невинное творенье,
Вздыхнув, остановила их...
«Ты спишь, дитя, мое мученье,
Не знаешь горестей моих,
Откроешь очи и, тоскуя,
Ты к груди не прильнешь моей.
Не встретишь завтра поцелуя
Несчастной матери твоей.

Ее манить напрасно будешь!..
Мне вечный стыд вина моя, —
Меня навеки ты забудешь;
Но не забуду я тебя!
Дадут покров тебе чужие
И скажут: «Ты для нас чужой!»
Ты спросишь: «Где мои родные?»

И не найдешь семьи родной.

Несчастный! будешь грустной думой
Томиться меж других детей!
И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей;
Повсюду странник одинокий,
Всегда судьбу свою кляня,
Услышишь ты упрек жестокий...
Прости, прости тогда меня.

Ты спишь – позволь себя, несчастный,
К груди прижать в последний раз.
Проступок мой, твой рок ужасный
К страданию осуждает нас.
Пока лета не отогнали
Невинной радости твоей,
Спи, милый! горькие печали
Не тронут детства тихих дней!»

Но вдруг за рощей осветила
Вблизи ей хижину луна...
Бледна, трепещуща, уныла,
К дверям приблизилась она:
Склонилась, тихо положила
Младенца на порог чужой,
Со страхом очи отвратила
И скрылась в темноте ночной.

ЭВЛЕГА

Вдали ты зришь утес уединенный;
Пещеры в нем изрылась глубина;
Темнеет вход, кустами окруженный,
Вблизи шумит и пенится волна.
Вечор, когда туманилась луна,
Здесь милого Эвлега призывала;
Здесь тихий глас горам передавала
Во тьме ночной печальна и одна:

«Приди, Одульф, уж роца побледнела.
На дикий мох Одульфа ждать я села,
Пылает грудь, за вздохом вздох летит...
О! сладко жить, мой друг, душа с душою.
Приди, Одульф, забудусь я с тобою,
И поцелуй любовью возгорит.

Беги, Осгар, твои мне страшны взоры,
Твой грозен вид, и хладны разговоры.
Оставь меня, не мною торжествуй!
Уже другой в ночи со мною дремлет,
Уж на заре другой меня объемлет,
И сладостен его мне поцелуй.

Что ж медлит он свершить мои надежды?
Для милого я сбросила одежды!

Завистливый покров у ног лежит.
Но, чу!... идут – так! это друг мой нежный.
Уж начались восторги страсти нежной,
И поцелуй любовью возгорит».

Идет Одульф; во взорах – упоенье,
В груди – любовь, и прочь бежит печаль;
Но близ его во тьме сверкнула сталь,
И вздрогнул он – родилось подозренье:
«Кто ты? – спросил, – почто ты здесь? Вещай,
Ответствуй мне, о, сын угрюмой ночи!»

«Бессильный враг! Осгара убегай!
В пустынной тьме что ищут робки очи?
Страшись меня, я страстью воспален:
В пещере здесь Эвлега ждет Осгара!»
Булатный меч в минуту обнажен,
Огонь летит струями от удара...

Услышала Эвлега стук мечей
И бросила со страхом хлад пещерный.
«Приди узреть предмет любви твоей! —
Вскричал Одульф подруге нежной, верной. —
Изменница! ты здесь его зовешь?
Во тьме ночной вас услаждает нега,
Но дерзкого в Валгалле ты найдешь!»

Он поднял меч... и с трепетом Эвлега
Падет на дерн, как клок летучий снега,

Метелицей отторженный со скал!
Друг на друга соперники стремятся,
Кровавый ток по камням побежал,
В кустарники с отчаяньем катятся.
Последний глас Эвлегу призывал,
И смерти хлад их ярость оковал.

ЭПИГРАММА

Арист нам обещал трагедию такую,
Что все от жалости в театре заревут,
Что слезы зрителей рекою потекут.
Мы ждали драму золотую.
И что же? дождались – и, нечего сказать,
Достоинству ее нельзя убавить весу,
Ну, право, удалось Аристу написать
Прежалкую пиесу.

ЭПИГРАММА

(ПОДРАЖАНИЕ ФРАНЦУЗСКОМУ)

Супругою твоей я так пленился,

Что если б три в удел достались мне,
Подобные во всем твоей жене,
То даром двух я б отдал сатане,
Чтоб третью лишь принять он согласился.

MON PORTRAIT[32]

Vous me demandez mon portrait,
Mais peint d'apres nature;
Mon cher, il sera bientôt fait,
Quoique en miniature.

Je suis un jeune polisson,
Encore dans les classes;
Point sot, je le dis sans facon
Et sans fades grimaces.

Onc il ne fut de babillard,
Ni docteur en Sorbonne —
Plus ennuyeux et plus braillard,
Que moi-meme en personne.

Ma taille a celles des plus longs
Ne peut ktre egalee;
J'ai le teint frais, les cheveux blonds
Et la tete bouclee.

J'aime et le monde et son fracas,
Je hais la solitude;
J'abhorre et noises, et débats,
Et tant soit peu l'étude.

Spectacles, bals me plaisent fort,
Et d'après ma pensée,
Je dirais ce que j'aime encor...
Si n'étais au Lycee.

Après cela, mon cher ami,
L'on peut me reconnaître:
Oui! tel que le bon Dieu me fit,
Je veux toujours paraître.

Vrai démon pour l'espièglerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie.
Ma foi, voilà Pouchkine.

STANCES[33]

Avez-vous vu la tendre rose,
L'aimable fille d'un beau jour,
Quand au printemps a peine éclosé,
Elle est l'image de l'amour?

Telle a nos yeux, plus belle encore,
Parut Eudoxie aujourd'hui;
Plus d'un printemps la vit eclore,
Charmante et jeune comme lui.

Mais, hélas! les vents, les tempêtes,
Ces fougueux enfants de l'hiver,
Bientôt vont gronder sur nos têtes,
Enchaîner l'eau, la terre et l'air.

Et plus de fleurs, et plus de rose!
L'aimable fille des amours
Tombe fanée, à peine éclose;

Il a fui, le temps des beaux jours!
Eudoxie! aimez, le temps presse:
Profitez de vos jours heureux!
Est-ce dans la froide vieillesse
Que de l'amour on sent les feux?

1815

БАТЮШКОВУ

В пещерах Геликона
Я некогда рожден;
Во имя Аполлона
Тибуллом окрещен,
И светлой Иппокреной
Сыздетства напоенный,
Под кровом вешних роз,
Поэтом я возрос.

Веселый сын Эрмия
Ребенка полюбил,
В дни резвости златые
Мне дудку подарил.
Знакомясь с нею рано,
Дудил я непрестанно;
Нескладно хоть играл,
Но Музам не скучал.

А ты, певец забавы
И друг пермесских дев,
Ты хочешь, чтобы, славы

Стезею полетев,
Простясь с Анакреоном,
Спешил я за Мароном
И пел при звуках лир
Войны кровавый пир.

Дано мне мало Фебом:
Охота, скудный дар.
Пою под чуждым небом,
Вдали домашних лар,
И, с дерзостным Икаром
Страшась летать недаром,
Бреду своим путем:
Будь всякий при своем.

ВИШНЯ

Румяной зарею
Покрылся восток,
В селе за рекою
Потух огонек.

Росой окропились
Цветы на полях,
Стада пробудились
На мягких лугах.

Туманы седые
Плывут к облакам,
Пастушки младые
Спешат к пастухам.

С журчаньем стремится
Источник меж гор,
Вдали золотится
Во тьме синий бор.

Пастушка младая
На рынок спешит
И вдаль, припевая,
Прилежно глядит.

Румянец играет
На полных щеках,
Невинность блистает
На робких глазах.

Искусной рукою
Коса убрана,
И ножка собою
Прельщать создана.

Корсетом прикрыта
Вся прелесть груди,
Под фартуком скрыта
Приманка людей.

Пастушка приходит
В вишенник густой
И много находит
Плодов пред собой.

Хоть вид их прекрасен
Красотку манит,
Но путь к ним опасен —
Бедняжку страшит.

Подумав, решилась
Сих вишен поесть,
За ветвь ухватилась
На дерево взлезть.

Уже достигает
Награды своей
И робко ступает
Ногой меж ветвей.

Бери плод рукою —
И вишня твоя,
Но, ах! что с тобою,
Пастушка моя?

Вдали усмотрела, —
Спешит пастушок;
Нога ослабела,

Скользит башмачок.

И ветвь затрещала —
Беда, смерть грозит!
Пастушка упала,
Но, ах, какой вид!

Сучок преломленный
За платье задел;
Пастух удивленный
Всю прелесть узрел.

Среди двух прелестных
Белей снегу ног,
На сгибах чудесных
Пастух то зреть мог,

Что скрыто до время
У всех милых дам,
За что из эдема
Был выгнан Адам.

Пастушку несчастну
С сучка тихо снял
И грудь свою страстну
К красотке прижал.

Вся кровь закипела
В двух пылких сердцах,

Любовь прилетела
На быстрых крылах.

Утеха страданий
Двух юных сердец,
В любви ожиданий
Супругам венец.

Прельщенный красою,
Младой пастушок
Горячей рукою
Коснулся до ног.

И вмиг зарезвился
Амур в их ногах;
Пастух очутился
На полных грудях.

И вишню румяну
В соку раздавил,
И соком багряным
Траву окропил.

ВОДА И ВИНО

Люблю я в полдень воспаленный
Прохладу черпать из ручья

И в роще тихой, отдаленной
Смотреть, как плещет в брег струя.
Когда ж вино в края поскачет,
Напелясь в чаше круговой,
Друзья, скажите, – кто не плачет,
Заране радуясь душой?

Да будет проклят дерзновенный,
Кто первый грешною рукой,
Нечестьем буйным ослепленный,
О страх!... смешил вино с водой!
Да будет проклят род злодея!
Пускай не в силах будет пить,
Или, стаканами владея,
Лафит с цимлянским различить!

ВОСПОМИНАНИЕ

(К ПУЩИНУ)

Помнишь ли, брат мой по чаше[34],
Как в отрадной тишине
Мы топили горе наше
В чистом, пенистом вине?

Как, укрывшись молчаливо
В нашем темном уголке,
С Вакхом нежились лениво,
Школьной стражи вдалеке?

Помнишь ли друзей шептанье
Вкруг бокалов пуншевых,
Рюмок грозное молчанье,
Пламя трубок грошевых?

Закипев, о, сколь прекрасно
Токи дымные текли!..
Вдруг педанта[35] глас ужасный
Нам послышался вдали...

И бутылки вмиг разбиты,
И бокалы все в окно —
Всюду по полу разлиты
Пунш и светлое вино.

Убегаем торопливо —
Вмиг исчез минутный страх!
Щек румяных цвет игривый,
Ум и сердце на устах,

Хохот чистого веселья,
Неподвижный, тусклый взор
Изменяли час похмелья[36],

Сладкий Вакха заговор.

О, друзья мои сердечны!
Вам клянуся, за столом
Всякий год в часы беспечны
Поминать его вином.

ГОРОДОК

(К ***)

Прости мне, милый друг,
Двухлетнее молчанье:
Писать тебе посланье
Мне было недосуг.
На тройке пренесенный
Из родины смиренной
В великий град Петра,
От утра до утра
Два года все кружился
Без дела в хлопотах,
Зевая, веселился
В театре, на пирах;
Не ведал я покоя,
Увы! ни на часок,

Как будто у налоя
В великой четверток
Измученный дьячок.
Но слава, слава богу!
На ровную дорогу
Я выехал теперь;
Уж вытолкал за дверь
Заботы и печали,
Которые играли,
Стыжусь, столь долго мной;
И в тишине святой

Философом ленивым,
От шума вдалеке,
Живу я в городке,
Безвестностью счастливым.
Я нанял светлый дом
С диваном, с камельком;
Три комнатки простые —
В них злата, бронзы нет,
И ткани выписные
Не кроют их паркет.
Окошки в сад веселый,
Где липы престарелы
С черемухой цветут;
Где мне в часы полдневны
Березок своды темны
Прохладну сень дают;
Где ландыш белоснежный

Сплелся с фиалкой нежной
И быстрый ручеек,
В струях неся цветок,
Невидимый для взора,
Лепечет у забора.
Здесь добрый твой поэт
Живет благополучно;
Не ходит в модный свет;
На улице карет
Не слышит стук докучный;
Здесь грома вовсе нет;
Лишь изредка телега
Скрыпит по мостовой,
Иль путник, в домик мой
Пришед искать ночлега,
Дорожную клюкой
В калитку постучится...

Блажен, кто веселится
В покое, без забот,
С кем втайне Феб дружится
И маленький Эрот;
Блажен, кто на просторе
В укромном уголке
Не думает о горе,
Гуляет в колпаке,
Пьет, ест, когда захочет,
О госте не хлопочет!
Никто, никто ему

Лениться одному
В постеле не мешает;
Захочет – аонид
Толпу к себе сзывает;
Захочет – сладко спит,
На Рифмова[37] склоняясь
И, тихо забываясь.
Так я, мой милый друг,
Теперь расположился;
С толпой бесстыдных слуг
Навеки распростился;
Укрывшись в кабинет,
Один я не скучаю
И часто целый свет
С восторгом забываю.
Друзья мне – мертвецы,
Парнасские жрецы;
Над полкою простою
Под тонкою тафтою
Со мной они живут.
Певцы красноречивы,
Прозаики шутивы
В порядке стали тут.
Сын Мома и Минервы,
Фернейский злой крикун[38],
Поэт в поэтах первый,
Ты здесь, седой шалун!
Он Фебом был воспитан,
Издетства стал пиит;

Всех больше перечитан,
Всех менее томит;
Соперник Эврипида,
Эраты нежный друг,
Арьоста[39], Тасса внук —
Скажу ль?... отец Кандида[40] —
Он все: везде велик

Единственный старик!
На полке за Вольтером
Виргилий, Тасс с Гомером
Все вместе предстоят.
В час утренний досуга
Я часто друг от друга
Люблю их отрывать.
Питомцы юных граций —
С Державиным потом
Чувствительный Гораций
Является вдвоем.
И ты, певец любезный,
Поэзией прелестной
Сердца привлекий в плен,
Ты здесь, лентяй беспечный,
Мудрец простосердечный,
Ванюша Лафонтен!
Ты здесь – и Дмитрев нежный,
Твой вымысел любя,
Нашел приют надежный
С Крыловым близ тебя

Но вот наперсник милый
Психеи златокрылой![41]
О, добрый Лафонтен,
С тобой он смел сразиться...
Коль можешь ты дивиться,
Дивись: ты побежден!
Воспитанны Амуром,
Вержье, Парни с Грекуром
Укрылись в уголок.
(Не раз они выходят
И сон от глаз отводят
Под зимний вечерок.)
Здесь Озеров с Расином,
Руссо и Карамзин,
С Мольером-исполином
Фонвизин и Княжнин.
За ними, хмурясь важно,
Их грозный Аристарх
Является отважно
В шестнадцати томах.[42]

Хоть страшно стихоткачу
Лагарпа видеть вкус,
Но часто, признаюсь,
Над ним я время трачу.

Кладбище обрели
На самой нижней полке
Все школьнически толки,

Лежащие в пыли,
Визгова[43] сочиненья,
Глупона[44] псалмопенья,
Известные творенья
Увы! одним мышам.
Мир вечный и забвенью
И прозе, и стихам!
Но ими огражденну
(Ты должен это знать)
Я спрятал потаенну
Сафьянную тетрадь.
Сей свиток драгоценный,
Веками сбереженный,
От члена русских сил,
Двоюродного брата,
Драгунского солдата
Я даром получил.
Ты, кажется, в сомненье...
Нетрудно отгадать;
Так, это сочиненья,
Презревшие печать.
Хвала вам, чады славы,
Враги парнасских уз!
О князь, наперсник муз[45],
Люблю твои забавы;
Люблю твой колкий стих
В посланиях твоих,
В сатире – знание света
И слога чистоту,

И в резвости куплета
Игриву остроту.
И ты, насмешник смелый[46],
В ней место получил,

Чей в аде свист веселый
Поэтов раздражил,
Как в юношески леты
В волнах туманной Леты
Их гуртом потопил;
И ты, замысловатый
Буянова певец[47],
В картинах толь богатый
И вкуса образец;
И ты, шутник бесценный[48],
Который Мельпомены
Котурны и кинжал
Игривой Талье дал!
Чья кисть мне нарисует,
Чья кисть скомпанирует
Такой оригинал!
Тут вижу я – с Чернавкой
Подщипа слезы льет;
Здесь князь дрожит под лавкой,
Там дремлет весь совет;
В трагическом смятенъе
Плененные цари,
Забыв войну, сраженья,
Играют в кубари...

Но назову ль детину,
Что доброю порой
Тетради половину
Наполнил лишь собой!
О ты, высот Парнаса
Боярин небольшой,
Но пылкого Пегаса
Наездник удалой!
Намаранные оды,
Убранство чердаков,
Гласят из рода в роды:
Велик, велик – Свистов![49]
Твой дар ценить умею,
Хоть, право, не знаток;
Но здесь тебе не смею
Хвалы сплетать венки:

Свистовским должно слогом
Свистова воспевать;
Но, убирайся с богом,
Как ты, в том клясться рад,
Не стану я писать.

О вы, в моей пустыне
Любимые творцы!
Займите же отныне
Беспечности часы.
Мой друг! весь день я с ними,
То в думу углублен,

То мыслями своими
В Элизий пренесен.
Когда же на закате
Последний луч зари
Потонет в ярком злате,
И светлые цари
Смеркающейся ночи
Плывут по небесам,
И тихо дремлют рощи,
И шорох по лесам,
Мой гений невидимкой
Летает надо мной;
И я в тиши ночной
Сливаю голос свой
С пастушьею волынкой.
Ах! счастлив, счастлив тот,
Кто лиру в дар от Феба
Во цвете дней возьмет!
Как смелый житель неба,
Он к солнцу воспарит,
Превыше смертных станет,
И слава громко грянет:
«Бессмертен ввек пиит!»

Но ею мне ль гордиться,
Но мне ль бессмертьем льститься?..
До слез я спорить рад,
Не бьюсь лишь об заклад,
Как знать, и мне, быть может,

Печать свою наложит
Небесный Аполлон;
Сияя горним светом,
Бестрепетным полетом
Взлечу на Геликон.
Не весь я предан тленью;
С моей, быть может, тенью
Полунощной порой
Сын Феба молодой,
Мой правнук просвещенный,
Беседовать придет
И мною вдохновенный
На лире вздохнет.

Покамест, друг бесценный,
Камином освещенный,
Сижусь я под окном
С бумагой и с пером,
Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я ныне вдохновен.
Мой друг, я счастлив ею.
Почто ж ее сестрой,
Любовию младой
Напрасно пламенею?
Иль юности златой
Вотще даны мне розы,
И лить навеки слезы
В юдоле, где расцвел

Мой горестный удел?..
Певца сопутник милый,
Мечтанье легкокрыло!
О, будь же ты со мной,
Дай руку сладострастью
И с чашей круговой
Веди меня ко счастью
Забвения тропой;
И в час безмолвной ночи,
Когда ленивый мак

Покроет томны очи,
На ветреных крылах
Примчись в мой домик тесный,
Тихонько постучись
И в тишине прелестной
С любимцем обнимись!
Мечта! в волшебной сени
Мне милую яви,
Мой свет, мой добрый гений,
Предмет моей любви,
И блеск очей небесный,
Лиющих огонь в сердца,
И граций стан прелестный,
И снег ее лица;
Представь, что, на коленях
Покоясь у меня,
В порывистых томленьях
Склонила она

Ко груди грудью страстной,
Устами на устах,
Горит лицо прекрасной,
И слезы на глазах!..
Почто стрелой незримой
Уже летишь ты вдаль?
Обманет – и пропал
Беглец невозвратимый!
Не слышит плач и стон,
И где крылатый сон?
Исчезнет обольститель,
И в сердце грусть-мучитель.

Но все ли, милый друг,
Быть счастья в упоенье?
И в грусти томный дух
Находит наслажденье:
Люблю я в летний день
Бродить один с тоскою,
Встречать вечерню тень
Над тихою рекою
И с сладостной слезою
В даль сумрачну смотреть;
Люблю с моим Мароном[50]
Под ясным небосклоном
Близ озера сидеть,
Где лебедь белоснежный,
Оставляя знак прибрежный,
Любви и неги полн,

С подругою своею,
Закинув гордо шею,
Плывет во злате волн.
Или, для развлечения,
Оставя книг ученье,
В досужный мне часок
У добренькой старушки
Душистый пью чаек;
Не подхожу я к ручке,
Не шаркаю пред ней;
Она не приседает,
Но тотчас и вестей
Мне пропасть наболтает.
Газеты собирает
Со всех она сторон,
Все сведает, узнает:
Кто умер, кто влюблен,
Кого жена по моде
Рогами убрала,
В котором огороде
Капуста цвет дала,
Фома свою хозяйку
Не **за** что наказал,

Антошка балалайку,
Играя, разломал, —
Старушка все расскажет;
Меж тем как юбку вяжет,
Болтает все свое;

А я сижу смиренно
В мечтаньях углубленный,
Не слушая ее.
На рифмы удалого
Так некогда Свистова
В столице я внимал,
Когда свои творенья
Он с жаром мне читал,
Ах! видно, бог пытал
Тогда мое терпенье!

Иль добрый мой сосед,
Иль добрый мой сосед,
Семидесяти лет,
Уволенный от службы
Майором отставным,
Зовет меня из дружбы
Хлеб-соль откусать с ним.
Вечернею пирушкой
Старик, развеселясь,
За дедовскою кружкой
В прошедшем углубясь,
С очаковской медалью
На раненой груди,
Вспомнит ту баталью,
Где роты впереди
Летел на встречу славы,
Но встретился с ядром
И пал на дол кровавый

С булатным палашом.
Всегда я рад душою
С ним время провождать,
Но, боже, виноват!
Я каюсь пред тобою,
Служителей твоих,
Попов я городских
Боюсь, боюсь беседы,
И свадебны обеды
Затем лишь не терплю,
Что сельских иереев,
Как папа иудеев,
Я вовсе не люблю,
А с ними крючковатый
Подьяческий народ,
Лишь взятками богатый
И ябеды оплот.

Но, друг мой, если вскоре
Увижусь я с тобой,
То мы уходим горе
За чашей круговой;
Тогда, клянусь богами,
(И слово уж сдержу)
Я с сельскими попами
Молебен отслужу.

Известно буди всем, кто только ходит к нам:
Ногами не топтать парчового дивана,
Который получил мой праотец Фатам
В дар от персидского султана.

ИЗМЕНЫ

«Всё миновалось!
Мимо промчалось
Время любви.
Страсти мученья!
В мраке забвенья
Скрылися вы.
Так я премены
Сладость вкусил;
Гордой Елены
Цепи забыл.
Сердце, ты в воле!
Всё позабудь;
В новой сей доле
Счастливо будь.
Только весною
Зефир младою

Розой пленен;
В юности страстной
Был я прекрасной
В сеть увлечен.
Нет, я не буду
Впредь воздыхать,
Страсть позабуду;
Полно страдать!
Скоро печали
Встречу конец.
Ах! для тебя ли,
Юный певец,
Прелесть Елены
Розой цветет?...
Пусть весь народ,
Ею прельщенный,
Вслед за мечтой
Мчится толпой;
В мирном жилище,
На пепелище,
В чаше простой
Стану в смиренности
Черпать забвенья
И – для друзей
Резвой рукою
Двигать струною
Арфы моей».

В скучной разлуке

Так я мечтал,
В горести, в муке
Себя услаждал;
В сердце возженный
Образ Елены
Мнил истребить.
Прошлой весною
Юную Хлою
Вздумал любить.
Как ветерочек
Ранней порой
Гонит листочек
С резвой волной,
Так непрестанно
Непостоянный
Страстью играл,
Лилу, Темиру,
Всех обожал,
Сердце и лиру
Всем посвящал. —
Что же? – напрасно
С груди прекрасной
Шаль я срывал.
Тщетны измены!
Образ Елены
В сердце пылал!
Ах! возвратися,
Радость очей,
Хладна, тронися

Грустью моей. —
Тщетно взывает
Бедный певец!
Нет! не встречает
Мукам конец...
Так! до могилы
Грустен, унылый,
Крова ищи!
Всеми забытый,
Терном увитый
Цепи влачи...

* * *

Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался,
Отрадой тихую, восторгом упивался...
И где веселья быстрый день?
Промчался летом сновиденья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вокруг меня угрюмой скуки тень!..

К бар. М. А. ДЕЛЬВИГ

Вам восемь лет, а мне семнадцать било.
И я считал когда-то восемь лет;

Они прошли. В судьбе своей унылой,
Бог знает как, я ныне стал поэт.
Не возвратить уже того, что было,
Уже я стар, мне незнакома ложь:
Так верьте мне – мы спасены лишь верой.
Послушайте. Амур, как вы, хорош;
Амур дитя, Амур на вас похож —
В мои лета вы будете Венерой.
Но если только буду жив,
Всевышней благостью Зевеса,
И столько же красноречив —
Я напишу вам, баронесса,
В латинском вкусе мадригал,
Чудесный, вовсе без искусства —
Не много истинных похвал,
Но много истинного чувства.
Скажу я: «Ради ваших глаз,
О баронесса! ради балов,
Когда мы все глядим на вас,
Взгляните на меня хоть раз
В награду прежних мадригалов».
Когда ж Амур и Гименей
В прелестной Марии моей
Поздравят молодую даму,
Удастся ль мне под старость дней
Вам посвятить эпиграму?[51]

К ГАЛИЧУ

Когда печальный стихотвор,
Венчанный маком и крапивой,
На лире скучной и ретивой
Хвалебный напевая вздор,
Зовет обедать генерала,
О Галич[52], верный друг бокала
И жирных утренних пиров,
Тебя зову, мудрец ленивый,
В приют поэзии счастливый,
Под отдаленный неги кров.
В тебе трудиться нет охоты.
Садись на тройку злых коней,
Оставь Петрополь и заботы,
Лети в счастливый городок,
Зайди в мой мирный уголок,
И с громом двери на замок
Запрет веселье молодое;
Явится на столе пирог,
И хлынет пиво золотое!
О Галич, близок, близок час,
Когда, услыша славы глас,
Покину кельи кров пустынный,
Забыв волшебный свой Парнас,
Златой досуг и мир невинный.
Татарский сброшу свой халат,

Простите, девственные музы,
Прости, предел младых отрад! —
Надону узкие рейтузы,
Завью в колечки гордый ус,
Заблещет пара эполетов,
И я – питомец важных муз —
В кругу пирующих корнетов!
О Галич, Галич, поспешай,
Тебя зовут досуг ленивый,
И друг ни скромный, ни спесивый,
И кубок, полный через край.

К ДЕЛЬВИГУ

(ОТВЕТ)

Послушай, муз невинных
Лукавый клеветник!
В тиши полей пустынных,
Природы ученик,
Поэтов грешный лик
Умножил я собою...
И я главой поник
Пред милой суетою.
Жуковский, наш поэт,

На то мне дал совет
И с музами сосватал.
Сначала я играл,
Шутя стихи марал,
А там переписал,
А там и напечатал,
И что же – рад не рад —
Но вот уже я брат
Теперь тому, другому,
Что делать, виноват!..
Предатель, с Аполлоном
Ты, видно, заодно;
А мне прослыть **Прадоном**[53]
Отныне суждено.
Везде беды застану!
Увы мне, метроману,
Куда сокроюсь я?
Изменники друзья
Невинное творенье
Украдкой в город шлют
И плод уединенья
Тисненью предадут, —
Бумагу убивают!
Поэта окружают
С улыбкой остряки.
«Признайтесь, – нам сказали, —
Вы пишете стишки;
Увидеть их нельзя ли?
Вы в них изображали,

Конечно, ручейки,
Конечно, василечек,
Лесочек, ветерочек,
Барашков и цветки...»
О Дельвиг! начертали
Мне музы мой удел;
Но ты ль мои печали
Умножить захотел?
Меж лени и Морфея
Беспечных дух лелея,
Еще хоть год один
Позволь мне полениться
И негой насладиться, —

Я, право, лени сын!
А там, хоть нет охоты,
Но придут уж заботы
Со всех ко мне сторон:
И буду принужден
С журналами сражаться,
С газетой торговаться,
С Графовым[54] восхищаться...
Помилуй, Аполлон!

К ЖИВОПИСЦУ

Дитя Харит и вображенья,

В порыве пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья
Мне друга сердца напиши;
Красу невинности небесной,
Надежды робкия черты,
Улыбку душеньки прелестной
И взоры самой красоты.
Вкруг тонкого Гебеи стана
Венерин пояс повяжи,
Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу окружи.
Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь,
Чтоб и под ним она дышала,
Хотела тайно вздохнуть.
Представь мечту любви стыдливой,
И той, которую дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя подпишу.

К МОЛОДОЙ АКТРИСЕ

Ты не наследница Клероны[55],
Не для тебя свои законы
Владелец Пинда начертал;
Тебе не много бог послал,
Твой голосок, телодвиженья,

Немые взоров обращенья
Не стоят, признаюсь, похвал
И шумных плесков удивленья;
Жестокой суждено судьбой
Тебе актрисой быть дурной.
Но, Кляя, ты мила собой,
Тебе вослед толпятся смехи,
Сулят любовникам утехи —
Итак, венцы перед тобой,
И несомнительны успехи.

Ты пленным зрителя ведешь,
Когда без такта ты поешь,
Недвижно стоя перед нами,
Поешь – и часто невпопад.
А мы усердными руками
Все громко хлопаем; кричат:
«Bravo! bravissimo! чудесно!»
Свистки сатириков молчат,
И все покорствуют прелестной.

Когда в неловкости своей
Ты сложишь руки у груди,
Или подынешь их и снова
На грудь положишь, застыдясь;
Когда Милона[56] молодого,
Лепеча что-то не для нас,
В любви без чувства уверяешь;
Или без памяти в слезах,

Холодный испуская ах!
Спокойно в креслы упадаешь,
Краснея и чуть-чуть дыша, —
Все шепчут: «Ах! как хороша!»
Увы! другую б освистали:
Велико дело красота.
О Кля, мудрые солгали:

Не все на свете суета.
Пленяй же, Кля, красотой;
Стократ блажен любовник тот,
Который нежно пред тобою,
Осмелясь, о любви поет;
В стихах и прозою на сцене
Тебя клянется обожать,
Кому ты можешь отвечать,
Не смея молвить об измене;
Блажен, кто может роль забыть
На сцене с миленькой актрисой,
Жать руку ей, надеясь быть
Еще блаженней за кулисой!

К НЕЙ

Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку,
Я вяну, прекрати тяжелый жизни сон;
Скажи... увижу ли... на долгую ль разлуку

Я роком осужден?

Ужели никогда на друга друг не взглянет,
Иль вечной темнотой покрыты дни мои?
Ужели никогда нас утро не застанет
В объятиях любви?

Эльвина, почему в часы глубокой ночи
Я не могу тебя с восторгом обнимать,
На милую стремить томленья полны очи
И страстью трепетать?

И в радости немой, в блаженствах упоенья
Твой шепот сладостный и тихий стон внимать,
И в неге в скромной тьме для неги пробужденья
Близ милой засыпать?

К ПУЩИНУ

(4 МАЯ)

Любезный именинник,
О Пущин дорогой!
Прибрел к тебе пустынный
С открытою душой;

С пришельцем обнимися —
Но доброго певца
Встречать не суетися
С парадного крыльца.
Он гость без этикета,
Не требует привета
Лукавой суеты;
Прими ж его лобзанья
И чистые желанья
Сердечной простоты!
Устрой гостям пирушку;
На столик воцаной
Поставь пивную кружку
И кубок пуншевой.
Старинный собутыльник!
Забудемся на час,
Пускай ума светильник
Погаснет ныне в нас;
Пускай старик крылатый
Летит на почтовых:
Нам дорог миг утраты
В забавах лишь одних!

Ты счастлив, друг сердечный!
В спокойствии златом
Течет твой век беспечный,
Проходит день за днем;
И ты в беседе граций,
Не зная черных бед,

Живешь, как жил Гораций,

Хотя и не поэт.

Под кровом небогатым

Ты вовсе не знаком

С зловещим Гипократом,

С нахмуренным попом;

Не видишь у порогу

Толпящихся забот;

Нашли к тебе дорогу

Веселость и Эрот;

Ты любишь звон стаканов

И трубки дым густой,

И демон метроманов

Не властвует тобой.

Ты счастлив в этой доле.

Скажи, чего же боле

Мне другу пожелать?

Придется замолчать...

Дай бог, чтоб я, с друзьями

Встречая сотый май,

Покрытый сединами,

Сказал тебе стихами:

Вот кубок; наливай!

Веселье! будь до гроба

Сопутник верный наш.

И пусть умрем мы оба

При стуке полных чаш!

МЕЧТАТЕЛЬ

По небу крадется луна,
На холме тьма седеет,
На воды пала тишина.
С долины ветер веет,
Молчит певица вешних дней
В пустыне темной рощи,
Стада почили средь полей,
И тих полет полнощи;

И мирный неги уголок
Ночь сумраком одела,
В камине гаснет огонек,
И свечка нагорела;
Стоит богов домашних лик
В кивоте небогатом,
И бледный теплится ночник
Пред глиняным Пенатом.

Главою на руку склонен,
В забвении глубоком,
Я в сладки думы погружен
На ложе одиноком:
С волшебной ночи темнотой,
При месячном сияньи,
Слетают резвою толпой

Крылатые мечтаны,

И тихой, тихой льется глас;
Дрожат золотые струны.
В глухой, безмолвный мрака час
Поет мечтатель юный:
Исполнен тайною тоской,
Молчаньем вдохновенный,
Летает резвою рукой
На лире оживленной.

Блажен, кто в низкой свой шалаш
В мольбах не просит Счастья!
Ему Зевес надежный страж
От грозного ненастья;
На маках лени, в тихой час,
Он сладко засыпает,
И бранных труб ужасный глас
Его не пробуждает.

Пускай, ударя в звучный щит
И с видом дерзновенным,
Мне Слава издали грозит
Перстом окровавленным,
И бранны выются знамена,
И пышет бой кровавый —
Прелестна сердцу тишина;
Нейду, нейду за Славой.

Нашел в глуши я мирный кров
И дни веду смиренно;
Дана мне лира от богов,
Поэту дар бесценный;
И Муза верная со мной:
Хвала тебе, богиня!
Тобою красен домик мой
И дикая пустыня.

На слабом утре дней златых
Певца ты осенила,
Венком из миртов молодых
Чело его покрыла,
И, горним светом озарясь,
Влетала в скромну келью
И чуть дышала, преклонясь
Над детской колыбелью.

О, будь мне спутницей молодой
До самых врат могилы!
Летай с мечтаньем надо мной,
Расправя легки крылы;
Гоните мрачную печаль,
Пленяйте ум... обманом,
И милой жизни светлу даль
Кажите за туманом!

И тих мой будет поздний час:
И смерти добрый гений

Шепнет, у двери постучась:
«Пора в жилище теней!..»
Так в зимний вечер сладкой сон
Приходит в мирны сени,
Венчаный маком, и склонен
На посох томной лени...

МОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

ДРУЗЬЯМ

Хочу я завтра умереть
И в мир волшебный наслажденья,
На тихий берег вод забвенья,
Веселой тенью отлететь...
Прости навек, очарованье,
Отрада жизни и любви!
Приблизьтесь, о, друзья мои,
Благоговенье и вниманье!
Устройте завтра шумный ход,
Нести радостные чаши
На темный берег сонных вод,
Где мы вели беседы наши.
Зовите на последний пир
Семелы радостного сына,

Эрота, друга наших лир,
Богов и смертных властелина.
Пускай веселье прибежит,
Махая резвою гремушкой,
И нас от сердца рассмешит
За полной пенистой кружкой.
Пускай игривую толпой
Слетят родные наши музы;
Им первый кубок круговой.
Друзья! священны нам их узы;
До ранней утренней звезды,
До тихого лучей рассвета
Не выйдут из руки поэта
Фиалы братской череды;
В последний раз мою цевницу,
Мечтаний сладостных певицу,
Прижму к восторженной груди.
И брякнут перстни золотые
В завет любви в последний раз.
Где вы, подруги молодые?
Летите – дорог смерти час.
В последний раз, томимый нежно,
Забуду вечность и друзей,
В последний раз на груди снежной
Упьюсь отрадой юных дней!
Когда ж восток озолотится
Во тьме денницей молодой,
И белый топол озарится,
Покрытый утренней росой,

Подайте грозд Анакреона;
Он был учителем моим;
И я сойду путем одним
На грустный берег Ахерона...
Простите, милые друзья,
Подайте руку, до свиданья!
И дайте, дайте обещанье,
Когда навек укроюсь я,

Мое исполнить завещанье.
Приди, певец мой дорогой,
Воспевший Вакха и Темиру,
Тебе дарю я лень и лиру;
Да будут музы над тобой...
Ты не забудешь дружбы нашей,
О, Пущин, ветренный мудрец!
Прими с моей глубокой чашей
Увядший миртовый венец!
Друзья! вам сердце оставляю
И память прошлых красных дней,
Окованных счастливой ленью
На ложе маков и лилей;
Мои стихи дарю забвенью,
Последний вздох, о други, ей!
На тихий праздник погребенья
Я вас обязан пригласить;
Веселость, друг уединенья,
Билеты будет разносить...
Стекитесь резвою толпою,

Главы в венках, рука с рукою,
И пусть на гробе, где певец
Исчезнет в рощах Геликона,
Напишет беглый ваш резец:
«Здесь дремлет юноша-мудрец,
Питомец нег и Аполлона» .

МОЕМУ АРИСТАРХУ

Помилуй, трезвый Аристарх[57]
Моих бахических посланий,
Не осуждай моих мечтаний
И чувства в ветренных стихах:
Плоды веселого досуга
Не для бессмертья рождены,
Но разве так сбережены
Для самого себя, для друга,
И для Темиры молодой.
Помилуй, сжался надо мной —
Не нужны мне, поверь, уроки
Твоей учености сухой.
Я знаю сам свои пороки.
Конечно, беден гений мой:
За рифмой часто холостой,
Назло законам сочетанья,
Бегут трестопные толпой
На аю , ает и на ой .

Еще немногие признанья:
Я ставлю (кто же без греха?)
Пустые часто восклицанья,
Для меры лишних три стиха;
Нехорошо, но оправданья
Позволь мне скромно принести.
Мои летучие посланья
В потомстве будут ли цвести?
Не думай, цензор мой угрюмый,
Что я, беснуясь по ночам,
Объятый стихотворной думой,
Покоем жертвую стихам;
Что, засветив свою лампаду,
Едва дыша, нахмуря взор,
За верный стол, кряхтя, засяду,
Сижусь, сижусь три ночи сряду
И высижусь – трестопный вздор...
Так пишет (молвить не в укор)
Конюший дряхлого Пегаса
Свистов, Хлыстов или Графов[58],
Служитель отставной Парнаса,
Родитель стареньких стихов,
И од не слишком громозвучных,
И сказочек довольно скучных.
Люблю я праздность и покой,

Мне счастливый досуг не бремя,
И днем найду себе я время,
Когда нечаянной порой

Стихи кропать найдет охота,
На славу дружбы иль Эрота.
Сижу ли с добрыми друзьями,
Брожу ль над тихими водами
В дубраве темной и глухой,
Задумаюсь, взмахну руками,
На рифмах вдруг заговорю —
И никого уж не морю
Моими тайными стихами...
Но если я когда-нибудь,
Расположась перед камином,
Желая в неге отдохнуть,
Один, свободным господином,
Поймаю прежню мысль мою, —
То не для имени поэта
Мараю два иль три куплета
И их вполголоса пою.
Но, знаешь ли, о мой гонитель,
Как я беседую с тобой?
Беспечный Пинда посетитель,
Я с музой нежусь молодой...
Уж утра яркое светило
Поля и рощи озарило;
Давно пропели петухи;
Вполглаза дремля – и зевая,
Шапеля[59] в песнях призывая,
Пишу короткие стихи,
Среди приятного забвенья
Склонясь в подушку головой,

И в простоте, без украшения,
Мои слагаю извиненья
Немного сонною рукой.
Под сенью лени неизвестной
Так нежился певей прелестный[60],
Когда Вер-Вера[61] воспевал
Или с улыбкой рисовал
В непринужденном упоенье
Уединенный свой чердак[62].
В таком ленивом положении
Стихи текут и так и сяк.
Возможно ли в свое творенье,
Уняв веселых мыслей шум,
Тогда вперяь холодный ум,
Отделкой портить небылицы,
Плоды бродящих резвых дум,
И сокращать свои страницы?
Наш друг Лафар, Шолье, Парни[63],
Враги труда, забот, печали,
Не так, бывало, в прежни дни

Своих любовниц воспевали.
О вы, любезные певцы,
Сыны беспечности ленивой,
Давно вам отданы венцы
От музы праздности счастливой,
Но не блестящие дары
Поэзии трудолюбивой.
На верх фессальския горы

Вели вас тайные извивы;
Веселых граций перст игривый
Младые лиры оживлял,
И ваши чела обвивал
Детей пафосских рой шутливый.
Но я, неопытный поэт,
Небрежный ваших рифм наследник,
За вами крадуся вослед...
А ты, мой скучный проповедник,
Умерь ученый вкуса гнев!
Поди кричи, брани другого
И брось ленивца молодого,
Об нем тихонько пожалев.

МОЯ ЭПИТАФИЯ

Здесь Пушкин погребен; он с музой молодою,
С любовью, леностью провел веселый век,
Не делал доброго, однако ж был душою,
Ей-богу, добрый человек.

НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗ ПАРИЖА В 1815 ГОДУ

Утихла брань племен: в пределах отдаленных
Не слышен битвы шум и голос труб военных;
С небесной высоты, при звуке стройных лир,
На землю мрачную нисходит светлый Мир.
Свершилось!... Русской царь, достиг ты славной цели!
Вотще надменные на родину летели;
Вотще впереди знамен бесчисленных дружин
В могущей дерзости венчанный исполин[64]
На гибель грозно шел, влек цепи за собою:
Меч огненный блеснул за дымною Москвою!
Звезда губителя потухла в вечной мгле,
И пламенный венец померкнул на челе!
Содрогся счастья сын, и, брошенный судьбою,
Он землю русскую не взвидел под собою. —
Бежит... и мести гром слетел ему во след;
И с трона гордый пал... и вновь восстал... и нет!
Тебе, наш храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки врагов покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложив пернатый шлем,
Колена преклонив пред вышним алтарем,
Ты браней меч извлек и клятву дал святую
От ига оградить страну свою родную.

Мы вняли клятве сей; и гордые сердца
В восторге пламенном летели вслед отца
И смертью роковой горели и дрожали;
И россы пред врагом твердыней грозной стали!..

«К мечам!» раздался клик, и вихрем понеслись;
Знамены, восшумев, по ветру развились;
Обнялся с братом брат: и милым дали руку
Младые ратники на грустную разлуку;
Сразились. Воспылал свободы ярый бой,
И смерть хватала их холодной рукой!...
А я... вдали громов, в сени твоей надежной...
Я тихо расцветал, беспечный, безмятежный!
Увы! мне не судил таинственный предел
Сражаться за тебя под градом вражьих стрел!..
Сыны Бородина, о Кульмские герои[65]!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?
Почто, сжимая меч младенческой рукою,
Покрытый ранами, не пал я пред тобою
И славы под крылом наутре не почил?
Почто великих дел свидетелем не был?

О, сколь величествен, бессмертный, ты явился
Когда на сильного с сынами устремился;
И, челы приподняв из мрачности гробов,
Народы, падшие под бременем оков,
Тяжелой цепию с восторгом потрясали

И с робкой радостью друг друга вопрошали:
«Ужель свободны мы?... Ужели грозный пал...
Кто смелый? Кто в громах на севере восстал?..»
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колена окружила
Освобожденною от рабских уз рукой,
И власть мятежная исчезла пред тобой!

И ныне ты к сынам, о, царь наш, возвратился,
И край полуночи восторгом озарился!
Склони на свой народ смиренья полный взгляд —
Все лица радостью, любовью блещут.
Внемли – повсюду весть отрадная несется,
Повсюду гордый клик веселья раздается;
По стогнам шум, везде сияет торжество,
И ты среди толпы, России божество!
Встречать вождя побед летят твои дружины.
Старик, счастливый век забыв Екатерины,
Взирает на тебя с безмолвною слезой.
Ты наш, о русской царь! оставь же шлем стальной
И грозный меч войны, и щит – ограду нашу;
Излей пред Янусом священну мира чашу,
И, брани сокрушив могущею рукой,
Вселенну осени желанной тишиной!..
И придут времена спокойствия златые,
Покроет шлемы ржа, и стрелы каленые,
В колчанах скрытые, забудут свой полет;
Счастливый селянин, не зная бурных бед,
По нивам повлечет плуг, миром изощренный;

Суда летучие, торговлей окриленны,
Кормами рассекут свободный океан,
И юные сыны воинственных славян
Спокойной праздности с досадой предадутся,
И молча некогда вокруг старца соберутся,
Преклонят жадный слух, и ветхим костылем
И стан, и ратный строй, и дальний бор с холмом
На прахе начертит он медленно пред ними,
Словами истины, свободными, простыми,
Им славу прошлых лет в рассказах оживит
И доброго царя в слезах благословит.

НАПОЛЕОН НА ЭЛЬБЕ (1815)

Вечерняя заря в пучине догорала,
Над мрачной Эльбою носилась тишина,
Сквозь тучи бледные тихонько пробегала
Туманная луна;
Уже на западе седой, одетый мглою,
С равниной синих вод сливался небосклон.
Один во тьме ночной над дикою скалою
Сидел Наполеон.
В уме губителя теснились мрачны думы,
Он новую в мечтах Европе цепь ковал
И, к дальним берегам возведши взор угрюмый,
Свирепо прошептал:

«Вокруг меня все мертвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн,
Не выплывет ни утлый в море челн,
Ни гладный зверь не вззоет над могилой —
Я здесь один, мятежной думы полн...

О, скоро ли, напелясь под рулями,
Меня помчит покорная волна,
И спящих вод прервется тишина?..
Волнуйся, ночь, над эльбскими скалами!
Мрачнее тмись за тучами, луна!

Там ждут меня бесстрашные дружины.
Уже сошлись, уже сомкнуты в строй!
Уж мир лежит в оковах предо мной!
Прейду я к вам сквозь черные пучины
И гряну вновь погибельной грозой!

И вспыхнет брань! за галльскими орлами,
С мечом в руках победа полетит,
Кровавый ток в долинах закипит,
И троны в прах низвергну я громами
И сокрушу Европы дивный щит!..

Но вокруг меня все мертвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн,
Не выплывет ни утлый в море челн,
Ни гладный зверь не вззоет над могилой —
Я здесь один, мятежной думы полн...

О счастье! злобный обольститель,
И ты, как сладкий сон, сокрылось от очей,
Средь бурей тайный мой хранитель
И верный пестун с юных дней!
Давно ль невидимой стезею
Меня ко трону ты вело
И скрыло дерзостной рукою
В венцах лавровое чело!
Давно ли с трепетом народы
Несли мне робко дань свободы,
Знамена чести преклоня;
Дымились громы вокруг меня,
И слава в блеске над главою
Неслась, прикрыв меня крылом?..
Но туча грозная нависла над Москвою,
И грянул мести гром!...
Полнощи царь молодой![66] ты двигнул ополченья,
И гибель вслед пошла кровавым знаменам,
Отозвалось могущего паденье,
И мир земле, и радость небесам,
А мне – позор и заточенье!
И раздроблен мой звонкий щит,
Не блещет шлем на поле браней;
В прибрежном злаке меч забыт
И тускнет на тумане.

И тихо все кругом. В безмолвии ночей
Напрасно чудится мне смерти завыванье,

И стук блистающих мечей,
И падших ярое стенанье —
Лишь плещущим волнам внимает жадный слух;
Умолк сражений клик знакомый,
Вражды кровавой гаснут громы,
И факел мщения потух.
Но близок час! грядет минута роковая!
Уже летит ладья, где грозный трон сокрыт;
Кругом простерта мгла густая,
И, взором гибели сверкая,
Бледнеющий мятеж на палубе сидит.
Страшись, о, Галлия! Европа! мщенье, мщенье!
Рыдай – твой бич восстал – и все падет во прах,
Все сгибнет, и тогда, в всеобщем разрушенье,
Царем воссяду на гробах!»

Умолк. На небесах лежали мрачны тени,
И месяц, дальних туч покинув темны сени,
Дрожащий, слабый свет на запад изливал;
Восточная звезда играла в океане,
И зрелася ладья, бегущая в тумане
Под сводом эльбских грозных скал.
И Галлия тебя, о, хищник, осенила;
Побегли с трепетом законные цари.
Но зришь ли? Гаснет день, мгновенно тьма сокрыла
Лицо пылающей зари,
Простерлась тишина над бездною седою,
Мрачится неба свод, гроза во мгле висит,
Все смолкло... трепещи! погибель над тобою,

И жребий твой еще сокрыт!

ПОСЛАНИЕ К ГАЛИЧУ

Где ты, ленивец мой?
Любовник наслажденья!
Ужель уединенья
Не мил тебе покой?
Ужели мне с тобой
Лишь помощью бумаги
Минуты провождать
И больше не видать
Парнасского бродяги?
На Пинде мой сосед,
И ты от муз укрылся,
Минутный домосед,
С пенатами простился!
Уж темный уголок
И садик опустели,
Где мы под вечерок
За рюмками шумели;
Где Ком нас угощал
Форелью, пирогами,
И пенистый бокал
Нам Бахус подавал.
Бегут за днями дни
Без дружеских собраний;

Веселых пирований
Веселые сыны
С тобой разлучены;
И шумные беседы
И долгие обеды
Не столь оживлены.
Один в каморке тесной
Вечерней тишиной
Хочу, мудрец любезный,
Беседовать с тобой.
Уж темна ночь объемлет
Брега спокойных вод;
Мурлыча, в келье дремлет
Спесивый, старый кот.
Покамест сон прелестный,
Под сенью тихих крил,
В обители безвестной
Меня не усыпил,
Морфея в ожиданье,
В постеле я лежу
И беглое посланье
Без строгого старанья
Предателю пишу.
Далече той станицы,
Где Фебовы сестрицы
Мне с негой выют досуг,
Скажи: среди столицы
Чем занят ты, мой друг?
Ужель приют поэта

Теперь средь вихря света,
Вдали родных полей,
И ближних, и друзей?
Ужель в театре шумном,
Где дюжий Аполлон
Партером полуумным
Прославлен, оглушен,
Измученный напевом
Бессмысленных стихов,
Ты спишь под страшным ревом
Актеров и смычков?
Или, мудрец придворный,
С улыбкою притворной
Пред лентою цветной
Поникнув головой,
С вертушкою слепой
Знакомиться желаешь?
Иль Креза за столом
В куплете заказном
Трусливо величаешь?..
Нет, добрый Галич мой!
Поклону ты не сроден.
Друг мудрости прямой
Правдив и благороден;
Он любит тишину;
Судьбе своей послушный,
На барскую казну
Взирает равнодушно,
Рублям откупщика

Смеясь веселым часом,
Не снимет колпака
Философ пред Мидасом.
Пускай не дружен он
С Фортуною коварной,
Но Вакхом награжден
Философ благодарный,
Когда сей бог молодой
Вечернею порой
Лафит и грог янтарный
С улыбкой на устах
В стекле ему подносит
И каплю выпить просит,
Качаясь на ногах.
Мечтанье обнимая,
Любовь его ведет,
И дружба молодая
Венки ему плетет.
И счастлив он, признаться,
На деле, не в мечтах,
Когда минуты мчатся
Веселья на крылах;

Когда друзья-поэты
С утра до ночи с ним
Шумят, поют куплеты,
Пьют мозель разогретый,
Приателям своим
Послания читают

И трубку разжигают
Безрифминным[67] лихим!..
Оставь же город скучный,
С друзьями съединись
И с ними неразлучно
В пустыне уживись.
Беги, беги столицы,
О, Галич мой, сюда!
Здесь, розовой денницы
Не видя никогда,
Ленясь под одеялом,
С Тибургским мудрецом[68]
Мы часто за бокалом
Проснемся – и заснем.
Смотри: тебе в награду
Наш Дельвиг, наш поэт,
Несет свою балладу[69],
И стансы винограду,
И к лилии куплет.[70]
И полон становится
Твой малый, тесный дом;
Вот с милым остряком
Наш песельник[71] тащится
По лестнице с гудком,
И все к тебе нагрянем —
И снова каждый день
Стихами, прозой станем
Мы гнать печали тень.
Подруги молодые

Нас будут посещать;
Нам жизни дни златые
Не страшно расточать.
Поделится с забавой
Мы веком остальным,
С волшебницею-славой
И с Вакхом молодым.

ПОСЛАНИЕ К ЮДИНУ[72]

Ты хочешь, милый друг, узнать
Мои мечты, желанья, цели
И тихий глас простой свирели
С улыбкой дружества внимать.
Но можно ль резвому поэту,
Невольнику мечты молодой,
В картине быстрой и живой
Изобразить в порядке свету
Все то, что в юности златой
Воображение мне кажется?

Теперь, когда в покое лень,
Укрыв меня в пустыню сень,
Своею цепью чувства вяжет,
И век мой тих, как ясный день,
Пустого неги украшенья
Не видя в хижине моей,

Смотрю с улыбкой сожаленья
На пышность бедных богачей
И, счастливый самим собою,
Не жажду горы серебра,
Не знаю завтра , ни вчера ,
Доволен скромною судьбою
И думаю: «К чему певцам
Алмазы, яхонты, топазы,
Порфирные пустые вазы,
Драгие куклы по углам?

К чему им сукны Альбиона[73]
И пышные чехлы Лиона[74]
На модных креслах и столах,
И ложе шалевое в спальней?
Какая нужда в зеркалах?
Не лучше ли в деревне дальней,
Или в смиренном городке,
Вдали столиц, забот и грома,
Укрыться в мирном уголке,
С которым роскошь незнакома,
Где можно в праздник отдохнуть!»
О, если бы когда-нибудь
Сбылись поэта сновиденья!
Ужель отрад уединенья
Ему вкушать не суждено?
Мне видится мое селенье,
Мое Захарово[75]; оно
С заборами в реке волнистой,

С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено.
На холме домик мой: с балкона
Могу сойти в веселый сад,
Где вместе Флора и Помона
Цветы с плодами мне дарят,
Где старых кленов темный ряд
Возносится до небосклона,
И глухо тополы шумят, —
Туда зарею поспешаю
С смиренным заступом в руках,
В лугах тропинку извиваю,
Тюльпан и розу поливаю —
И счастлив в утренних трудах;
Вот здесь под дубом наклоненным
С Горацием и Лафонтеном
В приятных погружен мечтах.
Вблизи ручей шумит и скачет,
И мчится в влажных берегах,
И светлый ток с досадой прячет
В соседних рощах и лугах.
Но вот уж полдень. В светлой зале
Весельем круглый стол накрыт;
Хлеб-соль на чистом покрывале,
Дымятся щи, вино в бокале,
И щука в скатерти лежит.
Соседи шумною толпою
Взошли, прервали тишину,
Садятся; чаш внимаем звону:

Все хвалят Вакха и Помону
И с ними красную весну...

Вот кабинет уединенный,
Где я, Москвою утомленный,
Вдали обманчивых красот,
Вдали нахмуренных забот
И той волшебницы лукавой,
Которая весь мир вертит,
В трубу немолчную гремит,
И – помнится – зовется Славой, —
Живу с природной простотой,
С философической забавой
И с музой резвой и молодой...
Вот мой камин – под вечер темный,
Осенней бурною порой,
Люблю под сению укромной
Пред ним задумчиво мечтать,
Вольтера, Виланда читать,
Или в минуту вдохновенья
Небрежно стансы намарать
И жечь потом свои творенья...
Вот здесь... но быстро привиденья,
Родясь в волшебном фонаре,
На белом полотне мелькают;
Мечты находят, исчезают,
Как тень на утренней заре.
Меж тем как в келье молчаливой
Во плен отдался я мечтам,

Рукой беспечной и ленивой
Разбросив рифмы здесь и там,
Я слышу топот, слышу ржанье.
Блеснув узорным чепраком,
В блестящем ментии сиянье
Гусар промчался под окном...

И где вы, мирные картины
Прелестной сельской простоты?
Среди воинственной долины
Ношусь на крыльях я мечты,
Огни во стане догорают;
Меж них, окутанный плащом,
С седым, усатым казаком
Лежу – вдали штыки сверкают,
Лихие ржут, бразды кусают,
Да изредка грохочет гром,
Летя с высокого раската...
Трепещет бранью грудь моя
При блеске бранного булата,
Огнем пылает взор, – и я
Лечу на гибель супостата.
Мой конь в ряды врагов орлом
Несется с грозным седоком —
С размаха сыплются удары.
О, вы, отеческие лары,
Спасите юношу в боях!
Там свищет саблей он зубчатой,
Там кивер зыблется пернатый;

С черкесской буркой на плечах
И, молча преклонясь ко гриве,
Он мчит стрелой по скользкой ниве
С цыгарой дымною в зубах...

Но, лаврами побед увиты,
Бойцы из чаши мира пьют.
Военной славою забытый,
Спешу в смиренный свой приют;
Нашед на поле битв и чести
Одни болезни, костыли,
На век оставил саблю мести...
Уж вижу в сумрачной дали
Мой тесный домик, рощи темны,
Калитку, садик, ближний пруд,
И снова я, философ скромный,
Укрылся в милый мне приют
И, мир забыв и им забвенный,
Покой души вкушаю вновь...

Скажи, о, сердцу друг бесценный,
Мечта ль и дружба и любовь?
Доселе в резвости беспечной
Брели по розам дни мои;
В невинной ясности сердечной
Не знал мучений я любви,
Но быстро день за днем умчался;
Где ж детства ранние следы?
Прелестный возраст миновался,

Увяли первые цветы!
Уж сердце в радости не бьется
При милом виде мотылька,
Что в воздухе кружит и вьется
С дыханьем тихим ветерка,
И в беспокойстве непонятном
Пылаю, тлею, кровь горит,
И все языком, сердцу внятным,
О нежной страсти говорит...
Подруга возраста златого,
Подруга красных детских лет,
Тебя ли вижу, взоров свет,
Друг сердца, милая Сушкова?[76]
Везде со мною образ твой,
Везде со мною призрак милый:
Во тьме полуночи унылой,
В часы денницы золотой.
То на конце аллеи темной
Вечерней, тихою порой,
Одну, в задумчивости томной,
Тебя я вижу пред собой,
Твой шалью стан не покровенный,
Твой взор, на груди потупленный,
В щеках любви стыдливый цвет.
Все тихо; брезжит лунный свет;
Нахмурясь топол шевелится,
Уж сумрак тусклой пеленой
На холмы дальние ложится,
И завес рощицы струится

Над тихо спящею волной,
Осеребренною луной.

Одна ты в рощице со мною,
На костыли мои склоняясь,
Стоишь под ивою густою;
И ветер сумраков, резвясь,
На снежну грудь прохладой дует,
Играет локоном власов
И ногу стройную рисует
Сквозь белоснежный твой покров...
То часом полночи глубоким,
Пред теремом твоим высоким,
Угрюмой зимнею порой,
Я жду красавицу драгую —
Готовы сани; мрак густой;
Все спит, один лишь я тоскую,
Зову часов ленивый бой...
И шорох чудится глухой,
И вот уж шепот слышу сладкой, —
С крыльца прелестная сошла,
Чуть-чуть дыша; идет украдкой,
И дева друга обняла.
Помчались кони, вдаль пустились,
По ветру гривы распустились,
Несутся в снежной глубине,
Прижалась робко ты ко мне,
Чуть-чуть дыша; мы обомлели,
В восторгах чувства онемели...

Но что! мечтанья отлетели!
Увы! я счастлив был во сне...

В отрадной музам тишине
Простыми звуками свирели,
Мой друг, я для тебя воспел
Мечту, молодых певцов удел.
Питомец муз и вдохновенья,
Стремясь фантазии вослед,
Находит в сердце наслажденья
И на пути грозящих бед.
Минуты счастья золотые
Пускай мне Клофо не совет:
В мечтах все радости земные!
Судьбы всемогщее поэт.

СЛЕЗА

Вчера за чашей пуншевою
С гусаром я сидел
И молча с мрачною душою
На дальний путь глядел.
«Скажи, что смотришь на дорогу? —
Мой храбрый спросил. —
Еще по ней ты, слава богу,
Друзей не проводил».
К груди поникнув головою,

Я скоро прошептал:
«Гусар! уж нет ее со мною!..»
Вздыхнул – и замолчал.
Слеза повисла на реснице
И канула в бокал
«Дитя! ты плачешь о девице,
Стыдись!» – он закричал.
«Оставь, гусар... ох! сердцу больно.
Ты, знать, не горевал.
Увы! одной слезы довольно,
Чтоб отравить бокал!..»

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ

Последним сияньем за рощей горя,
Вечерняя тихо потухла заря,
Темнеет долина глухая;
В тумане пустынном чернеет река,
Ленивой грядою идут облака,
Меж ими луна золотая.

Недвижные латы на холме лежат,
В стальной рукавице забвенный булат,
И щит под шоломом заржавым,
Вонзились шпоры в увлаженный мох,
Копье раздробленно, и месяца рог
Покрыл их сияньем кровавым.

Вкруг холма обходит друг сильного – конь;
В очах горделивых померкнул огонь,
Он бранную голову клонит.
Беспечным копытом бьет камень долин
И смотрит на латы – конь верный один,
И дико трепещет, и стонет.

Во тьме заблудившись, пришелец идет,
Невольную робость он в сердце несет,
Склонясь над дорожной клюкою,
Заботливо смотрит в неверную даль,
Приблизился к латам и звонкую сталь
Толкает усталой ногою.

Хладеет пришелец, – кольчуги звучат.
Погибшего грозно в них кости стучат,
По камням шелом покатился,
Скрывался в нем череп... при звуке глухом
Заржал конь ретивый – скок лётom на холм, —
Взглянул... и главою склонился.

Уж путник далече в тьме бродит ночной,
Все мнится, что кости хрустят под ногой...
Но утро денница выводит —
Сраженный во брани на холме лежит,
И латы недвижны, и шлем не стучит,
И конь вкруг погибшего ходит.

ТЕНЬ ФОНВИЗИНА

В раю, за грустным Ахероном,
Зевая в рощице густой,
Творец, любимый Аполлоном,
Увидеть вздумал мир земной.
То был писатель знаменитый,
Известный русский весельчак,
Насмешник, лаврами повитый,
Денис, невежде бич и страх[77]
«Позволь на время удалиться, —
Владыке ада молвил он, —
Постыл мне мрачный Флегетон,
И к людям хочется явиться».
«Ступай!» – в ответ ему Плутон;
И видит он перед собою:
В ладье с мелькающей толпою
Гребет наморщенный Харон
Челнок ко берегу; с подорожной
Герой поплыл в ладье порожной
И вот – выходит к нам на свет.
Добро пожаловать, поэт!

Мертвец в России очутился,
Он ищет новости какой,
Но свет ни в чем не пременился.
Все идет той же чередой;

Все так же люди лицемерят,
Все те же песенки поют,
Клеветникам, как прежде, верят,
Как прежде все дела текут;
В окошки миллионы скачут,
Казну все крадут у царя,
Иным житье, другие плачут,
И мучат смертных лекаря,
Спокойно спят архиереи,
Вельможи, знатные злодеи,
Смеясь, в бокалы льют вино,
Невинных жалобе не внемлют,
Играют ночь, в сенате дремлют,
Склонясь на красное сукно;
Все столько ж трусов и нахалов,
Рублевых столько же Киприд,
И столько ж глупых генералов,
И столько ж старых волокит.

Вздыхнул Денис: «О боже, боже!
Опять я вижу то ж да то же.
Передних грозный Демосфен,
Ты прав, оратор мой Петрушка[78]:
Весь свет бездельная игрушка[79],
И нет в игрушке перемен.
Но где же братии-поэты,
Мои парнасские клеветы[80],
Питомцы граций молодых?
Желал бы очень видеть их».

Небес оставя светлы сени,
С крылатой шапкой набекрени,
Богов посланник молодой
Слетает вдруг к нему стрелой.
«Пойдем, – сказал Эрмий[81] поэту, —
Я здесь твоим проводником,
Сам Феб меня просил о том;
С тобой успеем до рассвету
Певцов российских посетить,
Иных – лозами наградить,
Других – венком увить свирели».
Сказал, взвились и полетели.

Уже сокрылся ясный день,
Уже густела мрачна тень,
Уж вечер к ночи уклонялся,
Мелькал в окошки лунный свет,
И всяк, кто только не поэт,
Морфею сладко предавался.
Эрмий с веселым мертвецом
Влетели на чердак высокий;
Там Кропов[82] в тишине глубокой
С бумагой, склянкой и пером
Сидел в раздумье за столом
На стуле ветхом и треногом
И площадным, раздутым слогом
На наши смертные грехи
Ковал и прозу и стихи.
«Кто он?» – «Издатель "Демокрита"!

Издатель право пресмешной,
Не жаждет лавров он пиита,
Лишь был бы только пьян порой.
Стихи читать его хоть тяжко,
А проза, ох! горька для всех;
Но что ж? смеяться над бедняжкой,
Ей-богу, братец, страшный грех;
Не лучше ли чердак оставить
И далее полет направить
К певцам российским записным?»
«Быть так, Меркурий, полетим».
И оба путника пустились
И в две минуты опустились
Хвостову[83] прямо в кабинет.
Он н е спал; добрый наш поэт
Унизывал на случай оду,
Как божий мученик кряхтел,
Чертил, вычеркивал, потел,
Чтоб стать посмешищем народу.
Сидит; перо в его зубах,
На ленте анненской табак,
Повсюду разлиты чернила,
Сопит себе Хвостов унылый.
«Ба! в полночь кто катит ко мне?

Не брежу, полно ль, я во сне!

Что случилось с бедной головою!
Фонвизин! ты ль передо мною?

Помилуй! ты... конечно, он!»
«Я, точно я, меня Плутон
Из мрачного теней жилища
С почетным членом адских сил
Сюда на время отпустил.
Хвостов! старинный мой дружище!
Скажи, как время ты ведешь?
Здорово ль, весело ль живешь?»
«Увы! несчастному поэту, —
Нахмурясь, отвечал Хвостов, —
Давно ни в чем удачи нету.
Скажу тебе без дальних слов:
По мне с парнасского задору
Хоть удавись – так в ту же пору.
Что я хорош, в том клясться рад,
Пишу, пою на всякий лад,
Хвалили гений мой в газетах,
В «Аспазии»[84] боготворят.
А все последний я в поэтах,
Меня бранит и стар и млад,
Читать стихов моих не хочет,
Куда ни сунусь, всюду свист —
Мне враг последний журналист,
Мальчишки надо мной хохочут.
Анастасевич[85] лишь один,
Мой верный крестник, чтец и сын,
Своею прозой уверяет,
Что истукан мой увенчает
Потомство лавровым венцом.

Никто не думает о том,
Но я – поставлю на своем.
Пускай мой перузмахер снова
Завьет у бедного Хвостова
Его поэмой заказной
Волос остаток уж седой,
Геройской вооружась отвагой,
И жизнь я кончу над бумагой
И буду в аде век писать
И притчи дьяволам читать».

Денис на то пожал плечами;
Курьер богов захохотал
И, над свечой взмахнув крылами,
Во тьме с Фонвизиним пропал.
Хвостов не слишком изумился,
Спокойно свечку засветил —
Вздыхнул, зевнул, перекрестился,
Свой труд доканчивать пустился,
Поутру оду смастерил
И ею город усыпил.

Меж тем, поклон отдав Хвостову,
Творец, списавший Простакову[86],
Три ночи в мрачных чердаках
В больших и малых городах
Пугал российских стиходеев.
В своем боскете[87] князь Шальной[88],
Краса писателей-Морфеев,

Сидел за книжкой записной,
Рисуя в ней цветки, кусточки,
И, движа вздохами листочки,
Мочил их нежною слезой;
Когда же призрак столь чудесный
Очам влюбленного предстал,
За платье ухватясь любезной,
О страх! он в обморок упал.
И ты, славяноросс надутый[89],
О Безглагольник пресловутый,
И ты едва не побледнел,
Как будто от Шишкова взгляда;
Из рук упала Петриада[90],
И дикий взор оцепенел.
И ты, попами воскормленный,
Дьячком псалтири обученный,
Ужасный критикам старик![91]
Ты видел тени грозный лик,
Твоя невинная другиня[92],
Уже поблекший цвет певиц,
Вралих Петрополя богиня,
Пред ним со страхом пала ниц.
И ежемесячный вздыхатель,
Что в свет бесстыдно издает
Кокетки старой кабинет[93],
Безграмотный школяр-писатель,
Был строгой тенью посещен;
Не спас ребенка Купидон;
Блюстителъ чести муз усердный

Его журил немилосердно
И уши выдрал бедняка;
Страшна Фонвизина рука!

«Довольно! нет во мне охоты, —
Сказал он, – у худых писцов
Лишь время тратить; от зевоты
Я снова умереть готов;
Но где певец Екатерины?» [94]
«На берегах поет Невы».
«Итак, стигийския долины
Еще не видел он?» – «Увы!»
«Увы? скажи, что значит это?»
«Денис! полнощный лавр отцвел,
Прошла весна, прошло и лето,
Огонь поэта охладел;
Ты все увидишь сам собою;
Слетим к певцу под сединою
На час послушать старика».
Они летят, и в три мига
Среди разубранной светлицы
Увидели певца Фелицы.
Почтенный старец их узнал.
Фонвизин тотчас рассказал
Свои в том мире похождения.
«Так ты здесь в виде привиденья?.. —
Сказал Державин, – очень рад;
Прими мои благословенья...
Брысь, кошка!... сядь, усопший брат;

Какая тихая погода!..
Но, кстати, вот на славу ода, —
Послушай, братец». И старик,
Покашляв, почесав парик,
Пустился петь свое творенье,
Статей библейских преложенье;
То был из гимнов гимн прямой.
Чета бесплотных в удивленье
Внимала молча песнопенье,
Поникнув долу головой:

«Открылась тайн священных дверь!..[95]
Из бездн исходит Луцифер,
Смиренный, но челоперунный.
Наполеон! Наполеон!
Париж, и новый Вавилон,
И кроткий агнец белорунный,
Превосходясь, как дивий Гог,
Упал, как дух Сатанаила,
Исчезла демонская сила!..
Благословен господь наш бог!»...

«Ого! – насмешник мой воскликнул, —
Что лучше эдаких стихов?
В них смысла сам бы не проникнул
Покойный господин Бобров[96];
Что сделалось с тобой, Державин?
И ты судьбой Невтону равен[97],
Ты бог – ты червь, ты свет – ты ночь...[98]

Пойдем, Меркурий, сердцу больно;
Пойдем – бешуся я невольно».
И мигом отлетел он прочь.

«Какое чудное явление!» —
Фонвизин спутнику сказал.
«Оставь пустое удивленье, —
Эрмий с усмешкой отвечал. —
На Пинде славный Ломоносов
С досадой некогда узрел,
Что звучной лирой в сонме россов
Татарин бритый возгремел,
И гневом Пиндар Холмогора
И тайной завистью горел.
Но Феб услышал глас укора,
Его покоить захотел,
И спотыкнулся мой Державин
Апокалипсис преложить.
Денис! он вечно будет славен,
Но, ах, почто так долго жить?»

«Пора домой, – вещал Эрмию
Ужасный рифмачам мертвец, —
Оставим наскоро Россию;
Бродить устал я, наконец».
Но вдруг близ мельницы стучащей,
Средь рощи сумрачной, густой,
На берегу реки шумящей
Шалаш является простой:

К калитке узкая дорога;
В окно склонился древний клен,
И Фальконетов Купидон
Грозит с усмешкой у порога.
«Конечно, здесь живет певец, —
Сказал, обрадуясь, мертвец, —
Взойдем!» Взошли и что ж узрели?
В приятной неге, на постеле
Певец пенатов молодой
С венчанной розами главой,
Едва прикрытый одеялом,
С прелестной Лилою дремал
И, подрумяненный фиалом,
В забвенье сладостном шептал.
Фонвизин смотрит изумленный.
«Знакомый вид; но кто же он?
Уж не Парни ли несравненный,
Иль Клейст? иль сам Анакреон?»
«Он стоит их, – сказал Меркурий, —
Эрата, грации, амуры
Венчали миртами его,
И Феб цевницею златою
Почтил любимца своего;
Но, лени связанный уздою,
Он только пьет, смеется, спит
И с Лилой нежится младою,
Забыв совсем, что он пиит».

«Так я же разбужу повесу», —

Сказал Фонвизин, рассердясь,
И в миг отдернул занавесу.
Певец, услыша вещий глас,
С досадой весь в пуху проснулся,
Лениво руки протянул,
На свет насилу проглянул,
Потом в сторонку обернулся
И снова крепким сном заснул.
Что делать нашему герою?
Повеся нос, идти к покою
И только про себя ворчать.
Я слышал, будто бы с досады
Бранил он русских без пощады
И вот изволил что сказать:
«Когда Хвостов трудиться станет,
А Батюшков спокойно спать,
Наш гений долго не восстанет,
И дело не пойдет на лад».

* * *

Угрюмых тройка есть певцов —
Шихматов, Шаховской, Шишков,
Уму есть тройка супостатов —
Шишков наш, Шаховской, Шихматов,
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!

*Боже! царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли.
Гордых смирителю,
Слабых хранителю,
Всех утешителю
Все ниспошли.*

Там – громкой славою,
Сильной державою
Мир он покрыл.
Здесь безмятежною
Сенью надежною,
Благостью нежною
Нас осенил.
Брани в ужасный час
Мощно хранила нас
Верная длань —
Глас умиления,
Благодарения,
Сердца стремления —

Вот наша дань.

* * *

«Больны вы, дядюшка? Нет мочи,
Как беспокоюсь я! три ночи,
Поверьте, глаз я не смыкал».
«Да, слышал, слышал: в банк играл».

* * *

Вот Виля – он любовью дышит,
Он песни пишет зло,
Как Геркулес[99], сатиры пишет,
Влюблен, как Буало.[99]

ДЕЛИЯ

Ты ль передо мною,
Делия[100] моя!
Разлучен с тобою —
Сколько плакал я!

Ты ль передо мною,
Или сон мечтою
Обольстил меня?

Ты узнала ль друга?
Он не то, что был;
Но тебя, подруга!
Все ж не позабыл —
И твердит унылый:
«Я любим ли милой,
Как, бывало, был?»»

Что теперь сравнится
С долею моей!
Вот слеза катится
По щеке твоей —
Делия стыдится?..
Что теперь сравнится
С долею моей!

ДЯДЕ, НАЗВАВШЕМУ СОЧИНТЕЛЯ БРАТОМ

Я не совсем еще рассудок потерял
От рифм бахических, шатаюсь на Пегасе,
Я не забыл себя, хоть рад, хотя не рад.

Нет, нет – вы мне совсем не брат;
Вы дядя мне и на Парнасе.

ЖЕЛАНИЕ

Я слезы лью; мне слезы утешенье;
И я молчу; не слышен ропот мой,
Моя душа, объятая тоской,
В ней горькое находит наслажденье.
О жизни сон! Лети, не жаль тебя,
Исчезни в тьме, пустое привиденье;
Мне дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пусть умру любя!

ЗАВЕЩАНИЕ КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Друзья, простите! Завещаю
Вам все, чем рад и чем богат;
Обиды, песни – все прощаю,
А мне пускай долги простят.

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОК

Кубок янтарный
Полон давно,
Пеной угарной
Блещет вино.
Света дороже
Сердцу оно;
Но за кого же
Выпью вино?

Здравие славы
Выпью ли я?
Бранной забавы
Мы не друзья!
Это веселье
Не веселит,
Дружбы похмелье
Грома бежит.

Жители неба,
Феба жрецы!
Здравие Феба
Пейте, певцы!
Резвой камены
Ласки – беда;
Ток Иппокрены

Просто вода.

Пейте за радость
Юной любви —
Скроется младость,
Дети мои...
Кубок янтарный
Полон давно.
Я – благодарный —
Пью за вино.

* * *

Заутра с свечкой грошевою
Явлюсь пред образом святым:
Мой друг! остался я живым,
Но был уж смерти под косою:
Сазонов[101] был моим слугою,
А Пешель[102] – лекарем моим.

ИЗ ПИСЬМА К В. Л. ПУШКИНУ

Христос воскрес, питомец Феба!
Дай бог, чтоб милостию неба
Рассудок на Руси воскрес;

Он что-то, кажется, исчез.
Дай бог, чтобы во всей вселенной
Воскресли мир и тишина,
Чтоб в Академии почтенной
Воскресли члены ото сна;
Чтоб в наши грешны времена
Воскресла предков добродетель;
Чтобы Шихматовым на зло
Воскреснул новый Буало[103] —
Расколов, глупости свидетель;
А с ним побольше серебра
И золота et caetera.

Но да не будет воскресенья
Усопшей прозы и стихов.
Да не воскреснут от забвенья
Покойный господин Бобров,
Хвалы газетчика достойный,
И Николев[104], поэт покойный,
И беспокойный граф Хвостов,
И все, которые на свете
Писали слишком мудрено,
То есть, и хладно и темно,
Что очень стыдно и грешно!

ИЗ ПИСЬМА К кн. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Блажен, кто в шуме городском
Мечтает об уединенье,
Кто видит только в отдаленье
Пустыню, садик, сельский дом,
Холмы с безмолвными лесами,
Долину с резвым ручейком
И даже... стадо с пастухом!
Блажен, кто с добрыми друзьями
Сидит до ночи за столом
И над славенскими глупцами[105]
Смеется русскими стихами;
Блажен, кто шумную Москву
Для хижинки не покидает...
И не во сне, а на яву
Свою любовницу ласкает!..

ИСТИНА

Издавна мудрые искали
Забытых истины следов
И долго, долго толковали

Давнишни толки стариков.
Твердили: «Истина святая
В колодез убралась тайком»,
И, дружно воду выпивая,
Кричали: «Здесь ее найдем!»

Но кто-то, смертных благодетель
(И чуть ли не старик Силен),
Их важной глупости свидетель,
Водой и криком утомлен,
Оставил невидимку нашу,
Подумал первый о вине
И, осушив до капли чашу,
Увидел истину на дне.

К ДЕЛИИ

О Делия драгая!
Спеши, моя краса;
Звезда любви золотая
Взошла на небеса;
Безмолвно месяц покотился;
Спеши, твой Аргус удалился,
И сон сомкнул его глаза.

Под сенью потаенной
Дубравной тишины,

Где ток уединенный
Сребристыя волны
Журчит с унылой Филомелой,
Готов приют любви веселый
И блеском освещен луны.

Накинут тени ночи
Покровы нам свои,
И дремлют сени рощи,
И быстро миг любви
Летит, – я весь горю желаньем,
Спешу, о Делия! свиданьем,
Спешу в объятия мои.

Кж. В. М. ВОЛКОНСКОЙ

On peut tres bien, mademoiselle,
Vous prendre pour une maquerelle,
Ou pour une vieille guenon,
Mais pour une grace, – oh, mon Dieu, non.[106]

К ЖУКОВСКОМУ

Благослови, поэт!... В тиши парнасской сени
Я с трепетом склонил пред музами колени:

Опасною тропой с надеждой полетел,
Мне жребий вынул Феб, и лира мой удел.
Страшусь, неопытный, бесславного паденья,
Но пылкого смирить не в силах я влеченья,
Не грозный приговор на гибель внемлю я:
Сокрытого в веках священный судия,[107]
Страж верный прошлых лет, наперсник муз любимый
Ибледной зависти предмет неколебимый
Приветливым меня вниманьем ободрил[108];
И Дмитрев слабый дар с улыбкой похвалил;
И славный старец наш, царей певец избранный[109],
Крылатым гением и грацией венчанный,
В слезах обнял меня дрожащею рукой
И счастье мне предрек, неизвестное мной.
И ты, природою на песни обреченный!
Не ты ль мне руку дал в завет любви священный?[110]
Могу ль забыть я час, когда перед тобой
Безмолвный я стоял, и молнией струей
Душа к возвышенной душе твоей летела
И, тайно съединясь, в восторгах пламенела, —
Нет, нет! решился я – без страха в трудный путь,
Отважной верою исполнилася грудь.
Творцы бессмертные, питомцы вдохновенья!..
Вы цель мне кажете в туманах отдаленья,
Лечу к **безвестному** отважною мечтой,
И, мнится, гений ваш промчался надо мной!
Но что? Под грозною парнасскою скалою
Какое зрелище открылось предо мною?
В ужасной темноте пещерной глубины

Бражды и Зависти угрюмые сыны,
Возвышенных творцов зоилы записные
Сидят – Бессмыслицы дружины боевые.[111]
Далеко диких лир несется резкой вой,
Варяжские стихи визжит варягов строй.
Смех общий им ответ; над мрачными толпами
Во мгле два призрака склонилися главами.[112]
Один на груды сел и прозы и стихов —
Тяжелые плоды полунощных трудов,
Усопших од, поэм забвенные могилы!
С улыбкой внемлет вой стопосложитель хилый:
Пред ним растерзанный стенает Тилемах;
Железное перо скрипит в его перстах
И тянет за собой гекзаметры сухие,
Спондеи жесткие и дактилы тугие.
Ретивой музою прославленный певец,
Гордись – ты Мевия надутый образец!
Но кто другой, в дыму безумного куренья,
Стоит среди толпы друзей непросвещенья?
Торжественной хвалы к нему несется шум:
А он – он рифмою попрал и вкус и ум;
Ты ль это, слабое дитя чужих уроков,
Завистливый гордец, холодный Сумароков,
Без силы, без огня, с посредственным умом,
Предрассуждениям обязанный венцом
И с Пинда сброшенный, и проклятый Расином?
Ему ли, карлику, тягаться с исполином?
Ему ль оспаривать тот лавровый венец,
В котором возблистал бессмертный наш певец,

Веселье россиян, полунощное диво?..[113]
Нет! в тихой Лете он потонет молчаливо,
Уж на челе его забвения печать,
Предбудущим векам что мог он передать?
Страшилась грация цинической свирели,
И персты грубые на лире костенели.
Пусть будет Мевием в речах превознесен[114] —
Явится Депрео, исчезнет Шапелен.[115]
И что ж? всегда смешным останется смешное;
Невежду пестует невежество слепое.
Оно сокрыло их во мрачный свой приют;
Там прозу и стихи отважно все куют,
Там все враги наук, все глухи – лишь не немые,
Те слогом Никога печатают поэмы[116],
Одни славянских од громады громоздят,
Другие в бешеных трагедиях хрипят,
Тот, верный своему мятежному союзу,
На сцену возведя зевающую музу[117],
Бессмертных гениев сорвать с Парнаса мнит.
Рука содрогнулась, удар его скользит,
Вотще бросается с завистливым кинжалом,
Куплетом ранен он, низвержен в прах журналом, —
При свистах критики к собратьям он бежит...
И маковый венец[118] Феспису[119] ими свит.
Все, руку положив на том «Телемахиды»,
Клянутся отомстить сотрудников обиды,
Волнуясь встают неистовой толпой.
Беда, кто в свет рожден с **чувствительной** душой!
Кто тайно мог пленить красавиц нежной лирой,

Кто смело просвистал шутовскую сатиру,
Кто выражается правдивым языком,
И русской Глупости не хочет бить челом!..
Он враг отечества, он сеятель разврата!
И речи сыплются дождем на супостата.
И вы восстаньте же, парнасские жрецы,
Природой и трудом воспитанны певцы
В счастливой ереси и Вкуса и Ученья,
Разите дерзостных друзей Непросвещения.
Отмститель гения, друг истины, поэт!
Лиющая с небес и жизнь и вечный свет,
Стрелою гибели десница Аполлона
Сражает наконец ужасного Пифона.
Смотрите: поражен враждебными стрелами,
С потухшим факелом, с недвижными крылами
К вам Озерова дух призывает: други! месть!..[120]
Вам оскорбленный вкус, вам знания дали весть —
Летите на врагов: и Феб и музы с вами!
Разите варваров кровавыми стихами;
Невежество, смирясь, потупит хладный взор,
Спесивых риторов безграмотный собор...
Но вижу: возвещать нам истины опасно,
Уж Мевий на меня нахмурился ужасно,
И смертный приговор талантам возгремел.
Гонения терпеть ужель и мой удел?
Что нужды? смело **вдаль**, дорогою прямою,
Учению руку дав, поддержанный тобою,
Их злобы не страшусь; мне твердый Карамзин,
Мне ты пример. Что крик безумных сих дружин?

Пускай беседуют отверженные Феба;
Им прозы, ни стихов не послан дар от неба.
Их слава – им же стыд; творенья – смех уму;
И в тьме возникшие низвергнутся во тьму.

К МАШЕ

Вчера мне Маша приказала
В куплеты рифмы набросать
И мне в награду обещала
Спасибо в прозе написать.

Спешу исполнить приказанье,
Года не смеют погодить:
Еще семь лет – и обещанье
Ты не исполнишь, может быть.

Вы чинно, молча, сложа руки,
В собраньях будете сидеть
И, жертвуя богине скуки,
С воксала в маскарад лететь —

И уж не вспомните поэта!..
О, Маша, Маша, поспеши —
И за четыре мне куплета
Мою награду напиши!

КУПЛЕТЫ

(НА СЛОВА «С ПОЗВОЛЕНИЯ СКАЗАТЬ»)

С позволения сказать,
Я сердит на вас ужасно,
Нет! – вы просите напрасно;
Не хочу пера марать;
Можно ль честному поэту
Ставить к каждому куплету:
«С позволения сказать»?

С позволения сказать,
Престарелые красотки,
Пересчитывающая четки,
Станут взапуски кричать:
«Это что?» – Да это скверно!
Сочинитель песни, верно,
С позволения сказать...

С позволения сказать,
Есть над чем и посмеяться;
Надо всем, друзья, признаться,
Глупых можно тьму сыскать

Между дам и между нами,
Даже, даже... меж царями,
С позволения сказать.

С позволения сказать,
Доктор мой кнута достоин,
Хоть он трус, хоть он не воин,
Но уж мастер воевать,
Лечит делом и словами,
Да потом и в гроб пинками,
С позволения сказать.

С позволения сказать,
Моськина, по мне, прекрасна.
Знаю, что она опасна:
Мужу хочется бодать;
Но гусары ведь невинны,
Что у мужа роги длинные,
С позволения сказать.

С позволения сказать,
Много в свете рифмодеев,
Все ученых грамотеев,
Чтобы всякий вздор писать;
Но, в пример и страх Европы,
Многим можно б высечь «жопы»,
С позволения сказать.

Любовь одна – веселье жизни хладной,
Любовь одна – мучение сердец:
Она дарит один лишь миг отраднй,
А горестям не виден и конец.
Стократ блажен, кто в юности прелестной
Сей быстрый миг поймает на лету;
Кто к радостям и неге неизвестной
Стыдливую преклонит красоту!
Но кто любви не жертвовал собою?
Вы, чувствами свободные певцы!
Пред милыми смирялись вы душою,
Вы пели страсть – и гордою рукою
Красавицам несли свои венцы.
Слепой Амур, жестокий и пристрастный,
Вам терния и мирты раздавал;
С пермесскими царицами согласный,
Иным из вас на радость указал;
Других навек печалями связал
И в дар послал огонь любви несчастной.
Наследники Тибулла и Парни!
Вы знаете бесценной жизни сладость;
Как утра луч, сияют ваши дни.
Певцы любви! младую пойте радость,
Склонив уста к пылающим устам,
В объятиях любовниц умирайте;

Стихи любви тихонько вздыхайте!..
Завидовать уже не смею вам.
Певцы любви! вы ведали печали,
И ваши дни по терниям текли;
Вы свой конец с волненьем призывали;
Пришел конец, и в жизненной дали
Не зрели вы минутную забаву;
Но, не нашед блаженства ваших дней,
Вы встретили по крайней мере славу,
И мукою бессмертны вы своей!
Не тот удел судьбою мне назначен:
Под сумрачным навесом облаков,
В глуши долин, в печальной тьме лесов,
Один, один брожу уныл и мрачен.
В вечерний час над озером седым
В тоске, слезах, нередко я стенаю;
Но ропот волн стенаниям моим
И шум дубрав в ответ лишь я внимаю.
Прервется ли души холодный сон,
Поэзии зажжется ль упоенье, —
Родится жар, и тихо стынет он:
Бесплодное проходит вдохновенье.
Пускай она прославится другим,
Один люблю, – он любит и любим!..
Люблю, люблю!... но к ней уж не коснется
Страдальца глас; она не улыбнется
Его стихам небрежным и простым.
К чему мне петь? под кленом полевым
Оставил я пустынному зефиру

Уж навсегда покинутую лиру,
И слабый дар как легкий скрылся дым.

МЕСЯЦ

Зачем из облака выходишь,
Уединенная луна,
И на подушки, сквозь окна,
Сиянье тусклое наводишь?
Явленьем пасмурным своим
Ты будишь грустные мечтанья,
Любви напрасные страданья
И строгим разумом моим
Чуть усыпленные желанья.
Летите прочь, воспоминанья!
Засни, несчастная любовь!
Уж не бывать той ночи вновь,
Когда спокойное сиянье
Твоих таинственных лучей
Сквозь темный завес проницало
И бледно, бледно озаряло
Красу любовницы моей.
Почто, минуты, вы летели
Тогда столь быстрой чередой?
И тени легкие редели
Пред неожиданной зарей?
Зачем ты, месяц, укатился

И в небе светлом утонул?
Зачем луч утренний блеснул?
Зачем я с милою простился?

НА БАБОЛОВСКИЙ ДВОРЕЦ

Прекрасная! пускай восторгом насладится
В объятиях твоих российский полубог.
Что с участью твоей сравнится?
Весь мир у ног его – здесь у твоих он ног.

НА гр. А. К. РАЗУМОВСКОГО[121]

Ах! боже мой, какую
Я слышал весть смешную:
Разумник получил ведь ленту голубую.[122]
– Бог с ним! я недруг никому:
Дай бог и царствие небесное ему.

НАДПИСЬ К БЕСЕДКЕ

С благоговейною душой

Приблизься, путник молодой,
Любви к пустынному приюту.
Здесь ею счастлив был я раз —
В восторге сладостном погас,
И время самое для нас
Остановилось на минуту.

НАЕЗДНИКИ

Уж полем всадники спешат,
Дубравы кров покинув зыбкой,
Коней ласкают и смирят
И с гордой шепчутся улыбкой;
Сердца их радостью горят,
Огнем пылают гневны очи;
Лишь ты, воинственный поэт, [123]
Уныл, как сумрак полуночи,
И бледен, как осенний свет.
С главою, мрачно преклоненной,
С укрытой горестью в груди,
Печальной думой увлеченный,
Он едет молча впереди.
«Певец печальный, что с тобою?
Один пред боем ты уныл,
Поник бесстрашную главою,
Бразды и саблю опустил.
Тебя ль мы зрели под мечами

С спокойным, дерзостным челом,
Всегда меж первыми рядами,
Все там, где битвы падал гром?
Ужель, невольник праздной неги,
Отрадней мир твоих полей,
Чем наши бурные набеги
И ночью бранный стук мечей?»
Но медленно певец печальный
Главу и взоры приподнял,
Взглянул угрюмо в сумрак дальный
И вздохом грудь поколебал.
«Глубокий сон в долине бранной;
Одни мы мчимся в тьме ночной.
Предчувствую конец желанный,
Меня зовет последний бой.
Расторгну цепь судьбы жестокой,
Влечу я с братьями в огонь;
Удар падет... – и одинокой
В долину выбежит мой конь...
О вы, хранимые судьбами
Для сладостных любви наград;
Любви бесценными слезами
Благословится ль ваш возврат?
Но для певца никто не дышит,
Его настигнет тишина;
Эльвина смерти весть услышит,
И не вздохнет об нем она...
В минуты сладкого спасенья,
О други, вспомните певца,

Его любовь, его мученья
И славу грозного конца».

НА ПУЧКОВУ

Зачем кричишь ты, что ты дева ,
На каждом девственном стихе?
О, вижу я, певица Ева,
Хлопочешь ты о женихе.

НАСЛАЖДЕНЬЕ

В неволе скучной увядает
Едва развитый жизни цвет,
Украдкой младость отлетает,
И след ее – печали след.
С минут бесчувственных рожденья
До нежных юношества лет
Я все не знаю наслажденья,
И счастья в томном сердце нет.

С порога жизни в отдаленье
Нетерпеливо я смотрел:
«Там, там, – мечтал я, – наслажденье!»
Но я за призраком летел.

Златые крылья развивая,
Волшебной нежной красотой
Любовь явилась молодая
И полетела предо мной.

Я вслед... но цели отдаленной,
Но цели милой не достиг!..
Когда ж весельем окриленный
Настанет счастья быстрый миг?
Когда в сияньи возгорится
Светильник тусклый юных дней
И мрачный путь мой озарится
Улыбкой спутницы моей?

ОКНО

Недавно темною порою,
Когда пустынная луна
Текла туманною стезею,
Я видел – дева у окна
Одна задумчиво сидела,
Дышала в тайном страхе грудь,
Она с волнением глядела
На темный под холмами путь.

«Я здесь!» – шепнули торопливо.
И дева трепетной рукой

Окно открыла боязливо...
Луна покрылась темнотой.
«Счастливец! – молвил я с тоскою, —
Тебя веселье ждет одно.
Когда ж вечернею порою
И мне откроется окно?»

ОСЕННЕЕ УТРО

Поднялся шум; свирелью полевой
Оглашено мое уединенье,
И с милою любви моей мечтой
Последнее исчезло сновиденье.
С небес уже скатилась ночи тень,
Взошла заря, сияет бледный день —
А вокруг меня глухое запустенье...
Уж нет ее... я был у берегов,
Где милая ходила в вечер ясный.
Уже нигде не встретил я прекрасной,
Я не нашел нигде ее следов.
Задумчиво бродя в глуши лесов,
Произносил я имя незабвенной;
Я звал ее – лишь глас уединенный
Пустых долин откликнулся вдали.
К ручью пришел, мечтами привлеченный,
Его струи медлительно текли,
Не трепетал в них образ несравненной.

Уж нет ее... до сладостной весны
Простился я с блаженством и с душою.
Уж осени холодною рукою
Главы берез и лип обнажены,
Она шумит в дубравах опустелых,
Там день и ночь кружится мертвый лист,
Стоит туман на нивах пожелтелых,
И слышится мгновенный ветра свист.
Поля, холмы, знакомые дубравы!
Хранители священной тишины!
Свидетели минувших дней забавы!
Забыты вы... до сладостной весны!

ПОГРЕБ

О, сжальтесь надо мною,
Товарищи друзья!
Красоткой молодою
Вконец измучен я.

Невольню я тоскую,
Горька моя судьба,
Несите ж круговую,
Откройте погреба.

Там, там во льду хранится
Бутылок гордый строй,

И портера таится
Бочонок выписной.

Нам Бахус, заикаясь,
К нему покажет путь, —
Пойдемте все, шатаясь,
Под бочками заснуть!

В них сердца утешенье,
Награда для певцов,
И мук любви забвенье,
И жар моих стихов.

ПОДРАЖАНИЕ

Я видел смерть; она сидела
У тихого порога моего.
Я видел гроб; открылась дверь его:
Туда, туда моя надежда полетела...
Умру – и младости моей
Никто следов пустынных не заметит,
И взора милого не встретит
Последний взор моих очей.

.....

Прости, печальный мир, где темная стезя
Над бездной для меня лежала,
Где жизнь меня не утешала,

Где я любил, где мне любить нельзя!
Небес лазурная завеса,
Любимые холмы, ручья веселый глас,
Ты утро – вдохновенья час,
Вы, тени мирные таинственного леса,
И все – прости в последний раз.

ПОСЛАНИЕ ЛИДЕ[124]

Тебе, наперсница Венеры,
Тебе, которой Купидон
И дети резвые Цитеры
Украсили цветами трон,
Которой нежные примеры,
Улыбка, взоры, нежный тон
Красноречивей, чем Вольтеры,
Нам проповедают закон
И Аристипов, и Глицеры[125], —
Тебе приветливый поклон,
Любви венок и лиры звон.
Презрев Платоновы химеры[126],
Твоей я святостью спасен,
И стал апостол мудрой веры
Анакреонов и Нинон[127], —
Всего... но лишь известной меры.
Я вижу: хмурится Зенон[128],
И вся его седая свита —

И мудрый друг вина Катон[129],
И скучный раб Эпафродита,[130]
Сенека[131], даже Цицерон[132]
Кричат: «Ты лжешь, профан! мученье —
Прямое смертных наслажденье!»
Друзья, согласен: плач и стон
Стократ, конечно, лучше смеха;
Терпеть – великая утеха;
Совет ваш вовсе не смешон:
Но мне он, слышите ль, не нужен,
Затем, что слишком он мудрен;
Дороже мне хороший ужин
Философов трех целых дюжин;
Я вами, право, не прельщен.
Собор угрюмый рассержен.
Но пусть кричат на супостата,
Их спор – лишь времени утрата:
Кто их примером обольщен?
Люблю я доброго Сократа![133]
Он в мире жил, он был умен;
С своею важностью притворной
Любил пиры, театры, жен;
Он, между прочим, был влюблен
И у Аспазии[134] в уборной
(Тому свидетель сам Платон),[135]
Невольник робкий и покорный,
Вздыхал частехонько в хитон
И ей с улыбкою придворной
Шептал: «Все призрак, ложь и сон:

И мудрость, и народ, и слава;
Что ж истинно? одна забава,
Поверь: одна любовь не сон!»
Так ладан жег прекрасной он,
И ею... бедная Ксантипа!
Твой муж, совместник[136] Аристипа,
Бывал до неба вознесен.
Меж тем, на милых грозно лая,
Злой циник[137], негу презирая,
Один, всех радостей лишен,
Дышал, от мира отлучен.
Но, с бочкой странствуя пустою[138]
Вослед за мудростью слепою,
Пустой чудак был ослеплен;
И, воду черпая рукою,
Не мог зачерпнуть счастья он.

ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ

Довольно битвы мчался гром,
Тупился меч окровавленный,
И смерть погибельным крылом
Шумела грозно над вселенной!

Свершилось... взорами царей
Европы твердый мир основан;
Оковы свергнувший злодей

Могущей бранью снова скован.

Узрел он в пламени Москву —
И был низвержен ужас мира,
Покрыло падшего главу
Благословенного порфира.

И мглой повлекся окружен;
Притек, и с буйной вдруг изменой
Уж воздвигал свой шаткий трон...
И пал отторжен от вселенной.

Утихло все. Не мчится гром,
Не блещет меч окровавленный,
И брань погибельным крылом
Не мчится грозно над вселенной.

Хвала, о, юноша герой!
С героем дивным Альбиона
Он верных вел в последний бой
И мстил за лилии Бурбона.

Пред ним мятежных гром гремел,
Текли во след щиты кровавы;
Грозой он в бранной мгле летел
И разливал блистанье славы.

Его текла молодая кровь,
На нем сияет язва чести:

Венчай, венчай его, любовь!
Достойный был он воин мести.

СЛОВО МИЛОЙ

Я Лилу слушал у клавира;
Она приятнее поет,
Чем соловей близ тихих вод
Или полунощная лира.
Упали слезы из очей,
И я сказал певице милой:
«Прелестен голос твой унылый,
Но слово милья моей
Прелестней томных песен Лилы».[139]

СОН

(ОТРЫВОК)

Пускай Поэт с камильницей наемной
Гоняется за счастьем и молвой,
Мне страшен свет, проходит век мой темный

В безвестности, заглохшею тропой.
Пускай певцы гремящими хвалами
Полубогам бессмертие дают,
Мой голос тих, и звучными струнами
Не оглашу безмолвия приют.
Пускай любовь Овидии поют,
Мне не дает покоя Цитерея,
Счастливых дней амуры мне не вьют:
Я сон пою, бесценный дар Морфея,
И научу, как должно в тишине
Покоиться в приятном, крепком сне.
Приди, о лень! приди в мою пустыню.
Тебя зовут прохлада и покой;
В одной тебе я зрю свою богиню;
Готово все для гостьи молодой.
Все тихо здесь – докучный шум укрылся
За мой порог; на светлое окно
Прозрачное спустилось полотно,
И в темный ниш, где сумрак воцарился,
Чуть крадется неверный свет дневной.
Вот мой диван. Приди ж в обитель мира;
Царицей будь, я пленник ныне твой.
Все, все твое: вот краски, кисть и лира —
Учи меня, води моей рукой.
А вы, друзья моей прелестной музыки,
Которыми любви забыты узы,
Которые владычеству земли,
Конечно, сон спокойный предпочли,
О мудрецы! дивитесь вам умея,

Для вас одних я ныне трон Морфея
Поэзии цветами обовью,
Для вас одних блаженство воспою.
Внемлите же с улыбкой снисхожденья
Моим стихам, урокам наслажденья.
В назначенный природой неги час
Хотите ли забыться каждый раз
В ночной тиши, среди общего молчанья,
В объятиях игривого мечтанья?
Спешите же под сельский мирный кров,
Там можно жить и праздно и безопасно,
Там прямо рай; но прочь от городов,
Где крик и шум ленивцев мучит вечно.
Согласен я: в них можно целый день
С прелестницей ловить веселья тень;
В платок зевать, блистая в модном свете;
На бале в ночь вертеться на паркете,
Но можно ли вкушать отраду снов?
Настала тень, – уснуть лишь я готов,
Обманутый призраками ночными,
И вот уже, при свете фонарей,
На бешеной четверке лошадей,
Стуча, гремя колесами златыми,
Катится Спесь под окнами моими.
Я дремлю вновь, вновь улица дрожит —
На скучный бал Рассеянье летит...
О, боже мой! ужели здесь ложатся,
Чтобы всю ночь бессонницей терзаться?
Еще стучат, а там уже светло,

И где мой сон? не лучше ли в село?
Там рошица листочков трепетаньем,
В лугу поток таинственным журчаньем,
Златых полей, долины тишина —
В деревне все к томленью клонит сна.
О сладкий сон, ничем не возмущенный!
Один петух, зарею пробужденный,
Свой резкий крик подымет, может быть;
Опасен он – он может разбудить.
Итак, пускай, в сералях удаленны,
Султаны кур гордятся заключенны
Иль поселян сзывают на поля:
Мы спать хотим, любезные друзья.
Стократ блажен, кто может сном забыться
Вдали столиц, карет и петухов!
Но сладостью веселой ночи снов
Не думайте вы даром насладиться
Средь мирных сел, без всякого труда.
Что ж надобно? – Движенье, господа!
Похвальна лень, но есть всему пределы.
Смотрите: Клит, в подушках поседельный,
Размученный, изнеженный, больной,
Весь век сидит с подагрой и тоской.
Наступит день; несчастный, задыхаясь,
Кряхтя, ползет с постели на диван;
Весь день сидит; когда ж ночной туман
Подернет свет, во мраке расстилаясь,
С дивана Клит к постеле поползет.
И как же ночь несчастный проведет?

В покойном сне, в приятном сновиденье?
Нет! сон ему не радость, а мученье;
Не маками, тяжелою рукой
Ему Морфей закроет томны очи,
И медленной проходят чередой
Для бедного часы угрюмой ночи.
Я не хочу, как общий друг Бершу, [140]
Предписывать вам тяжкие движенья:
Упрямый плуг, охоты наслажденья.
Нет, в рощи я ленивца приглашу:
Друзья мои, как утро здесь прекрасно!
В тиши полей, сквозь тайну сень дубрав
Как юный день сияет гордо, ясно!
Светлеет все; друг друга перегнав,
Журчат ручьи, блестят берега безмолвны;
Еще роса над свежей муравой;
Златых озер недвижно дремлют волны.
Друзья мои! возьмите посох свой,
Идите в лес, бродите по долине,
Крутых холмов устаньте на вершине,
И в долгу ночь глубок ваш будет сон.
Как только тень оденет небосклон,
Пускай войдет отрада жизни нашей,
Веселья бог с широкой, полной чашей,
И царствуй, Вакх, со всем двором своим.
Умеренно пируйте, други, с ним:
Стакана три шипящими волнами
Румяных вин налейте вы полней;
Но толстый Ком с надутыми щеками,

Не приходи стучаться у дверей.
Я рад ему, но только за обедом,
И дружески я в полдень уберу
Его дары; но, право, ввечеру
Гораздо я дружней с его соседом.
Не ужинать – святой тому закон,
Кому всего дороже легкий сон.
Брегитесь вы, о, дети мудрой лени!
Обманчивой успокоенья тени.
Не спите днем: о горе, горе вам,
Когда дремать привыкли по часам!
Что ваш покой? бесчувствие глубоко.
Сон истинный от вас уже далеко.
Не знаете веселой вы мечты;
Ваш целый век – несносное томленье,
И скучен сон, и скучно пробужденье,
И дни текут средь вечной темноты.
Но ежели в глуши, близ водопада,
Что под горой клокочет и кипит,
Прелестный сон, усталости награда,
При шуме волн на дикий брег слетит,
Покроет взор туманной пеленою,
Обнимет вас и тихую рукою
На мягкий мох преклонит, осенит, —
О! сладостно близ шумных вод забвенье.
Пусть долее продлится ваш покой,
Завидно мне счастливица наслажденье.
Случалось ли ненастной вам порой
Дня зимнего, при позднем, тихом свете,

Сидеть одним, без свечки в кабинете:
Все тихо вокруг; березы больше нет;
Час от часу темнеет окон свет;
На потолке какой-то призрак бродит;
Бледнеет уголь, и синеватый дым,
Как легкий пар, в трубу, висясь, уходит;
И вот, жезлом невидимым своим
Морфей на все неверный мрак наводит.
Темнеет взор; «Кандид» из ваших рук,
Закрывшись, упал в колени вдруг;
Вздохнули вы; рука на стол валится,
И голова с плеча на грудь катится,
Вы дремлете! над вами мира кров:
Нежданный сон приятней многих снов!
Душевных мук волшебный исцелитель,
Мой друг Морфей, мой давний утешитель!
Тебе всегда я жертвовать любил,
И ты жреца давно благословил:
Забуду ли то время золотое,
Забуду ли блаженный неги час,
Когда, в углу под вечер притаясь,
Я призывал и ждал тебя в покое...
Я сам не рад болтливости своей,
Но детских лет люблю воспоминанье.
Ах! умолчу ль о мамушке моей,[141]
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня

И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнись, бывало,
Едва дыша, прижмись под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.
Под образом простой ночник из глины
Чуть освещал глубокие морщины,
Драгой антик, прабабушкин чепец
И длинный рот, где зуба два стучало, —
Все в душу страх невольный поселяло.
Я трепетал – и тихо, наконец,
Томленье сна на очи упало.
Тогда толпой с лазурной высоты
На ложе роз крылатые мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворожали.
Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, средь муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум...
Но вы прошли, о ночи безмятежны!
И юности уж возраст наступил...
Подайте мне Альбана[142] кисти нежны,
И я мечту молодой любви вкусил.
И где ж она? Восторгами родилась,
И в тот же миг восторгом истребилась.
Проснулся я; ищу на небе день,
Но все молчит; луна во тьме сокрылась,
И вокруг меня глубокой ночи тень.

Но сон мой тих! беспечный сын Парнаса,
В ночной тиши я с рифмою не бьюсь,
Не вижу ввек ни Феба, ни Пегаса,
Ни старый двор каких-то старых муз.
Я не герой, по лаврам не тоскую;
Спокойствием и негой не торгую,
Не чудится мне ночью грозный бой;
Я не богач – и лаем пес привратный
Не возмущал мечты моей приятной;
Я не злодей, с волнением и тоской
Не зрю во сне кровавых привидений,
Убийственных детей предрассуждений,
И в поздний час ужасный бледный Страх
Не хмурится угрюмо в головах.

СРАВНЕНИЕ

Не хочешь ли узнать, моя драгая,
Какая разница меж Буало и мной?
У Депрео была лишь запятая,
А у меня две точки с запятой.

ТВОЙ И МОЙ

Бог весть за что философы, пииты

На **твой** и **мой** давным-давно сердиты.
Не спорю я с ученою толпой,
Но, милый друг, и верить им не смею.
Что, ежели б ты не была **моею**?
Что, ежели б я не был, Ниса, **твой**?

* * *

Тошней идиллии и холодной, чем ода,
От злости мизантроп, от глупости поэт —
Как страшно над тобой забавилась природа,
Когда готовила на свет.
Боишься ты людей, как черного недуга,
О жалкий образец уродливой мечты!
Утешься, злой глупец! иметь не будешь ты
Век ни любовницы, ни друга.

УНЫНИЕ

Мой милый друг! расстался я с тобою.
Душой уснув, безмолвно я грущу.
Блеснет ли день за синею горою,
Взойдет ли ночь с осеннею луною,
Я все тебя, далекий друг, ищу;
Одну тебя везде воспоминаю,

Одну тебя в неверном вижу сне;
Задумаюсь – невольно призываю,
Заслушаюсь – твой голос слышен мне.

И ты со мной, о, лира, приуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печален звон глухой,
И лишь тоски ты голос не забыла!..
О, верная, грусти, грусти со мной!
Пускай твои небрежные напевы
Изобразят уныние любви,
И, слушая бряцания твои,
Пускай вздохнут задумчивые девы!

УСЫ

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ОДА

Глаза скосив на ус кудрявый,
Гусар с улыбкой величавой
На палец завитки мотал;
Мудрец с обритой бородою,
Качая лысой головою,
Со вздохом усачу сказал:

«За уши ус твой закрученный,
Вином и ромом окропленный,
Гордится юной красотой,
Не знает бритвы; выписною
Он вечно лоснится сурью,
Расправлен гребнем и рукой.

Гордись, гусар! но помни вечно,
Что все на свете скоротечно —
Летят губительны часы,
Румяны щеки пожелтеют,
И черны кудри поседеют,
И старость выбелит усы».

ФАВН И ПАСТУШКА

КАРТИНЫ

I

С пятнадцатой весной,
Как лилия с зарею,
Красавица цветет;

И томное дыханье,
И взоров томный свет,
И груди трепетанье,
И розы нежный цвет —
Все юность изменяет.
Уж Лилу не пленяет
Веселый хоровод:
Одна у сонных вод,
В лесах она таится,
Вздыхает и томится,
И с нею там Эрот.
Когда же ночью темной
Ее в постеле скромной
Застанет тихий сон,
С волшебницей мечтою
И тихою тоскою
Исполнит сердце он —
И Лила в сновиденье
Вкушает наслажденье
И шепчет «О Филон!»

II

Кто там, в пещере темной,
Вечернею порой,
Окован ленью томной,
Покоится с тобой?

Итак, уж ты вкусила
Все радости любви;
Ты чувствуешь, о Лила,
Волнение в крови,
И с трепетом, смятеньем,
С пылающим лицом,
Ты дышишь упоеньем
Амура под крылом.
О жертва страсти нежной,
В безмолвии гори!
Покойтесь безмятежно
До пламенной зари.
Для вас поток игривый
Угрюмой тьмой одет
И месяц молчаливый
Туманный свет лиет;
Здесь розы наклонились
Над вами в темный кров;
И ветры притаились,
Где царствует любовь...

III

Но кто там, близ пещеры,
В густой траве лежит?
На жертвенник Венеры
С досадой он глядит;

Нагнулась меж цветами
Косматая нога;
Над грустными очами
Нависли два рога.
То Фавн, угрюмый житель
Лесов и гор крутых,
Докучливый гонитель
Пастушек молодых.
Любимца Купидона —
Прекрасного Филона
Давно соперник он...
В приюте сладострастья
Он слышит вздохи счастья
И неги томный стон.
В безмолвии несчастный
Страданья чашу пьет
И в ревности напрасной
Горючи слезы льет.
Но вот ночей царица
Скатилась за леса,
И тихая денница
Румянит небеса;
Зефиры прошептали —
И Фавн в дремучий бор
Бежит сокрыть печали
В ущельях диких гор.

IV

Одна поутру Лила
Нетвердою ногой
Средь рощицы густой
Задумчиво ходила.
«О, скоро ль, мрак ночной,
С прекрасною луной
Ты небом овладеешь?
О, скоро ль, темный лес,
В туманах засинеешь
На западе небес?»
Но шорох за кустами
Ей слышится глухой,
И вдруг – сверкнул очами
Пред нею бог лесной!
Как вешний ветерочек,
Летит она в лесочек;
Он гонится за ней.
И трепетная Лила
Все тайны обнажила
Младой красы своей;
И нежна грудь открылась
Лобзаньям ветерка,
И стройная нога
Невольно обнажилась.
Порхая над травой,

Пастушка робко дышит;
И Фавна за собой
Все ближе, ближе слышит.
Уж чувствует она
Огонь его дыханья...
Напрасны все старанья:
Ты фавну суждена!
Но шумная волна
Красавицу сокрыла:
Река – ее могила...
Нет! Лила спасена.

V

Эроты златокрылы
И нежный Купидон
На помощь юной Лилы
Летят со всех сторон;
Все бросили Цитеру,
И мирных сёл Венеру
По трепетным волнам
Несут они в пещеру —
Любви пустынный храм.
Счастливец был уж там.
И вот уже с Филоном
Веселье пьет она,
И страсти легким стоном

Прервалась тишина...
Спокойно дремлет Лила
На розах нег и сна,
И луч свой угасила
За облаком луна.

VI

Поникнув головою,
Несчастный бог лесов
Один с вечерней тьмою
Бродил у берегов.
«Прости, любовь и радость! —
Со вздохом молвил он. —
В печали тратить младость
Я роком осужден!»
Вдруг из лесу румяный,
Шатаясь, перед ним
Сатир явился пьяный
С кувшином круговым;
Он смутными глазами
Пути домой искал
И козьими ногами
Едва переступал;
Шел, шел и натолкнулся
На Фавна моего,
Со смехом отшатнулся,

Склонился на него...
«Ты ль это, брат любезный? —
Вскричал Сатир седой, —
В какой стране безвестной
Я встретился с тобой?»
«Ах! — молвил Фавн уныло, —
Завяли дни мои!
Все, все мне изменило,
Несчастен я в любви».
«Что слышу? От Амура
Ты страждешь и грустишь,
Малютку-бедокура
И ты боготворишь?
Возможно ль? Так забвенье
В кувшине почерпай
И чашу в утешенье
Наполни через край!»
И пена засверкала
И на краях шипит,
И с первого фиала
Амур уже забыт.

VII

Кто ж, дерзостный, владеет
Твоею красотой?
Неверная, кто смеет

Пылающей рукой
Бродить по груди страстной,
Томиться, воздыхать
И с Лилою прекрасной
В восторгах умирать?
Итак, ты изменила?
Красавица, пленяй,
Спеши любить, о Лила!
И снова изменяй.

VIII

Прошли восторги, счастье,
Как с утром легкий сон;
Где тайны сладострастья?
Где нежный Палемон?
О Лила! вянут розы
Минутная любви:
Познай же грусть и слезы,
И ныне терны рви.
В губительном стремленьи
За годом год летит,
И старость в отдаленье
Красавице грозит.
Амур уже с поклоном
Расстался с красотой,
И вслед за Купидоном

Веселья скрылся рой.
В лесу пастушка бродит,
Печальна и одна:
Кого же там находит?
Вдруг Фавна зрит она.
Философ козлоногий
Под липою лежал
И пенистый фиал,
Венком украсив роги,
Лениво осушал.
Хоть фавн и не находка
Для Лилы прежних лет,
Но вздумала красотка
Любви раскинуть сеть:
Подкралась, устремила
На Фавна томный взор
И, слышал я, клонила
К развязке разговор,
Но Фавн с улыбкой злою,
Напеля свой фиал,
Качая головою,
Красавице сказал:
«Нет, Лиля! я в покое —
Других, мой друг, лови;
Есть время для любви,
Для мудрости – другое.
Бывало, я тобой
В безумии пленялся,
Бывало, восхищался

Коварной красотой,
И сердце, тлея страстью,
К тебе меня влекло.
Бывало... но, по счастью,
Что было – то прошло».

ФИАЛ АНАКРЕОНА

Когда на поклоненье
Ходил я в древний Пафос,
Поверьте мне, я видел
В уборной у Венеры
Фиал Анакреона.
Вином он был наполнен.
Кругом висели розы,
Зеленый плющ и мирты,
Сплетенные рукою
Царицы наслаждений.
На краюшке я видел
Печального Амура —
Смотрел он, пригорюнясь,
На пенистую влагу.
«Что смотришь ты, проказник,
На пенистую влагу? —
Спросил я Купидона, —
Скажи, что так утихнул?
Не хочешь ли зачерпнуть,

Да ручкой не достанешь?»
«Нет, – отвечал малютка, —
Играя, в это море
Колчан, и лук, и стрелы
Я уронил, и факел
Погас в волнах багряных,
Вон, вон на дне блистают;
Я плавать не умею,
Ох, жалко мне – послушай,
Достань мне их оттуда!»
«О, нет, – сказал я богу, —
Спасибо, что упали;
Пускай там остаются».

ЭКСПРОМПТ НА ОГАРЕВУ

В молчанье пред тобой сижу.
Напрасно чувствую мученье,
Напрасно на тебя гляжу:
Того уж верно не скажу,
Что говорит воображенье.

ЭЛЕГИЯ

Счастлив, кто в страсти сам себе

Без ужаса признаться смеет;
Кого в неведомой судьбе
Надежда тихая лелеет;
Но мне в унылой жизни нет
Отрады тайных наслаждений;
Увял надежды ранний цвет:
Цвет жизни сохнет от мучений!
Печально младость улетит,
И с ней увянут жизни розы.
Но я, любовью позабыт,
Любви не позабуду слезы!

ЭЛЕГИЯ

Я думал, что любовь погасла навсегда,
Что в сердце злых страстей умолкнул глас мятежный,
Что дружбы, наконец, отрадная звезда
Страдальца довела до пристани надежной.
С беспечной думою покоясь у берегов,
Уж издали смотрел, указывал рукою
На парус бедственных пловцов,
Носимых гибельной грозою.
Я говорил: «Стократ блажен,
Чей век, свободою прекрасный,
Как век весны промчался ясной
И страстью не был омрачен,
Кто не страдал в любви напрасной,

Кому неведом грустный плен.
Блажен! но я блаженней боле.
Я цепь мученья разорвал,
Опять я дружбе... я на воле —
И жизни сумрачное поле
Веселый блеск очаровал!»
О, что я говорил... несчастный!
Минуту я заснул в неверной тишине,
Но мрачная любовь таилася во мне,
Не угасал мой пламень страстный.
Весельем позванный в толпу друзей моих,
Хотел на прежний лад настроить резву лиру,
Хотел еще воспеть прелестниц молодых,
Веселье, Вакха и Дельфиру.
Напрасно!... я молчал; усталая рука
Лежала, томная, на лире непослушной,
Я все еще горел – и в грусти равнодушной
На игры младости взирал издалека.
Любовь, отрава наших дней,
Беги с толпой обманчивых мечтаний.
Не сожигай души моей,
Огонь мучительных желаний.
Летите, призраки... Амур, уж я не твой,
Отдай мне радости, отдай мне мой покой...
Брось одного меня в бесчувственной природе
Иль дай еще летать надежды на крылах,
Позволь еще заснуть и в тягостных цепях
Мечтать о сладостной свободе.

ЭПИГРАММА

(НА КАРАМЗИНА)

«Послушайте: я сказку вам начну
Про Игоря и про его жену,
Про Новгород и Царство Золотое,
А может быть про Грозного царя...»[143]
– И, бабушка, затеяла пустое!
Докончи нам «Илью-богатыря».[144]

1817

БЕЗВЕРИЕ

О, вы, которые с язвительным упреком,
Считая мрачное безверие пороком,
Бежите в ужасе того, кто с первых лет
Безумно погасил отрадный сердцу свет;
Смирите гордости жестокой исступленье.
Имеет право он на ваше снисхожденье.
С душою тронутой внемлите брата стон,
Несчастный не злодей, собою страждет он.
Кто в мире усладит души его мученья?
Увы! он первого лишился утешенья!
Настигнет ли его глухих судеб удар,
Отъемлется ли вдруг минутный счастья дар,
В любви ли, в дружестве обнимет он измену
И их почувствует обманчивую цену:
Лишенный всех опор, отпавший веры сын
Уж видит с ужасом, что в свете он один,
И мощная рука к нему с дарами мира
Не простирается из-за пределов мира...
Напрасно в пышности свободной простоты
Природы перед ним открыты красоты;
Напрасно вокруг себя печальный взор он водит:

Ум ищет божества, а сердце не находит.
Несчастья, страстей и немощей сыны,
Мы все на страшный гроб, родясь, осуждены.
Всечасно бранных уз готово разрушение,
Наш век – неверный день, минутное волнение,
Когда, холодной тьмой объемля грозно нас,
Завесу вечности колеблет смертный час,
Ужасно чувствовать слезы последней муки —
И с миром начинать безвестную разлуку!

Тогда, беседуя с раскованной душой,
О вера, ты стоишь у двери гробовой,
Ты ночь могильную ей тихо освещаешь
И ободренную с надеждой отпускаешь...
Но, други! пережить ужаснее друзей!
Лишь вера в тишине отрадою своей
Живит унывший дух и сердца ожиданье:
«Настанет! – говорит, – назначено свиданье!»
А он, слепой мудрец! при гробе стонет он,
С отрадой бытия несчастный разлучен,
Надежды сладкого не внемлет он привета,
Подходит к гробу он, взывает... нет ответа.
Видали ль вы его в безмолвных тех местах,
Где кровных и друзей священный тлеет прах?
Видали ль вы его над хладною могилой,
Где нежной Делии таится пепел милый?
К почившим позванный вечерней тишиной,
К кресту приникнул он бесчувственной главой,
В слезах отчаянья, в слезах ожесточенья,

В молчанье ужаса, в безумстве исступленья,
Рыдает – и меж тем под сенью темных ив,
У гроба матери колена преклонив,
Там дева юная в печали безмятежной
Возводит к небу взор болезненный и нежный,
Одна, туманною луной озарена,
Как ангел горести является она;
Вздыхает медленно, могилу обнимает —
Все тихо вокруг нее, а кажется, внимает.
Несчастный на нее в безмолвии глядит,
Качает головой, трепещет и бежит;
Но тайно вслед за ним немая скука бродит.
Во храм ли высшего с толпой народа входит,
Там умножает он тоску души своей.
При пышном торжестве старинных алтарей,
При гласе пастыря, при сладком хоров пенье,
Тревожится его безверия мученье;
Он бога тайного нигде, нигде не зрит,
С померкшею душой святыне предстоит,
Холодный ко всему и чуждый к умиленью,
С досадой тихому внимает он моленью.
«Счастливыцы! – мыслит он, – почто не можно мне
Страстей бунтующих в смиренной тишине,
Забыв о разуме и немощном и строгом,
С одной лишь верою повергнуться пред богом!»
Напрасный сердца крик! нет, нет! не суждено
Ему блаженство знать! безверие одно,
По жизненной стезе во мраке вождь унылый,
Несчастливого влечет до хладных врат могилы,

И что зовет его в пустыне гробовой —
Кто ведает? но там лишь видит он покой.

В АЛЬБОМ

Когда погаснут дни мечтанья
И позовет нас шумный свет,
Кто вспомнит братские свиданья
И дружество минувших лет?
Позволь в листах воспоминанья
Оставить им минутный след.

В АЛЬБОМ ИЛЛИЧЕВСКОМУ [145]

Мой друг! не славный я поэт,
Хоть христианин православный.
Душа бессмертна, слова нет,
Моим стихам удел неравный —
И песни музыки своенравной,
Забавы резвых, юных лет,
Погибнут смертию забавной,
И нас не тронет здешний свет!

Ах! ведает мой добрый гений,
Что предпочел бы я скорей

Бессмертию души моей
Бессмертие своих творений.

Не властны мы в судьбе своей,
По крайней мере, нет сомненья,
Сей плод небрежный вдохновенья,
Без подписи, в твоих руках
На скромных дружба листках
Уйдет от общего забвенья...
Но пусть напрасен будет труд,
Твоею дружбой оживленный —
Мои стихи пускай умрут —
Глас сердца, чувства неизменны
Наверно их переживут!

В АЛЬБОМ ПУЩИНУ[146]

Взглянув когда-нибудь на верный сей листок,
Исписанный когда-то мною,
На время улети в лицейский уголок,
Где подружились мы душою.
Вспомни быстрые минуты первых дней,
Неволю мирную, шесть лет соединенья,
Живые впечатленья
Младой души твоей,
Печали, радости, размолвки, примиренья,
И дружбу первую, и первую любовь... [147]

Что было – что не будет вновь.

* * *

И останешься с вопросом
На берегу замерзлых вод:
«Мамзель Шредер с красным носом
Милых Вельо[148] не ведет?»»

К МОЛОДОЙ ВДОВЕ

Лида, друг мой неизменный,
Почему сквозь тонкий сон
Наслаждением утомленный,
Слышу я твой тихий стон?
Почему, когда сгораю
В неге пламенной любви,
Иногда я примечаю
Слезы тайные твои?
Ты рассеянно внимаешь
Речи пламенной моей,
Хладно руку пожимаешь,
Хладен взор твоих очей...
О бесценная подруга!
Все ли слезы проливать,

Все ли мертвого супруга
Из могилы вызывать?
Верь мне: узников могилы
Беспробуден хладный сон;
Им не мил уж голос милый,
Не прискорбен скорби стон;
Не для них – надгробны розы,
Сладость утра, шум пиров,
Дружбы искренние слезы
И любовниц робкий зов...
Рано друг твой незабвенный
Вздохом смерти воздохнул
И, блаженством упоенный,
На груди твоей уснул.
Спит увенчанный счастливец;
Верь любви – невинны мы.
Нет, завистливый ревнивец
Не придет из вечной тьмы;
Тихой ночью гром не грянет,
И разгневанная тень
Близ любовников не станет,
Вызывая спящий день.

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ

Встречаюсь я с осмнадцатой весной.
В последний раз, быть может, я с тобой,

Задумчиво внимая шум дубравный,
Над озером иду рука с рукой.
Где вы, лета беспечности недавней?
С надеждами во цвете юных лет,
Мой милый друг, мы входим в новый свет;
Но там удел назначен нам не равный,
И розно наш оставим в жизни след.
Тебе рукой Фортуны своенравной
Указан путь и счастливый и славный, —
Моя стезя печальна и темна;
И нежная краса тебе дана,
И нравится блестящий дар природы,
И быстрый ум, и верный, милый нрав;
Ты сотворен для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забав.
Они пришли, твои златые годы,
Огня любви прелестная пора.
Спешి любить и, счастливый вчера,
Сегодня вновь будь счастлив осторожно;
Амур велит – и завтра, если можно,
Вновь миртами красавицу венчай...
О, скольких слез, предвижу, ты виновник!
Измены друг и ветреный любовник,
Будь верен всем – пленяйся и пленяй.
А мой удел... но пасмурным туманом
Зачем же мне грядущее скрывать?
Увы! нельзя мне вечным жить обманом
И счастья тень, забывшись, обнимать.
Вся жизнь моя – печальный мрак ненастья.

Две-три весны, младенцем, может быть,
Я счастлив был, не понимая счастья;
Они прошли, но можно ль их забыть?
Они прошли, и скорбными глазами
Смотря на путь, оставленный навек, —
На краткий путь, усыпанный цветами,
Которым я так весело протек,
Я слезы лью, я трачу век напрасно,
Мучительным желанием горя.

Твоя заря – заря весны прекрасной;
Моя ж, мой друг, – осенняя заря.
Я знал любовь, но не знавал надежды,
Страдал один, в безмолвии любил.
Безумный сон покинул томны вежды,
Но мрачные я грезы не забыл,
Душа полна невольной, грустной думой;
Мне кажется: на жизненном пиру
Один с тоской явлюсь я, гость угрюмый.
Явлюсь на час – и одинок умру.
И не придет друг сердца незабвенный
В последний миг мой томный взор сомкнуть,
И не придет на холм уединенный
В последний раз с любовью вздохнуть!
Ужель моя пройдет пустынно младость?
Иль мне чужда счастливая любовь?
Ужель умру, не ведая, чт о радость?
Зачем же жизнь дана мне от богов?
Чего мне ждать? В рядах забытый воин,

Среди толпы затерянный певец,
Каких наград я в будущем достоин
И счастья какой возьму венец?
Но что?... Стыжусь!... Нет, ропот – униженье.
Нет, праведно богов определенье!
Ужель лишь мне не ведать ясных дней?
Нет! и в слезах сокрыто наслажденье,
И в жизни сей мне будет утешенье:
Мой скромный дар и счастье друзей.

К ПИСЬМУ

В нем радости мои; когда померкну я,
Пушкой оно груди бесчувственной коснется:
Быть может, милые друзья,
Быть может, сердце вновь забьется.

К ПОРТРЕТУ КАВЕРИНА

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель,
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.

НАДПИСЬ НА СТЕНЕ БОЛЬНИЦЫ

Вот здесь лежит больной студент;
Его судьба неумолима.
Несите прочь медикамент:
Болезнь любви неизлечима!

ОНА

«Печален ты; признайся, что с тобой».
– Люблю, мой друг! – «Но кто ж тебя пленила?»
– Она. – «Да кто ж? Глицера ль, Хлоя, Лила?»
– О, нет! – «Кому ж ты жертвуешь душой?»
– Ах! **ей!** – «Ты скромн, друг сердечный!
Но почему ж ты столько огорчен?
И кто виной? Супруг, отец, конечно...»
– Не то, мой друг! – «Но что ж?» – Я **ей** не **он**.

* * *

От всенощной вечор идя домой,
Антипьевна с Марфушкою бранилась;

Антипьевна отменно горячилась.
«Постой, – кричит, – управлюсь я с тобой;
Ты думаешь, что я уж позабыла
Ту ночь, когда, забравшись в уголок,
Ты с крестником Ванюшкой шалила?
Постой, о всем узнает муженек!»
– Тебе ль грозить! – Марфушка отвечает:
Ванюша – что? Ведь он еще дитя;
А сват Трофим, который у тебя
И день, и ночь? Весь город это знает.
Молчи ж, кума: и ты, как я, грешна,
А всякого словами разобидишь;
В чужой «пизде» соломинку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна.

ПИСЬМО К ЛИДЕ

Лишь благосклонный мрак раскинет
Над нами тихий свой покров,
Лишь только время передвинет
Стрелу медлительных часов,
В счастливой тишине природы
Когда не спит одна любовь, —
Тогда моей темницы вновь
Покину я глухие своды,
И я в обители твоей...
По скорой поступи моей,

По сладострастному молчанию,
По смелым, трепетным рукам,
По воспаленному дыханью
И жарким, ласковым устам
Узнай любовника – настали
Восторги, радости мои!
О Лида, если б умирали
С восторгов пламенной любви!

* * *

**Пожарский, Минин, Гермоген,
или Спасенная Россия.**

Слог дурен, темен, напыщен —
И тяжки словеса пустые.

ПОРТРЕТ

Вот карапузик наш, монах,
Поэт, писец и воин[149];
Всегда, за все, во всех местах
Крапивы он достоин:
С Мартыном[150] поп он записной,
С Фроловым[151] математик;
Вступает Энгельгардт-герой[152] —

И вмиг он дипломатик.

ПРОЩАНИЕ

Промчались годы заточенья;
Недолго, мирные друзья,
Нам видеть кров уединенья
И царскосельские поля.
Разлука ждет нас у порогу,
Зовет нас света дальний шум,
И всякий смотрит на дорогу
С волненьем гордых, юных дум.
Иной, под кивер спрятав ум,
Уже в воинственном наряде
Гусарской саблею махнул —
В крещенской утренней прохладе
Красиво мерзнет на параде
И греться ходит в караул;
Иной, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным шутком зрит себя;
Лишь я, во всем судьбе послушный,
Беспечной лени верный сын,
К честям ничтожным равнодушный,
Я тихо задремал один.
Равны мне писари, уланы,

Равны наказ и кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в ассессора;
Друзья! немного снисхожденья —
Оставьте красный мне колпак,[153]
Пока его за прегрешенья
Не променял я на шишак,
Пока ленивому возможно,
Не опасаясь грозных бед,
Еще рукой неосторожной
В июле распахнуть жилет.

СНОВИДЕНИЕ

Недавно, оболъщен прелестным сновиденьем,
В венце сияющем, царем я зрел себя;
Мечталось, я любил тебя —
И сердце билось наслажденьем.
Я страсть у ног твоих в восторгах изъяснял.
Мечты! ах! отчего вы счастья не продлили?
Но боги не всего теперь меня лишили:
Я только – царство потерял.

СТАНСЫ

(ИЗ ВОЛЬТЕРА)

Ты мне велишь пылать душою:
Отдай же мне минувши дни,
И мой рассвет соедини
С моей вечернею зарею!

Мой век невидимо проходит,
Из круга смехов и харит
Уж время скрыться мне велит
И за руку меня выводит.

Пред ним смириться должно нам.
Кто применяться не умеет
Своим пременчивым годам,
Тот горесть их одну имеет.

Счастливым резвым, молодым
Оставим страсти заблужденья;
Живем мы в мире два мгновенья —
Одно рассудку отдадим.

Ужель навек вы убежали,
Любовь, мечтанья первых дней —
Вы, услаждавшие печали
Минутной младости моей?

Нам должно дважды умирать:
Проститься с сладостным мечтаньем —
Вот смерть ужасная страданьем!
Что значит после не дышать?

На сумрачном моем закате,
Среди вечерней темноты,
Так сожалел я об утрате
Обманов сладостной мечты.

Тогда на голос мой унылый
Мне дружба руку подала,
Она любви подобна милой
В одной лишь нежности была.

Я ей принес увядши розы
Веселых юношества дней
И вслед пошел, но лил я слезы,
Что мог идти вослед лишь ей!

ЭЛЕГИЯ

Опять я ваш, о юные друзья!
Печальные сокрылись дни разлуки:
И брату вновь простерлись ваши руки,
Ваш резвый круг увидел снова я.
Все те же вы, но время уж не то же:
Уже не вы душе всего дороже,
Уж я не тот... невидимой стезей
Ушла пора веселости беспечной,
Навек ушла – и жизни скоротечной
Луч утренний бледнеет надо мной.
Отверженный судьбой несправедливой,
И ласки муз, и радость, и покой —
Я все забыл; печали молчаливой
Рука лежит над юною главой...
Перед собой одну печаль я вижу!
Мне скучен мир, мне страшен дневный свет,
Иду в леса, в которых жизни нет,
Где мертвый мрак, – я радость ненавижу,
Во мне застыл ее минутный след.
Чтоб отогнать угрюмые страданья,
Напрасно вы несете лиру мне:
Минувших дней погаснули мечтанья,
И умер глас в бесчувственной струне.
Опали вы, листы вчерашней розы!
Не доцвели до завтрашних лучей.
Умчались вы, дни радости моей!
Умчались вы – невольно льются слезы,
И вяну я на темном утре дней.
О дружество! предай меня забвенью;

В безмолвии покорствую судьбам,
Оставь меня сердечному мученью,
Оставь меня пустыням и слезам.

ЭПИГРАММА НА СМЕРТЬ СТИХОТВОРЦА

Покойник Клит в раю не будет:
Творил он тяжкие грехи.
Пусть бог дела его забудет,
Как свет забыл его стихи!

*** * ***

Я сам в себе уверен,
Я умник из глупцов,
Я маленький Каверин,[154]
Лицейской Молоствов.[154]

COUPLETS[155]

Quand un poete en son extase

Vous lit son ode ou son bouquet,
Quand un conteur traone sa phrase,
Quand on ecoute un perroquet,
Ne trouvant pas le mot pour rire,
On dort, on baille en son mouchoir,
On attend le moment de dire:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Mais tete-a-tete avec sa belle,
Ou bien avec des gens d'esprit,
Le vrai bonheur se renouvelle,
On est content, l'on chante, on rit.
Prolongez vos paisibles veilles,
Et chantez vers la fin du soir
A vos amis, a vos bouteilles:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Amis, la vie est un passage
Et tout s'ecoule avec le temps,
L'amour aussi n'est qu'un volage,
Un oiseau de notre printemps;
Trop tot il fuit, riant sous cape —
C'est pour toujours, adieu l'Espoir!
On ne dit pas des qu'il s'echappe:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Le temps s'enfuit triste et barbare
Et tot ou tard on va la-haut .
Souvent – le cas n'est pas si rare —

Hasard nous sauve du tombeau.
Des maux s'éloignent les cohortes
Et le squelette horrible et noir
S'en va frappant a d'autres portes:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Mais quoi? je sens que je me lasse
En lassant mes chers auditeurs,
Allons, je descends du Parnasse —
Il n'est pas fait pour les chanteurs,
Pour des couplets mon feu s'allume,
Sur un refrain j'ai du pouvoir,
C'est bien assez – adieu, ma plume!
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

1817

(ПОСЛЕ ЛИЦЕЯ)

* * *

Венец желаниям! Итак, я вижу вас,
О други смелых муз, о дивный Арзамас!

Где славил наш Тиртей[156]кисель и Александра,[157]
Где смерть Захарову пророчила Кассандра...[158]

в беспечном колпаке,
С гремушкой, лаврами и с розгами в руке.

КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Зачем, забывши славу,
Пускаешься в Варшаву?
Ужель ты изменил
Любви и дружбе нежной,

И резвости небрежной?
Но ты все так же мил...
Все мил – и неизменно
В душе твоей живет
Все то, что в цвете лет
Столь было нам бесценно...

* * *

Не угрожай ленивцу молодому.
Безвременной кончины я не жду.
В венке любви к приюту гробовому
Не думав ни о чем, без робких слез иду.

Я мало жил, я наслаждался мало...
Но иногда цветы веселья рвал —
Я жизни видел лишь начало.

* * *

Писать я не умею,
(Я много уписал).
Я дружбой пламенею,
Я дружбе верен стал.
Мне дружба заменяет

Умершую любовь!

Пусть жизнь нам изменяет;

Что было – будет вновь.

*O Zauberei der ersten Liebe!..
Wielan d[159]*

Дубравы, где в тиши свободы
Встречал я счастьем каждый день,
Ступаю вновь под ваши своды,
Под вашу дружескую тень.
И для меня воскресла радость,
И душу взволновали вновь
Моя потерянная младость,
Тоски мучительная сладость
И сердца первая любовь.

Любовник муз уединенный,
В сени пленительных дубрав,
Я был свидетель умиленный
Ее младенческих забав.
Она цвела передо мною,
И я чудесной красоты
Уже отгадывал мечтою

Еще неясные черты,
И мысль об ней одушевила
Моей цевницы первый звук
И тайне сердце научила.

* * *

И я слышал, что божий свет
Единой дружбою прекрасен,
Что без нее отрады нет,
Что жизни б путь нам был ужасен,
Когда б не тихой дружбы свет.
Но слушай – чувство есть другое:
Оно и нежит и томит,
В трудах, заботах и в покое
Всегда не дремлет и горит;
Оно мучительно, жестоко,
Оно всю душу в нас мертвит,
Коль язвы тяжкой и глубокой
Елей надежды не живит...
Вот страсть, которой я сгораю!..
Я вяну, гибну в цвете лет,
Но исцелиться не желаю...

К ***

Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный,
Без томной робости твой ловит светлый взор,
Движенья милые, игривый разговор
И след улыбки незабвенной.

* * *

Как сладостно!... но, боги, как опасно
Тебе внимать, твой видеть милый взор!..
Забуду ли улыбку, взор прекрасный
И огненный, волшебный разговор!
Волшебница, зачем тебя я видел —
Узнав тебя, блаженство я познал —
И счастье мое возненавидел.

КОЛОСОВОЙ

О ты, надежда нашей сцены!
Уж всюду торжества готовятся твои,
На пышных играх Мельпомены,

У тихих алтарей любви.
Когда явилась ты пред нами
в первый раз

* * *

Могущий бог садов – паду перед тобой,
Прияп, ты, коему все жертвует в природе,
Твой лик уродливый поставил я с мольбой
В моем смиренном огороде,

Не с тем, чтоб удалял ты своенравных коз
И птичек от плодов и нежных и незрелых,
Тебя украсил я венком из диких роз
При пляске поселян веселых.

1819

БАЛЛАДА

Что ты, девица, грустна,
Молча присмирела,
Хоровод забыв, одна
В уголку присела?
«Именинницу, друзья,
Нечем позабавить.
Думала в балладе я
Счастье наше славить.
Но Жуковский наш заснул,
Гнедич заговелся,
Пушкин бесом ускользнул,
А Крылов объелся».

Вот в гостиной стол накрыт —
Поскорее сядем,
В рюмках пена закипит,
И балладу сладим;
Вот и слажена она —
Нужны ли поэты? —
Рюмки высушив до дна,
Скажем: многи леты

Той, которую друзьям
Век любить не поздно!
Многи лета также нам,
Только с ней не розно.

* * *

Все призрак, суета,
Все дрянь и гадость;
Стакан и красота —
Вот жизни радость

Любовь и вино
Нам нужны равно;
Без них человек
Зевал бы весь век.

К ним лень еще прибавлю.
Лень с ими заодно;
Любовь я с нею славлю,
Она мне льет вино.

ДЕНИСУ ДАВЫДОВУ

Красноречивый забияка,

Повеса, пламенный поэт.

* * *

За старые грехи наказанный судьбой,
Я страдаю восемь дней, с лекарствами в желудке,
С Меркурием в крови, с раскаяньем в рассудке —
Я страдаю – Эскулап ручается собой.

* * *

Лаиса[160], я люблю твой смелый, вольный взор,
Неутолимый жар, открытые желанья,
И непрерывные лобзанья,
И страсти полный разговор.
Люблю горящих уст я вызовы немые,
Восторги быстрые, живые.

МАНСУРОВУ

Мансуров[161], закадышный друг,
Надень венок терновый!

Вздыхни – и рюмку выпей вдруг
За здоровье Крыловой[162].

Поверь, она верна тебе,
Как девственница Ласси,[163]
Она покорствуется судьбе
И госпоже Казасси.[164]

Но скоро счастливой рукой
Набойку школы скинет,
На бархат ляжет пред тобой
«И ляжечки раздвинет.»

* * *

Милый мой, сегодня
Бешеных повес
Ожидает сводня,
Вакх и Геркулес.
Бахус будет дома,
Приготовил он
Три бутылки рома
С бочкою

* * *

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

НА АРАКЧЕЕВА

В столице он – капрал, в Чугуеве – Нерон:
Кинжала Зандова везде достоин он.

* * *

Напрасно, милый друг, я мыслил утаить
Обманутой души холодное волнение.
Ты поняла меня – проходит упоенье,
Перестаю тебя любить...
Исчезли навсегда часы очарованья,
Пора прекрасная прошла,
Погасли юные желанья,
Надежда в сердце умерла.

НА СТУРДЗУ

Вкруг я Стурдзы хожу,
Вкруг библического,[165]
Я на Стурдзу гляжу
Монархического.

* * *

Нет, нет, напрасны ваши пени,
Я вас люблю, все тот же я.
Дни наши, милые друзья,
Бегут как утренние тени,
Как воды быстрого ручья.
Давно ли тайными судьбами
Нам жизни чаша подана!
Еще для нас она полна,
К ее краям прильнув устами,
Мы пьем восторги и любовь,
Для нас надежды, наслажденья,

Как новы заблужденья!
Мы наслаждаемся, цветом,
Но память ищет оживляться,

Но сердце тихим сном
В минувшем любит забываться.

* * *

Оставь, о Лезбия, [166] лампаду
Близ ложа тихого любви.

* * *

Позволь душе моей открыться пред тобою
И в дружбе сладостной отраду почерпнуть.
Скучая жизнью, томимый суетою,
Я жажду близ тебя, друг нежный, отдохнуть...
Ты помнишь, милая, – зарею наших лет,
Младенцы, мы любить умели...
Как быстро, быстро улетели

В кругу чужих, в немилой стороне,
Я мало жил и наслаждался мало!
И дней моих печальное начало
Наскучило, давно постыло мне!
К чему мне жизнь, я не рожден для счастья,
Для радостей, для дружбы, для забав.
Избежав,

Я хладно пил из чаши сладострастья.

ПОСЛАНИЕ К А. И. ТУРГЕНЕВУ

В себе все блага заключая,
Ты, наконец, к ключам от рая[167]
Привяжешь камергерский ключ.[168]

* * *

Там у леска, за ближнюю долиной,
Где весело течение светлых струй,
Младой Эдвин прощался там с Алиной;
Я слышал их последний поцелуй.

Взошла луна – Алина там сидела,
И тягостно ее дышала грудь.
Взошла заря – Алина все глядела
Сквозь белый пар на опустелый путь.

Там у ручья, под ивою прощальной,
Соседних сёл пастух ее видал,
Когда к ручью волынкою печальной
В полдневный жар он стадо созывал.

Прошли года – другой уж в половине;
И вижу я – вдали Эдвин идет.
Он шел, грустя, к дубраве по долине,
Где весело течение светлых вод.

Глядит Эдвин – под ивою, где с милой
Прощался он, стоит святой чернец.
Поставлен крест над новою могилой,
И на кресте завялых роз венец.

И в нем душа стеснилась вдруг от страха.
Кто здесь сокрыт? – читает надпись он. —
Главой поник... упал к ногам монаха,
И слышал я его последний стон...

* * *

Ты мне велишь открыться пред тобою —
Незнаемый дерзал я обожать,
Но страсть одна повелевала мною

ЮРЬЕВУ

Здорово, Юрьев[169] именинник!
Здорово, Юрьев лейб-улан!

Сегодня для тебя пустынный
Осушит пенный стакан.
Здорово, Юрьев именинник!
Здорово, Юрьев лейб-улан!

Здорово, рыцари лихие
Любви, свободы и вина!
Для нас, союзники молодые,
Надежды лампа зажжена.
Здорово, рыцари лихие
Любви, свободы и вина!

Здорово, молодость и счастье,
Застольный кубок и бордель,
Где с громким смехом сладострастье
Ведет нас пьяных на постель.
Здорово, молодость и счастье,
Застольный кубок и бордель!

ЭЛЕГИЯ

Воспоминаям упоенный,
С благоговеньем и тоской
Объемлю грозный мрамор твой,
Кагула памятник[170] надменный.
Не смелый подвиг россиян,
Не слава, дар Екатерине,

Не задунайский великан[171]

Меня воспаменяют ныне...

.....
.....

* * *

«Tien et mien, – dit Lafontaine, —

Du monde a rompu le lien».

Quant a moi, je n'en crois rien.

Que serait ce, ma Climene,

Si tu n'etais plus la mienne ,

Si je n'etais plus le tien ?[172]

27 МАЯ 1819

Веселый вечер в жизни нашей

Запомним, юные друзья;

Шампанского в стеклянной чаше

Шипела хладная струя.

Мы пили – и Венера с нами

Сидела, преля, за столом.

Когда ж вновь сядем вчетвером

С «блядьми», вином и чубуками?

1820

НИМФОДОРЕ СЕМЕНОВОЙ

Желал бы быть твоим, Семенова, покровом,
Или собачкою постельною твоей,
Или поручмком Барковым, – [173]
Ах, он поручик! ах, злодей!

ПРО СЕБЯ

Великим быть желаю,
Люблю России честь,
Я много обещаю —
Исполню ли? Бог весть!

* * *

Я видел Азии бесплодные пределы,
Кавказа дальний край, долины обгорелы,
Жилище дикое черкесских табунов,

Подкумка[174] знойный брег, пустынные вершины,[175]
Обвитые венцом летучим облаков,
И закубанские равнины!
Ужасный край чудес!.. там жаркие ручьи
Кипят в утесах раскаленных,
Благословенные струи!
Надежда верная болезнью изнуренных.
Мой взор встречал близ дивных берегов
Увядших юношей, отступников пиров,
На муки тайные Кипридой осужденных,
И юных ратников на ранних костылях,
И хилых стариков в печальных седилах.

* * *

В беспечных радостях, в живом очарованье,
О дни весны моей, вы скоро утекли.
Теките медленней в моем воспоминанье

* * *

Вдали тех пропастей глубоких,
Где в муках вечных и жестоких
Где слез во мраке льются реки,
Откуда изгнаны навеки
Надежда, мир, любовь и сон,
Где море адское клокочет,
Где, грешника внимая стон,
Ужасный сатана хохочет

* * *

Все так же ль осеняют своды
Сей храм парнасских трех цариц?
Все те же ль клики юных жриц?
Все те же ль вьются хороводы?..
Ужель умолк волшебный глас
Семеновой, сей чудной музыки?
Ужель, навек оставя нас,
Она расторгла с Фебом узы,
И славы русской луч угас?
Не верю! вновь она восстанет!
Ей вновь готова дань сердец,
Пред нами долго не увянет
Ее торжественный венец,
И для нее любовник славы,
Наперсник важных аонид,
Младой Катенин[176] воскресит
Эхила гений величавый
И ей порфиру возвратит.

ВЯЗЕМСКОМУ

Язвительный поэт, остряк замысловатый,
И блеском колких слов, и шутками богатый,
Счастливый Вяземский, завидую тебе.
Ты право получил благодаря судьбе
Смеяться весело над злобою ревнивой,
Невежество разить анафемой игривой.

ДЕНИСУ ДАВЫДОВУ

Певец-гусар, ты пел биваки,
Раздолье ухарских пиров
И грозную потеху драки,
И завитки своих усов.
С веселых струн во дни покоя
Походную сдувая пыль,
Ты славил, лиру перестроя,
Любовь и мирную бутылъ.
Я слушаю тебя и сердцем молодею,
Мне сладок жар твоих речей,
Печальный, снова пламенею
Воспоминаньем прежних дней.
Я все люблю язык страстей,
Его пленительные звуки
Приятны мне, как глас друзей
Во дни печальные разлуки.

* * *

Если с нежной красотой
Вы чувствительны душою,
Если горести чужой

Вам ужасно быть виною,
Если тяжело помнить вам
Жертву тайного страданья —
Не оставлю сим листам
Моего воспоминанья.

ИЗ БАЙРОНА

Нет ветра – синяя волна
На прах Афин катится;
Высокая могила зрится.

К МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦЕ

Подруга думы праздной,
Чернильница моя;
Мой век разнообразный
Тобой украсил я.
Как часто друг веселья
С тобою забывал
Условный час похмелья
И праздничный бокал;
Под сенью хаты скромной,
В часы печали томной,
Была ты предо мной

С лампадой и мечтой.
В минуты вдохновенья
К тебе я прибегал
И музу призывал
На пир воображенья.
Прозрачный, легкий дым
Носился над тобою,
И с трепетом живым
В нем быстрой чередою

....

Сокровища мои
На дне твоём таятся.
Тебя я посвятил
Занятиям досуга
И с ленью примирил:
Она твоя подруга.

МОЛДАВСКАЯ ПЕСНЯ

Нас было два брата – мы вместе росли —
И жалкую младость в нужде провели...

Но алчная страсть овладела душой,
И вместе мы вышли на первый разбой.

Курган серебрился при ясной луне,
Купец оробелый скакал на коне,

Его мы настигли,
И первую кровью умыли кинжал.

Мы к убийству привыкли потом
И стали селеньям ужасны кругом.

* * *

Наперсница моих сердечных дум,
О ты, чей глас приятный и небрежный
Смирял порой страстей порыв мятежный
И веселил порой унылый ум,
О верная, задумчивая лира

* * *

Недавно бедный музульман
В Юрзуфе жил с детьми, с женою;
Душевно почитал священный Алькоран
И счастлив был своей судьбою;
Мехмет (так звался он) прилежно целый день
Ходил за ульями, за стадом
И за домашним виноградом,
Не зная, что такое лень;

Жену свою любил – Фатима это знала,
И каждый год ему детей она рожала —
По-нашему, друзья, хоть это и смешно,
Но у татар уж так заведено. —
Фатима раз (она в то время
Несла трехмесячное бремя, —
А каждый ведает, что в эти времена
И даже самая степенная жена
Имеет прихоти то эти, то другие,
И боже упаси, какие!) —
Фатима говорит умильно муженьку:
«Мой друг, мне хочется ужасно каймаку.
Теряю память я, рассудок,
Во мне так и горит желудок;
Я не спала всю ночь – и посмотри, душа,
Сегодня, верно, я совсем нехороша.
Всего мне должно опасаться:
Не смею даже почесаться,
Чтоб крошку не родить с сметаной на носу, —
Такой я муки не снесу.
Любезный, миленькой, красавец, мой дружок,
Достань мне каймаку хоть крохотный кусочек».
Мехмет развежился, собрался, завязал
В кушак тарелку жестяную;
Детей благословил, жену поцеловал
И мигом в ближнюю долину побежал,
Чтобы порадовать больную.
Не шел он, а летел – зато в обратный путь
Пустился по горам, едва, едва шагая;

И скоро стал искать, совсем изнемогая,
Местечка, где бы отдохнуть.
По счастью, на конце долины
Увидел он ручей,
Добрел до берегов и лег в тени ветвей.
Журчанье вод, дерев вершины,
Душистая трава, прохладный бережок,
И тень, и легкий ветерок —
Все нежило, все говорило:
«Люби иль почивай!» – Люби! таких затей
Мехмету в ум не приходило,
Хоть он и мог. – Но спать! вот это мило,
Благоразумней и верней.
Зато Мехмет, как царь, уснул в долине;
Положим, что царям приятно спать дано
Под балдахином на перине,
Хоть это, впрочем, мудрено.

* * *

О вы, которые любили
Парнаса тайные цветы
И своевольные мечты
Вниманьем слабым наградили,
Спасите труд небрежный мой
Под сенью покровы —
От рук невежества слепого,

От взоров зависти косой.
Картины, думы и рассказы
Для вас я вновь перемешал,
Смешное с важным сочетал
И бешеной любви проказы
В архивах ада отыскал...

* * *

Примите новую тетрадь,
Вы, юноши, и вы, девицы, —
Не веселее ль вам читать
Игривой музы небылицы,
Чем пиндарических похвал
Высокопарные страницы —
Иль усыпительный журнал,
Который был когда-то в моде,
А нынче так тяжел и груб,
Который вопреки природе
Быть хочет зол, и только глуп.

* * *

Раззевавшись от обедни,
К Катакази[177] еду в дом.

Что за греческие бредни,[178]
Что за греческой содом!
Подогнув под <жопу> ноги,
За вареньем, средь прохлад,
Как египетские боги,
Дамы преют и молчат.

«Признаюсь пред всей Европой, —
Хромоногая кричит, —
Маврогений[179] толсто<жопый>
Душу, сердце мне томит.
Муж! вотще карманы грузно
Ты набил в семье моей.
И вотще ты пятишь гузно,
Маврогений мне милей».

Здравствуй, круглая соседка!
Ты бранчива, ты скупа,
Ты неловкая кокетка,
Ты плешива, ты глупа.
Говорить с тобой нет мочи —
Все прощаю! бог с тобой;
Ты с утра до темной ночи
Рада в банк играть со мной.

Вот еврейка[180] с Тадарашкой.[181]
Пламя пышет в подлеце,
Лапу держит под рубашкой,
Рыло на ее лице.

Весь от ужаса хладею:
Ах, еврейка, бог убьет!
Если верить Моисею,
Скотоложница умрет!

Ты наказана сегодня,
И тебя пронзил Амур,
О, чувствительная сводня,
О, краса молдавских дур.
Смотришь: каждая девица
Пред тобою с молодцом,
Ты ж одна, моя вдовица,
С указательным перстом.

Ты умна, велеречива,
Кишиневская Жанлис,[182]
Ты бела, жирна, шутлива,
Пучеокая Тарсис.[182]
Не хочу судить я строго,
Но к тебе не льнет душа —
Так послушай, ради бога,
Будь глупа, да хороша.

* * *

Теснится средь толпы еврей сребролюбивый,
Под буркою казак, Кавказа властелин,

Болтливый грек и турок молчаливый,
И важный перс, и хитрый армянин —

* * *

Эллеферия[183], пред тобой
Затмились прелести другие,
Горю тобой, я вечно твой,
Я твой навек, Эллеферия!

Ее пугает света шум,
Придворный блеск ей неприятен;
Люблю в ней пылкий, правый ум.
И сердцу глас ее понятен.

На юге, в мирной темноте
Живи со мной, Эллеферия,
Твоей ... красоте
Вредна холодная Россия.

ЭПИГРАММА

(НА А. А. ДАВЫДОВУ)

Оставя честь судьбе на произвол,
Давыдова, живая жертва фурий,
От малых лет любила чуждый полк,
И вдруг беда! казнит ее Меркурий,
Раскаяться приходит ей пора,
Она лежит, глаз пухнет понемногу,
Вдруг лопнул он: что ж дама? – «Слава богу!
Все к лучшему: вот новая <дыра>!»

* * *

Я не люблю твоей Корины,
Скучны любезности картины.
В ней только слезы да печаль
И фразы госпожи де Сталь.
Милее мне живая младость,
Рассудок с сердцем пополам,
Приятной лести жар и сладость,
И смелость едких эпиграмм,

Веселость шуток и рассказов,
Воображенье, ум и вкус,
И для того, мой Безобразов,
К тебе

* * *

A son amant Egle sans resistance
Avait cede – mais lui pble et perclus
Se demenait – enfin n'en pouvant plus
Tout essoufle tira... sa reverance, —
«Monsieur. – Egle d'un ton plein d'arrogance,
Parlez, Monsieur: pourquoi donc mon aspect
Vous glace-t-il? m'en direz vous la cause?
Est-ce degout?» – Mon dieu, c'est autre chose. —
«Exces d'amour?» – Non, exces de respect.[184]

* * *

J'ai possede maotresse honnete,
Je la servais comme il lui faut,
Mais je n'ai point tourne de tete, —
Je n'ai jamais vise <si> haut.[185]

1822

В. Ф. РАЕВСКОМУ

Не даром ты ко мне воззвал
Из глубины глухой темницы.

В. Ф. РАЕВСКОМУ[186]

Не тем горжусь я, мой певец,
Что привлекать умел стихами
Вниманье пламенных сердец,
Играя смехом и слезами,

Не тем горжусь, что иногда
Мои коварные напевы
Смиряли в мыслях юной девы
Волненье страха и стыда,

Не тем, что у столба сатиры
Разврат и злобу я казнил,
И что грозящий голос лиры
Неправду в ужас приводил,

Что непреклонным вдохновеньем,
И бурной юностью моей,
И страстью воли, и гоненьем
Я стал известен меж людей, —

Иная, высшая награда
Была мне роком суждена —
Самолюбивых дум отрада!
Мечтанья суетного сна!..

В. Ф. РАЕВСКОМУ

Ты прав, мой друг – напрасно я презрел
Дары природы благосклонной.
Я знал досуг, беспечных муз удел,
И наслажденья лени сонной,

Красы лаис, заветные пиры,
И клики радости безумной,
И мирных муз минутные дары,
И лепетанье славы шумной.

Я дружбу знал – и жизни молодой
Ей отдал ветреные годы,
И верил ей за чашей круговой
В часы веселий и свободы,

Я знал любовь, не мрачною тоской,
Не безнадежным заблуждением,
Я знал любовь прелестною мечтой,
Очарованьем, упоеньем.

Младых бесед оставя блеск и шум,
Я знал и труд, и вдохновенье,
И сладостно мне было жарких дум
Уединенное волненье.

Но все прошло! – остыла в сердце кровь.
В их наготе я ныне вижу
И свет, и жизнь, и дружбу, и любовь,
И мрачный опыт ненавижу.

Свою печать утратил резвый нрав,
Душа час от часу немеет;
В ней чувств уж нет. Так легкий лист дубрав
В ключах кавказских каменеет.

Разоблачив пленительный кумир,
Я вижу призрак безобразный.
Но что ж теперь тревожит хладный мир
Души бесчувственной и праздной?

Ужели он казался прежде мне
Столь величавым и прекрасным,
Ужели в сей позорной глубине

Я наслаждался сердцем ясным!

Что ж видел в нем безумец молодой,
Чего искал, к чему стремился,
Кого ж, кого возвышенной душой
Боготворить не постыдился!

Я говорил пред хладною толпой
Языком истины свободной,
Но для толпы ничтожной и глухой
Смешон глас сердца благородный.

Везде ярем, секира иль венец,
Везде злодей иль малодушный,
Тиран льстец,
Иль предрассудков раб послушный.

* * *

Дай, Никита, [187] мне одеться:
В митрополии звонят.

* * *

Мой друг, уже три дня

Сижу я под арестом[188]
И не видался я
Давно с моим Орестом[189].
Спаситель молдаван,
Бахметьева[190] наместник,
Законов провозвестник,
Смиренный Иоанн,[191]
За то, что ясский пан,
Известный нам болван
Мазуркою, чалмою,
Несносной бородою —
И трус и грубиян —
Побит немножко мною,
И что бояр пугнул
Я новою тревогой, —
К моей канурке строгой
Приставил караул...

.....
Невинной суеты,
А именно – мараю
Небрежные черты,
Пишу карикатуры, —
Знакомых столько лиц, —
Восточные фигуры
«Ебливых» кукониц[192]
И их мужей рогатых,
Обритых и брадатых!

НА ЛАНОВА[193]

Бранись, ворчи, болван болванов,
Ты не дождешься, друг мой Ланов,
Пощечин от руки моей.
Твоя торжественная рожа
На бабье гузно так похожа,
Что только просит киселей

* * *

На тихих берегах Москвы
Церквей, венчанные крестами,
Сияют ветхие главы
Над монастырскими стенами.
Кругом простерлись по холмам
Вовек не рубленные рощи,
Издавна почивают там
Угодника святые мощи.

* * *

Один, один остался я,
Пиры, любовницы, друзья
Исчезли с легкими мечтами, —
Померкла молодость моя
С ее неверными дарами.
Так свечи, в долгу ночь горев
Для резвых юношей и дев,
В конце безумных пирований
Бледнеют пред лучами дня.

ТАВРИДА

Gib meine Jugend mir zurück[194]

I

Ты вновь со мною, наслажденье;
В душе утихло мрачных дум
Однообразное волненье!
Воскресли чувства, ясен ум.
Какой-то негой неизвестной,
Какой-то грустью полон я;
Одушевленные поля,
Холмы Тавриды, край прелестный —
Я снова посещаю вас...
Пью томно воздух сладострастья,

Как будто слышу близкий глас
Давно затерянного счастья.

Счастливым край, где блещут воды,
Лаская пышные брега,
И светлой роскошью природы
Озарены холмы, луга,
Где скал нахмуренные своды

II

За нею по наклону гор
Я шел дорогой неизвестной,
И примечал мой робкой взор
Следы ноги ее прелестной —
Зачем не смел ее следов
Коснуться жаркими устами,
Кропя их жгучими <?> [слезами <?>]

Нет, никогда среди бурных дней
Мятежной юности моей
Я не желал [с таким] волнением
Лобзать уста молодых Цирцей
И перси, полные томленьем...

Чугун кагульский[195], ты священ
Для русского, для друга славы —
Ты среди торжественных знамен
Упал горящий и кровавый,
Героев севера губя

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] (владелец... Сералья); опера В. А. Пашкевича «Февей» (1786) на текст Екатерины II (учтливое китайца); опера композитора Фомина «Американцы», либретто И. А. Крылова и Клушина, 1788 г. (грубого американца); опера неизвестных авторов «Пивовар, или Кроющийся дух», 1789 г. (немчурю... с кружкой, пивом налитою).

[2] Я... монах. – Здесь и в других стихотворениях этого времени поэт изображал лицей, закрытое учебное заведение, монастырем.

[3] Глазунов – книгоиздатель.

[4] Графов – Хвостов.

[5] Парни российский. – Именем французского лирического поэта Пушкин называет Батюшкова.

[6] Певец Тиисский – Анакреон (ок. 570 – 478 г. до н. э.),

крупнейший греческий лирик, воспевавший радости жизни, любовь и вино. Он был родом из Тииса (Теоса) в Ионии.

[7] Кому неизвестны «Воспоминания на 1807 год»?

[8] То есть, в школе.

[9] Отец... «Телемахиды» – Василий Кириллович Тредиаковский, стихотворные произведения которого, в особенности поэма «Телемахиды», написаны тяжеловесным слогом; современниками Пушкина они расценивались как образцы бездарности.

[10] Витгенштейн Петр Христианович – русский генерал, не допустивший в начале Отечественной войны 1812 г. французские войска к Петербургу; его называли «защитником Петрова града».

[11] Под именами Рифматова, Графова и Бибруса – подразумеваются Сергей Александрович Ширинский-Шихматов (1783 – 1837), граф Дмитрий Иванович Хвостов (1757 – 1835) и Семен Сергеевич Бобров (1767-1810); приверженцы старины, они были постоянной мишенью для эпиграмм представителей нового литературного течения, объединившихся в обществе «Арзамас».

[12] Глазунов Иван Петрович – петербургский издатель и книгопродавец.

[13] Ювенал – римский поэт-сатирик (I в.).

[14] Рамаков – имеется в виду Макаров Петр Иванович (1765 – 1804), критик, последователь Карамзина, противник А. С. Шишкова.

[15] Невский герой – Александр Невский.

[16] Ершова Евдокия Семеновна – молодая жена генерала Ершова, навещавшая кого-то из лицеистов летом 1814 г.

[17] Оссиан – легендарный шотландский поэт, творчество которого относили к III в. Изданные в 1762 – 1765 гг. под его именем произведения оказались записью народных песен и преданий, сделанной шотландским поэтом XVIII в. Макферсоном, или стилизованными произведениями самого Макферсона. Пушкин поддался всеобщему увлечению Оссианом, пережитому европейскими и русскими поэтами в конце XVIII – начале XIX в. Строки многоточия в тексте «Кольны» воспроизводят оригинал («Вестник Европы», 1814).

[18] Певец Людмилы – Жуковский, автор баллады «Людмила».

[19] В подарок пук стихов – цитата из послания Жуковского «К Батюшкову».

[20] Жан-Жак – Руссо.

[21] Жанлиса – Жанлис (1746 – 1830), французская писательница, автор сентиментальных нравоучительных повестей для детей.

[22] Гамильтон Антуан (1646 – 1720) – французский писатель, автор «восточных» сказок.

[23] Грей Томас (1716 – 1771) – английский поэт, автор элегий. Автор «Элегии, написанной на сельском кладбище» («Elegy Written in a Country Churchyard»).

[24] Томсон Джемс (1700 – 1748) – английский поэт, ав-

тор поэмы «Времена года», в которой любовь к природе противопоставляется городской жизни.

Строка многоточия в тексте обозначает, что в нем недостает нескольких стихов.

[25] Vale! – Будь здоров! (лат.)

[26] Остряк любезный – Алексей Демьянович Илличевский.

[27] Красавец молодой – кн. Александр Михайлович Горчаков.

[28] Повеса из повес – Иван Васильевич Малиновский, сын первого директора лицея.

[29] Товарищ милый, друг прямой – Иван Иванович Пушкин.

[30] В последних двух стихах высмеивается Кюхельбекер, неизменная жертва лицейских эпиграмм.

[31] Пучкова Екатерина Наумовна (1792 – 1867) – писательница, близкая кругам «Беседы любителей русского слова». Эпиграмма связана с тем, что газета «Русский инвалид» помещала воззвания о помощи инвалидам, которые писались патетично и сентиментально. Они печатались анонимно, но, по-видимому, было известно, что автором их является Пучкова.

Стихотворение датируется предположительно концом 1814 – началом 1815 г.

[32] МОЙ ПОРТРЕТ

Вы просите у меня мой портрет,
Но написанный с натуры;
Мой милый, он быстро будет готов,
Хотя и в миниатюре.
Я молодой повеса,
Еще на школьной скамье:
Не глуп, говорю не стесняясь,
И без жеманного кривлянья.
Никогда не было болтуна,
Ни доктора Сорбонны –
Надоедливее и крикливее,
Чем собственная моя особа.
Мой рост с ростом самых долгоязыких
Не может равняться;
У меня свежий цвет лица, русые волосы
И кудрявая голова.
Я люблю свет и его шум,
Уединение я ненавижу;
Мне претят ссоры и препирательства,
А отчасти и учение.
Спектакли, балы мне очень нравятся,
И если быть откровенным,
Я сказал бы, что я еще люблю...
Если бы не был в Лицее.
По всему этому, мой милый друг,
Меня можно узнать.

Да, таким, как бог меня создал,
Я и хочу всегда казаться.
Суций бес в проказах,
Сущая обезьяна лицом,
Много, слишком много ветренности —
Да, таков Пушкин.
(Перевод с франц.)

[33] СТАНСЫ

Видали ль вы нежную розу,
Любезную дочь ясного дня,
Когда весной, едва расцветиши,
Она являет образ любви?
Такою глазам нашим, еще прекраснее,
Ныне явилась Евдокия;
Не раз видела весна, как она расцветала,
Прелестная и юная, подобная ей самой.
Но, увы! ветры и бури,
Эти лютые дети зимы,
Скоро заревут над нашими головами,
Окуют воду, землю и воздух.
И нет более цветов, и нет более розы!
Любезная дочь любви,
Завянув, падает, едва расцветишая:
Миновала пора ясных дней!
Евдокия! любите! Время не терпит:

Пользуйтесь вашими счастливыми днями!

В хладной ли старости

Дано нам ведать пыл любви?

(Перевод с франц.)

[34] Помнишь ли, мой брат по чаше. – Несколько измененная цитата из стихотворения Батюшкова «Ложный страх».

[35] Педант – Гауеншильд.

[36] Изменяли час похмелья – то есть обнаруживали, выдавали (от французского глагола trahir).

[37] Рифмов – Ширинский-Шихматов.

[38] Фернейский злой крикун – французский писатель Вольтер, живший последние двадцать лет в своем имении Ферней в Швейцарии, где он создавал страстные публицистические произведения.

[39] Арьост – итальянский поэт Ариосто (1474 – 1533), к поэме которого «Неистовый Роланд» восходят позднейшие шуточные поэмы, например «Орлеанская девственница» Вольтера, на которую и намекает Пушкин, называя Вольтера внуком Арьоста.

[40] «Кандид» – философско-сатирический роман Вольтера.

[41] Наперсник милый // Психеи, златокрылой – поэт Богданович, автор поэмы «Душенька», написанной на сюжет мифа об Амуре и Психее.

[42] Грозный Аристарх... в шестнадцати томах – фран-

цузский драматург и критик Жан-Франсуа Лагарп (1739 – 1803), автор шестнадцатитомного издания «Лицей, или Курс древней и новой литературы».

[43] Визгов – Степан Иванович Висковатов (1786 – 1831), малоталантливый драматург.

[44] Глупон – Николай Михайлович Шатров (1765 – 1841), стихотворец, автор подражаний псалмам; приверженец школы Шишкова и противник Карамзина.

[45] Князь, наперсник муз – кн. Дмитрий Петрович Горчаков (1758 – 1824), писатель, известный своими сатирическими произведениями.

[46] Насмешник смелый – поэт Константин Николаевич Батюшков. В последующих стихах имеется в виду его сатирическая поэма «Видение на берегах Леты», направленная против писателей – членов литературного общества «Беседа любителей русского слова».

[47] Буянова певец – Василий Львович Пушкин (дядя Пушкина), поэт, примыкавший к литературной группе Карамзина, автор нескромного рассказа в стихах «Опасный сосед», с главным героем Буяновым.

[48] Шутник бесценный – И. А. Крылов; далее говорится о его сатирическом произведении «Трумф» (или «Подщипа»), написанном в форме шуточной трагедии.

[49] Свистов. – Здесь имеется в виду Барков Иван Семенович (1732 – 1768), поэт и переводчик, особенно известный своими скабрёзными стихотворениями; несколько ниже под

этим же именем (Свистов), ставшим нарицательным, высмеивается бездарный стихотворец Хвостов.

[50] Марон – римский поэт Вергилий (Публий Вергилий Марон) (70 – 19 гг. до н. э.).

В «Городке» впервые Пушкин прямо говорит о бессмертии своей поэзии (Не весь я предан тленью... и т. д.).

[51] Эпиталама – свадебная песнь.

[52] Галич Александр Иванович (1783 – 1848) преподавал в 1814 – 1815 гг. русский и латинский языки в лицее. Лицеисты любили его. Он ободрял юношу-поэта «на поприще, им избранном». Галич – один из тех передовых профессоров Петербургского университета, против которых в 1821 г. было возбуждено дело по обвинению в том, что лекции их представляют собою «обдуманную систему неверия и правил зловредных и разрушительных».

В стихотворении отражается мечта Пушкина стать военным, которая владела им недолго.

[53] А мне прослыть Прадоном отныне суждено. – Прадон – бездарный французский поэт XVII в., литературную карьеру которому делали друзья, искусственно создавая ему репутацию соперника Расина.

[54] Графов – Д. И. Хвостов.

[55] Клерона – Клара Клерон, знаменитая французская драматическая актриса (XVIII в.).

[56] Милон – персонаж оперы Фомина «Клорида и Милон» на либретто Капниста (1800).

[57] Имя Аристарха – александрийского филолога и комментатора греческих классических поэтов (конец III – II в. до н. э.) – стало нарицательным для строгого, педантичного критика.

[58] Свистов, Хлыстов или Графов – сатирические имена, под которыми высмеивался граф Хвостов.

[59] Шапель Эмануил (1626 – 1686) – французский поэт, автор стихотворений преимущественно анакреонтического содержания.

[60] Певец прелестный – Жан-Батист Грессе (1709 – 1777) – французский поэт, автор легких и веселых стихотворений.

[61] Вер-вер – фривольно-комическая поэма Грессе, героиней которой, попугай Вер-вер, повторяет непристойную ругань в женском монастыре.

[62] Рисовал... уединенный свой чердак – имеется в виду поэма Грессе «La chartreuse» («Обитель»). «В ранней редакции после строки «Покою жертвую стихам» следовало:

*Что, бегая по всем углам,
Ерошу волосы клоками,
Подобно Фебовым жрецам,
Сверкаю грозными очами,
и т. д.*

После строки «На славу дружбы иль Эроса» следовало:

Тотчас я труд окончу свой.

*Сижу ли с добрыми друзьями,
Лежу ль в постеле пуховой,
Брожу ль над тихими водами,*
и т. д.

[63] Наш друг Лафар, Шолье, Парни – первоначально было: Анакреон, Шолье, Парни. Лафар (1644 – 1712), Шолье (1639 – 1720) – французские поэты, авторы анакреонтических стихотворений.

[64] Венчаный исполин – Наполеон.

[65] Кульмские герои – I гвардейская пехотная дивизия, отличившаяся в сражении с французами близ села Кульм в Чехии 17 – 18 августа 1813 г.

[66] Полнощи царь молодой – Александр I.

[67] Безрифмин – поэт С. С. Бобров, писавший белыми стихами; так назван он Батюшковым в «Видениях на берегах Леты». Имя Безрифмина использовано Батюшковым не в «Видении на берегах Леты», а в «Послании к стихам моим» и в эпиграмме «Безрифмина совет...».

[68] Тибурский мудрец – римский поэт Гораций (I в. до н. э.).

[69] Баллада – баллада Дельвига «Поляк».

[70] К лилии куплет – имеется в виду стихотворение Дельвига «Лилея».

[71] Милый остряк и наш песельник – товарищи Пушкина по лицу А. Д. Илличевский и М. Л. Яковлев.

[72] Юдин Павел Михайлович (1798 – 1852) – лицейский

товарищ Пушкина.

[73] Альбион – поэтическое название Великобритании.

[74] Лион – город во Франции, славившийся своими фабриками шелков.

[75] Захарово – подмосковное имение бабушки Пушкина, Марии Алексеевны Ганнибал, где семейство Пушкиных проводило летние месяцы в 1805 – 1810 гг.

[76] Милая Сушкова. – В автографе фамилия заменена звездочкой. Она введена предположительно. Сушкова Софья Николаевна – девочка, с которой Пушкин был знаком в Москве, еще до поступления в лицей; «ранняя любовь» поэта.

[77] Денис, невежде бич и страх – Фонвизин.

[78] Петрушка – персонаж из «Послания к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» Фонвизина; Пушкин называет Петрушку Демосфеном по имени знаменитого афинского оратора.

[79] Весь свет бездельная игрушка – измененная цитата из упомянутого послания Фонвизина: «Весь свет мне кажется ребячья игрушка».

[80] Мои парнасские клеветы – здесь: соучастники в общем деле, писатели.

[81] Эрмий – Меркурий, посланец богов.

[82] Кропов – Андрей Фролович Кропотов (1780 – 1821), писатель, издававший в 1815 г. в Петербурге журнал «Демокрит», который он наполнял своими произведениями.

[83] Хвостов – см. прим. к стих. «Ты и я», и «К другу стихотворцу».

[84] «Аспазия» – журнал «Кабинет Аспазии», выходивший в 1815 г. в Петербурге. Главными его участниками были его издатели – бездарный поэт Борис Федоров и его компаньоны. В «Аспазии» боготворят. – В четвертой книжке этого журнала был напечатан хвалебный отзыв на стихи графа Хвостова.

[85] Анастасевич Василий Григорьевич – библиограф и переводчик; в 1811 – 1812 гг. издавал журнал «Улей», в котором он печатал главным образом свои произведения; в современных сатирических стихах он изображался как «холодуй» «мецената» Хвостова.

[86] Простакова – персонаж комедии Фонвизина «Недоросль».

[87] Боскет – комната, украшенная и расписанная зелеными растениями. Это подчеркнутое Пушкиным слово взято им из послания Шаликова «К соседу».

[88] Князь Шальной – князь Петр Иванович Шаликов (1768 – 1852), плодовитый писатель-сентименталист.

[89] Славяноросс надутый – С. А. Ширинский-Шихматов (см. о нем прим. «К другу стихотворцу»).

[90] Петриада – «Петр Великий» (1810), поэма Ширинского-Шихматова, которая именовалась «лирическое песнопение».

[91] Ужасный критикам старик – А. С. Шишков, глава

«Беседы любителей русского слова».

[92] Невинная другиня – поэтесса Бунина Анна Петровна (1774 – 1828), почетный член «Беседы любителей русского слова».

[93] Кокетки старой кабинет – журнал «Кабинет Аспазии».

[94] Певец Екатерины – Державин.

[95] «Открылась тайн священных дверь» и далее – пародия на его «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества»; весь текст этой пародии составлен Пушкиным из подлинных стихов Державина, выбранных из разных мест «Гимна».

[96] Бобров. – См. прим. к стих. «К другу стихотворцу».

[97] Судьбой Невтону равен. – Ньютон был некоторое время психически болен.

[98] Ты бог – ты червь, ты свет – ты ночь. – Измененная цитата из оды Державина «Бог» («Я царь – я раб, я червь – я бог»), употребленная Пушкиным в том смысле, что Державин, в прошлом большой поэт, в настоящее время автор слабых, лишенных смысла произведений.

[99] Геркулес – герой греческих мифов – как известно, сатиры не писал, но был прославлен своей силой (между прочим, в одну ночь он стал любовником пятидесяти дочерей Феспия); а поэт Буало, вследствие увечья, случившегося еще в детстве, был осужден на безбрачие, стал женоненавистником и написал сатиру на женщин.

[100] Под именем Делии римский поэт Тибулл (I в. до н. э.) воспевал в элегиях свою возлюбленную.

[101] Сазонов Константин – лицейский дядька, оказавшийся убийцей; после ареста его, 18 марта 1816 г., выяснилось, что во время двухлетней службы в лицее им совершено в Царском Селе и окрестностях шесть или семь убийств.

[102] Эпиграмма на врача Франца Осиповича Пешеля, работавшего в лицее с 1811 по 1842 г.

[103] Буало (1636 – 1711) – знаменитый французский поэт-сатирик и теоретик классицизма.

[104] Николев Николай Петрович – автор ложноклассических од и сентиментальных песен в народном духе.

[105] Славенские глупцы – члены «Беседы любителей русского слова».

[106]

*Очень легко, сударыня,
Принять Вас за сводню
Или за старую обезьяну,
Но за грацию, – о боже, нет!
(Перевод с франц.)*

[107] Карамзин.

[108] Наперсник муз... приветливым меня вниманьем ободрил. – Речь идет о Карамзине, у которого Пушкин постоянно бывал летом 1816 г., и который высоко ценил дарование юного поэта.

[109] Державин.

[110] Не ты ль мне руку дал в завет любви священный? – Пушкин вспоминает посещение его Жуковским в лицее, о чем Жуковский тогда же (19 сентября 1815 г.) писал Вяземскому: «Я сделал еще приятное знакомство! с нашим молодым чудотворцем Пушкиным. Я был у него на минуту в Сарском Селе. Милое живое творение! Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу. Это надежда нашей словесности». Жуковский назвал его «будущим гигантом, который всех нас перерастет».

[111] Бессмыслицы дружины боевые – сторонники реакционного литературного направления, возглавляемого А. С. Шишковым, объединившиеся в обществе «Беседа любителей русского слова».

[112] Два призрака склонились главами – Третьяковский и Сумароков.

[113] Ломоносов.

[114] Пусть будет Мевием в речах превознесен. – Мевий – бездарный римский поэт, преследовавший в своих стихах Вергилия и осмеянный Горацием. Пушкин сравнивает с ним А. С. Шишкова.

[115] Явится Дебрео – исчезнет Шапелен. Дебрео – Буало, осмеявший Шаплена, бездарного поэта и литературного старовера.

[116] Те слогом Никона печатают поэмы – то есть слогом церковных книг (Никон – московский патриарх XVII в.).

[117] Тот... на сцену возведя зевающую музу. – Имеется в виду А. А. Шаховской, драматург и режиссер, начальник репертуарной части петербургских императорских театров (в 1802 – 1818 и 1821 – 1825 гг.) и фактический руководитель театральной жизни столицы.

[118] Маковый венец – знак того, что Шаховской усыпляет читателей и зрителей.

[119] Феспис (VI в. до н. э.) – древнегреческий поэт, основатель драматического жанра.

[120] К вам Озерова дух вызывает: други! месть!... – Пушкин имеет в виду слухи, будто виной помешательства и смерти драматурга Озерова были интриги Шаховского.

[121] Алексей Кириллович Разумовский – министр народного просвещения (с 1810 по 1816 гг.), принимавший деятельное участие в жизни лицея. Он организовывал репетиции акта открытия лицея, репетиции чтения Пушкиным стихов на переходном экзамене. С его именем связан также целый ряд запретов и ограничений в жизни лицеистов. Он запретил выставлять доски с фамилиями отличившихся, запретил воспитанникам сочинять и представлять театральные пьесы.

[122] Лента голубая – принадлежность высшего ордена – Андрея Первозванного. Ордена этого Разумовский не получал. Когда прошел об этом слух – неизвестно.

[123] Воинственный поэт – вероятно, Денис Васильевич Давыдов (1784 – 1839), организатор партизанской войны.

[124] Лида – условное имя, принятое в русской поэзии начала XIX в. (вероятно, восходит к Горацию: это имя его неверной возлюбленной). Пушкин протестует в шуточной форме против философии стоиков.

[125] Закон и Аристипов и Глицеры. – Согласно учению древнегреческого философа Аристипа (V в. до н. э.), цель жизни – удовольствие. Глицера (Гликера) – афинская гетера. Glyceria (сладкая) – условное поэтическое имя, которое встречается у Горация и Марциала.

[126] Платоновы химеры. – Имеется в виду учение древнегреческого философа Платона о том, что духовная любовь, чуждая всякой чувственности, является высшим проявлением этого чувства.

[127] Нинон – Нинон де Ланкло (1615-1705), известная французская красавица, прославившаяся своими любовными похождениями. Ее литературный салон широко посещался французской знатью.

[128] Зенон (IV – III в. до н. э.) – древнегреческий философ, основатель стоической школы, проповедовавший равнодушие к жизненным благам и почитавший высшим благом добродетель.

[129] Катон (III – II в. до н. э.) – государственный деятель древнего Рима, известный своей борьбой за строгость нравов.

[130] Скучный раб Эпафродита – Эпиктет (I – II вв.), греческий философ-стоик, он был рабом вольноотпущенника

Эпафродита.

[131] Сенека (I в. до н. э.) – римский философ-стоик. Луций Анней Сенека-Младший (Сенека-философ) жил в I в. н. э.

[132] Цицерон (II – I в. до н. э.) – римский политический деятель, оратор и философ.

[133] Сократ (V в. до н. э.) – знаменитый древнегреческий философ, родоначальник «нравственной философии».

[134] Аспазия – жена афинского государственного деятеля Перикла (V в. до н. э.), известная своей красотой и образованностью; у нее в доме собирались виднейшие афинские художники, поэты и философы.

[135] Тому свидетель сам Платон. – В сочинении Платона «Менексен» говорится о близком знакомстве Сократа с Аспазией.

[136] Совместник – устаревшее слово, означающее: соперник; здесь: противник в философских взглядах.

[137] Злой циник – древнегреческий философ Диоген (V – IV в. до н. э.); философы школы циников добродетель видели в аскетизме.

[138] С бочкой странствуя пустою. – Согласно легенде, Диоген, считая дом роскошью, жил в бочке.

[139] Лила. – Этим условным именем, вероятно, названа Мария Николаевна Смит.

[140] Стихотворение написано в духе шутливо-дидактических поэм французских поэтов конца XVIII- начала XIX

в., в частности, Жозефа Бершу (1765 – 1839), о шутиливой поэме которого «Гастрономия» говорится в стихотворении. Возможно, что «Сон» является отрывком из неосуществленной поэмы «Оправданная лень», заглавие которой сохранилось в рукописях Пушкина.

[141] Ах! умолчу ль о мамушке моей и далее. – Вероятно, речь идет о бабушке Пушкина Марии Алексеевне Ганнибал; высказывавшееся предположение, что здесь имеется в виду няня поэта, Арина Родионовна, – сомнительно, так как она не была в пору детства Пушкина старухой (она родилась в 1758 г.).

[142] Альбан – Франческо Альбани, модный в России в начале XIX в. итальянский художник академического направления (XVII в.).

[143] А может быть, про грозного царя. – В извещении сказано, что «История» доведена «до кончины царицы Анастасии Романовны, супруги царя Ивана Васильевича», т. е., до 1560 года.

[144] Илья-богатырь – «Илья Муромец. Богатырская сказка» Карамзина, начало которой было напечатано в 1795 г.

[145] Алексей Демьянович Илличевский (1798 – 1837) – товарищ Пушкина по лицею.

[146] Иван Иванович Пущин (1798-1859), самый близкий друг Пушкина в лицее. Впоследствии – видный декабрист, сосланный на каторгу. Оставил замечательные по правдиво-

сти и сердечному чувству «Записки о Пушкине».

[147] Ты вспомни первую любовь. – Пушкин и Пущин оба увлекались Е. П. Бакуниной.

[148] Вельо – дочери придворного банкира, барона Иосифа Вельо, родом португальца (к их старшей сестре Софье Иосифовне обращено стихотворение «На Баболовский дворец»). Экспромт относится к зиме 1816 – 1817 гг.

[149] Эпиграмма на лицейского гувернера и учителя рисования Сергея Гавриловича Чирикова. Он занимался стихотворством, а до службы в лицее был секретарем медико-филантропического комитета (поэт, писец). Неизвестно, какие обстоятельства в жизни этого гражданского человека имеет в виду Пушкин, называя его воином. В одной из лицейских песен о Чирикове есть подобный же намек: «...И походом // Я на Выборгской бывал».

[150] Мартын – Мартын Степанович Пилецкий-Урбанович, надзиратель по учебной и нравственной части лицея. Ненавидимый лицеистами за ханжество, сыск и высокомерие, Пилецкий вынужден был уйти из лицея (в 1813 г.) в результате демонстрации лицеистов, возглавлявшейся Пушкиным.

[151] Фролов Степан Степанович – надзиратель по учебной и нравственной части, в 1816 г. замещавший директора лицея, – отставной подполковник, человек невежественный, он был предметом постоянных насмешек лицеистов.

[152] Энгельгардт Егор Антонович (1775 – 1862) – по-

следний при Пушкине директор лицея (с 1816 г.).

[153] Красный колпак – символ свободы (остроконечную красную шапочку носили якобинцы в эпоху французской революции).

[154] Каверин Петр Павлович и Молоствов Памфамир Христофорович – лейб-гусары, друзья Пушкина.

[155] КУПЛЕТЫ

*Когда поэт в восторге
Читает вам свою оду или поздравительные стихи,
Когда рассказчик тянет фразу,
Когда слушаешь попугая,
Не находя, чему посмеяться, –
Засыпаешь, зеваешь в платок,
Ждешь минуты, когда можно сказать:
«До приятного свидания» .*

*Но наедине со своей красавицей
Или среди умных людей
Истинное счастье оживает,
Бываешь доволен, смеешься, поешь,
Длите ваши мирные бдения
И пойте на исходе вечера
Вашим друзьям, вашим бутылкам:
«До приятного свидания».*

Друзья, жизнь мимолетна,
И все уплывает вместе с временем,
Любовь тоже летун,
Птица нашей весны.
Слишком рано она исчезает, смеясь украдкой,
И навсегда – прощай, надежда,
Когда она упорхнет, не скажешь более:
«До приятного свидания».

Время бежит, печальное и жестокое, –
И рано или поздно отправляешься на тот свет.
Иногда – это бывает не так уж редко –
Случай спасает нас от могилы,
Удаляются полчища страданий,
И черный ужасный скелет
Уходит стучаться в другие двери:
«До приятного свидания».

Но что? я чувствую, что утомился,
Утомляя моих дорогих слушателей.
Хорошо, я спускаюсь с Парнаса,
Он создан не для певцов.
Меня вдохновляют куплеты,
Я властвую над припевом.
Довольно – прощай, перо!

*Время бежит, печальное и жестокое, –
И рано или поздно отправляешься на тот свет.
Иногда – это бывает не так уж редко –
Случай спасает нас от могилы,
Удаляются полчища страданий,
И черный ужасный скелет
Уходит стучаться в другие двери:
«До приятного свидания».
(Перевод с франц.)*

[156] Именем Тиртея – древнегреческого поэта-воина, воспевшего доблести спартанцев, – Пушкин называет Жуковского, участника Отечественной войны и автора стихотворения «Певец во стане русских воинов» (1812).

[157] Славил... кисель и Александра. – Стихотворения Жуковского «Овсяный кисель. Из Гебеля» (1816) и послание «Императору Александру» (1814).

[158] Смерть Захарову пророчила Кассандра. – Кассандра (жрица-пророчица) – арзамасское прозвище Дмитрия Николаевича Блудова, данное ему по названию баллады Жуковского. На одном из заседаний «Арзамаса», 16 декабря 1815 г., Блудов, по уставу Арзамаса, говорил «надгробное слово» одному из воображаемых «покойников» – члену «Беседы любителей русского слова», Ивану Семеновичу Захарову. Спустя шесть недель после речи Блудова Захаров умер (30 января 1816 г.).

[159]

О волшебство первой любви!...

Виланд

(перевод с нем.)

[160] Именем Лаиса называли куртизанок (по имени известной греческой гетеры, жившей в IV в. до н. э. в Коринфе). К кому именно обращены эти стихи – не установлено.

[161] Мансуров Павел Борисович (1795 – ум. после 1880 г.) – поручик Лейб-гвардии конно-егерского полка, член кружка «Зеленая лампа», любитель театра.

[162] Крылова Марья Михайловна – танцовщица, тогда пятнадцатилетняя ученица балетного училища.

[163] Ласси – актриса французской труппы в Петербурге.

[164] Казасси Марья Францевна – главная надзирательница Театрального училища в Петербурге.

[165] Библическим Стурдза назван здесь потому, что он был деятельным членом Библейского общества и выступал в печати с трудами на церковные темы; он написал, по поручению Александра I, инструкцию для ученого комитета, в которой настаивал на введении в программы средних учебных заведений религиозных наук. Стихи представляют собою перифраз русской народной песни:

Я вокруг печки хожу,

Вкруг дубовенькия

(вариант:

*Вкруг я бочки хожу,
Вкруг дубовенькия).*

[166] Лезбия – имя, идущее из поэзии Катулла (I в. до н. э.). Так римский поэт называл свою возлюбленную, которой посвящены самые страстные его элегии, а впоследствии – самые резкие эпиграммы.

[167] Ключи от рая. – Шутка по поводу службы А. И. Тургенева в министерстве просвещения и духовных дел.

[168] Камергерский ключ – знак придворного звания камергера: Тургенев был назначен камергером 22 февраля 1819 г. Сообщая об этой «не приятной новости» своему ближайшему другу Вяземскому, Тургенев писал: «Никому еще не вздумалось поздравлять меня, а все приходят с изъявлением соучастия в том, что меня постигло». Стихи Пушкина являются дружеской эпиграммой.

[169] Стихи написаны на двойное торжество – именины Юрьева (20 или 23 сентября) и перевод его 20 сентября 1819 г. «за отличие и по собственному желанию» из армии в Лейб-гвардии уланский полк.

[170] Кагула памятник – обелиск в Царскосельском парке в память победы русских войск при Кагуле.

[171] Задунайский великан – генерал Петр Александрович Румянцов, возглавлявший во время первой русско-турецкой войны (1768 – 1774) Первую армию, одержавшую победу при Кагуле (1770).

*«Твой и мой, – говорит Лафонтен, –
Расторгло узы всего мира».*

Что до меня, я этому отнюдь не верю.

Что было бы, моя Климена,

Если бы ты больше не была моей,

Если б я больше не был твоим!

(Перевод с франц.)

[173] Поручик Барков Дмитрий Николаевич (1796 – ум. после 1850 <3.XII 1855) – офицер Лейб-гвардии егерского полка, театрал, переводчик оперных либретто, театральный рецензент.

[174] Подкумок – горная речка, на берегах которой расположен Пятигорск.

[175] Пустынные вершины – Бештау (Пятигорье), одиноко стоящая гора, верстах в семи от Пятигорска, имеющая несколько вершин. Во второй половине стихотворения отражены впечатления от Минеральных вод. Пушкин прожил на Северном Кавказе, вместе с семьей генерала Н. Н. Раевского, два месяца – с 5 июня до 5 августа 1820 г.

[176] Катенин Павел Александрович (1792 – 1853) – поэт, драматург и переводчик. Возможно, что эти стихи, извлеченные из черновой записной книжки, являлись частью задуманного Пушкиным большого послания «Зеленой лампе».

[177] Катакази Константин Антонович – кишиневский гу-

бернатор.

[178] Греческие бредни – стих каламбурный; так назывался популярный в то время водевиль Н. И. Хмельницкого.

[179] Маврогений – Петраки Маврогени – бессарабский помещик.

[180] Еврейка – прозвище М. Е. Эйхфельдт: находили, что она похожа на Ревекку, героиню романа Вальтера Скотта «Айвенго».

[181] Тадарашка – Теодор Егорович Крупенский, брат кишиневского вице-губернатора.

[182] Тарсис – сестра К. А. Катакази, карикатуры на которую Пушкин часто рисовал, подчеркивая ее выпуклые глаза; Жанлис – ее прозвище, по имени французской писательницы конца XVIII – начала XIX в.

[183] Под видом стихов к женщине Пушкин воспевает здесь свободу: Эллеферия – греческое женское имя, а также по-гречески – свобода.

[184]

Любовнику Аглая без сопротивления

Уступила, – но он, бледный и бессильный,

Выбивался из сил, наконец, в изнеможении,

Совсем запыхавшись, удовлетворился... поклоном.

Ему Аглая высокомерным тоном:

«Скажите, милостивый государь, почему же мой вид

Вас леденит? не объясните ли причину?»

Отвращение?» – «Боже мой, не то».

«Излишек любви?» – «Нет, излишек уважения».

(Перевод с франц.)

[185]

У меня была порядочная любовница,

Я ей служил, как ей подобает, –

Но головы ей не кружил,

И никогда не метил так высоко.

(Перевод с франц.)

[186] Раевский Владимир Федосеевич (1795 – 1872), майор егерского полка, стоявшего в Кишиневе, поэт, один из самых радикальных и твердых декабристов, близкий приятель Пушкина. 6 февраля 1822 г. Раевский был арестован за политическую пропаганду среди солдат. О предстоящем аресте он был предупрежден Пушкиным, случайно узнавшим об этом.

Стихотворение Пушкина является ответом на послание Раевского «Друзьям», проникшее в Кишинев из Тираспольской крепости. В послании Раевский призывает Пушкина быть гражданским поэтом. Пушкин начал ответ Раевскому стихами:

Недаром ты ко мне воззвал

Из глубины глухой темницы,

но не стал развивать этот замысел и написал послание «Не

тем горжусь я, мой певец...», тоже оставшееся незавершенным и не посланным адресату.

[187] Никита Тимофеевич Козлов – преданный слуга Пушкина. Никита отказался показать рукописные стихотворения Пушкина политическому сыщику Фогелю, предлагавшему за это пятьдесят рублей; он поехал с Пушкиным в ссылку – в мае 1820 г. и в 1824 г. приехал с ним из Одессы в «северную ссылку», Михайловское. В 1837 г. Никита сопровождал гроб с телом Пушкина из Петербурга в Святые Горы для погребения.

[188] Сижу я под арестом. – Пушкин был посажен под домашний арест (с 8 по 28 марта 1822 г.) за то, что он в ссоре ударял молдавского боярина Тадараки Балш.

[189] Орест – синоним слова друг (по античному мифу о дружбе Ореста и Пилада).

[190] Бахметев Алексей Николаевич – полномочный наместник Бессарабской области в 1816 – 1820 гг.

[191] Смиренный Иоанн – Иван Никитич Инзов, наместник Бессарабской области, под началом которого Пушкин служил в Кишиневе.

[192] Куконица – жена «кукона», молдавского боярина.

[193] Ланов Иван Николаевич – чиновник, сослуживец Пушкина в Кишиневе. «Человек... с понятиями о разделении лет и чинов, – вспоминал о Ланове современник. – Ему было за 65 лет, среднего роста, плотный, с большим брюхом, лысый, с широким красным лицом, на котором изобра-

жалось самодовольствие. Вообще, он представлял собою довольно смешной экземпляр». Эпиграмма – результат ссоры Пушкина с Лановым. Поэт вспомнил о нем спустя три года в пятой главе «Евгения Онегина»:

Тяжелый сплетник, старый плут

Обжора, взяточник и шут.

[194]

Возврати мне мою юность

(Перевод с нем.)

[195] Чугун кагульский – по-видимому, это ядро или осколок его, увиденный Пушкиным во время посадки в Измаил в декабре 1821 г. (При Кагуле была крупная победа русской армии над турецкими войсками). Три дня, проведенные в Измаиле, Пушкин осматривал город, крепость, карантин, читал в крепостной церкви надписи с именами убитых на штурме Измаила. Всю ночь, не раздеваясь, сидя на диване, писал.